

Трощин
ВЪ ЗАЩИТУ
НАВ'ГІИ

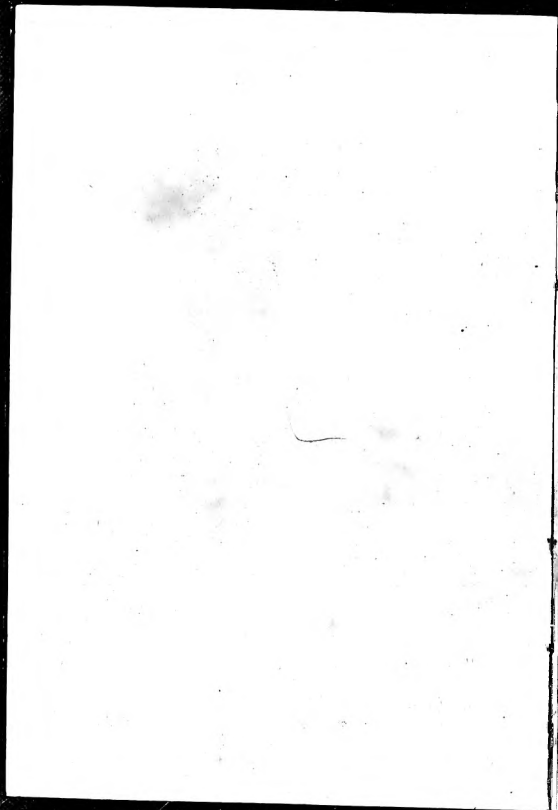
ІНСТИТУТЪ ЗЕМНА
БИБЛОТЕКА

EH171
B 121 4

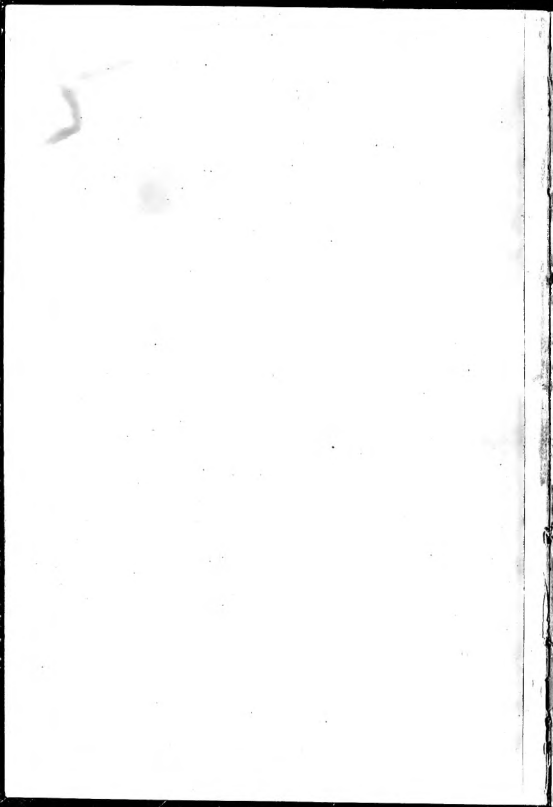

ЕН171
В 121

Н. ТРОЦКІЙ.

ВЪ ЗАЩИТУ ≡
≡ ≡ ПАРТІИ.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
Книгоиздательство Н. Глаголева,
С.-Петербургъ, Мевскій пр., 92.

ЕН 171
В 121

Н. ТРОЦКИЙ.

ВЪ ЗАЩИТУ ≡
≡ ≡ ≡ ПАРТИИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Электропечатня товарищества «Дѣло», Фонтанка, 96.
1907.

1 жз.

EH171

B 121

Библиотека

Института Лепена

при Ц. К. Р. Н. Л. (6.)

с. 40
11983

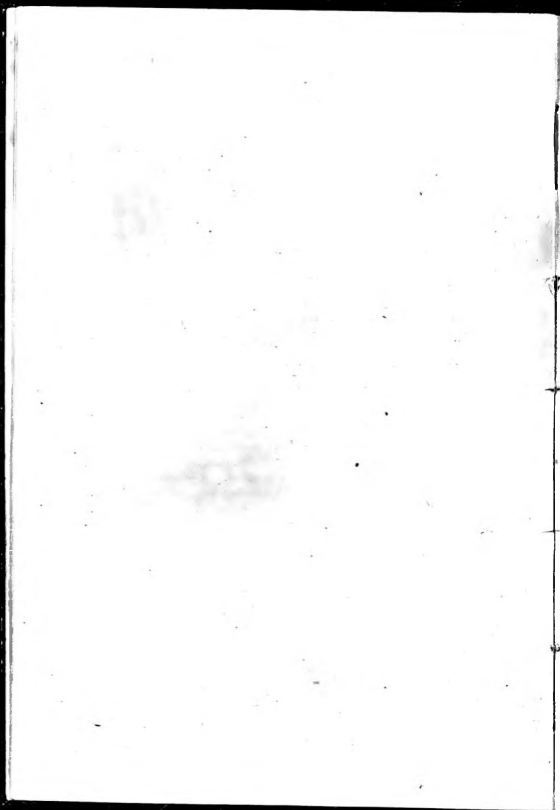
1068558

(182)
26

2886
86 с. 1.

Оглавленіе.

Предисловіе	V
На порогъ второй Думы	I
Рабочій съѣздъ	38
1. Письмо къ П. Б. Аксельроду	38
2. Письмо къ тов. Ю. Ларину	49
Въ защиту партіи	75
1. По поводу моихъ «полемиическихъ пріемовъ»	75
2. Злопыхательное безпристрастіе г. Прокоповича	80
3. Вѣрно-ли, что мы—интеллигентская партія?	87
4. Правда-ли, что мы—бланкистская партія?	90
5. «Критическіе социалисты» милостію кадетовъ	95
6. Сенсация г-жи Курдюковой дан-л'этранже	98
7. Всегда въ рядахъ пролетаріата!	103
8. Еще о злопыхательномъ безпристрастіи	110
9. «Иди и больше не грѣши!»	119
Каутскій о русской революціи	122

Предисловіе.

Еще одинъ періодъ революціи, слишкомъ затянувшійся, подходитъ къ концу; онъ начался съ разгона Думы и онъ упирается теперь въ думскіе выборы. Съ внѣшней стороны—это «стольпинскій» періодъ. Гайдукъ съ бакенбардами джентльмена—вотъ его символъ. Правительственная программа: либерализмъ Съдлеца и висѣлицъ. Абсолютизмъ еще разъ обнаружилъ огромную силу, какую даетъ ему историческая инерція. Незачѣмъ говорить, что это сила чисто механическая. Правительственный аппаратъ сталъ по преимуществу автоматомъ массовыхъ убійствъ. Правда, власть нашла опору въ нѣкоторыхъ социальныхъ группахъ. Дворянскія общества, земства, городскія думы шумно требовали порядка, беспощадно раздѣльвались съ послѣдними остатками либеральныхъ предразсудковъ и либеральной культуры, демонстрировали свое сочувствіе каждой министерской висѣлицѣ, и на фонѣ общаго молчанія ихъ голоса ободоряюще дѣйствовали на министерство, висящее между Петергофомъ и хаосомъ революціонной страны. Психологія есть, въ концѣ концовъ, даже и у этихъ людей, и она требуетъ хоть какого-нибудь суррогата сочувственной атмосферы. Если имъ нужна была «Россія» для того, чтобы питаться и вдохновляться сдѣланными на заказъ отраженіемъ своихъ собственныхъ «государственныхъ плановъ», то тѣмъ болѣе они должны были цѣнить довѣріе «торгово-промышленной партіи», сочувственныя телеграммы земствъ, молодцоватыя при-

вѣтствія гучковскаго «Союза» и неудовлетворенное лязганіе дубровинскихъ челюстей, которое по условіямъ момента было для нихъ дороже всякихъ благословеній. Но прямой опоры въ борьбѣ съ революціей, которая давно ушла въ народъ, эти элементы дать не могли. И, что гораздо важнѣе, они оказались совершенно неспособны оказать правительству финансовую поддержку. О такъ называемомъ «союзѣ русскаго народа» съ этой стороны говорить совершенно не приходится: мелкіе чиновники, развращенные элементы мелкой буржуазіи и преступные отбросы городской улицы—вотъ его составъ. Этимъ людямъ нужно платить совершенно такъ же, какъ и публицистамъ официальныхъ газетъ. Реакціонное земство, это — дикій помѣщикъ, а дикій помѣщикъ, это — требованіе вспомогеній, возмѣщенія проторей и убытковъ, причиненныхъ аграрной революціей, безвозмезднаго и по возможности безвозвратнаго государственнаго кредита, это—вѣчно отверзтая жадная пасть. Наши финансовыя и торгово-промышленныя сферы также оказались ниже ожиданій, и министръ торговли и промышленности совершенно напрасно ѣздилъ въ Москву и присягалъ тамъ въ вѣрности московской биржѣ. Никакой Гучковъ не можетъ возмѣститъ отсутствія внутреннихъ капиталовъ, которое давно уже сдѣлало самодержавную власть данникомъ европейской биржи и даже большую часть внутреннихъ займовъ фактически превращало въ займы внѣшніе.

Такимъ образомъ, правительство пришло къ необходимости созвать вторую Думу. Министерская газета, по нѣмецкому выраженію, изъ нужды дѣлаеть добродѣтель и говорить о честномъ выполненіи заранѣе данныхъ обѣщаній. О, если-бъ можно было другимъ путемъ достать милліоны!..

...Полгода прошло послѣ разгона Думы. Это было время сложной молекулярной работы политическаго сознанія массъ въ обстановкѣ безмолвія и репрессій, при правильномъ передвиженіи правыхъ слоевъ иму-

шей оппозиции въ лагерь консерватизма и реакціи. Активность массъ за этотъ періодъ была крайне понижена, но база грядущей активности систематически расширялась.

Всѣ свѣдѣнія, какія даетъ о деревнѣ пресса—начиная съ консервативныхъ газетъ и кончая органами социаль-демократіи—несомнѣнно свидѣтельствуютъ о ростѣ мужика, какъ политической фигуры. Въ одной интересной корреспонденціи «Новаго Времени», которой у насъ сейчасъ нѣтъ подъ руками, очень выразительно разсказывалось о томъ, какъ опытъ первой Думы обнажилъ передъ крестьянами старую власть, сорвалъ съ нея торжественныя ризы, уничтожилъ ея мистическій ореолъ и показалъ ее во всей наготѣ ея корыстолюбія и эгоизма. Есть ли это историческое преступленіе Думы, какъ считаетъ «Новое Время», или это ея объективная заслуга,—все равно; но это—фактъ. Всѣ свѣдѣнія, какія проникли въ печать за послѣдніе дни, показываютъ, что крестьянство относится теперь къ выборамъ несравненно сознательнѣе, чѣмъ въ первый разъ. А между тѣмъ даже довольно случайные выборы въ первую Думу дали въ большинствѣ такъ называемыхъ трудовиковъ, которые оказались вынужденными сѣсть влѣво отъ представителей традиціонной земско-интеллигентской оппозиціи. Стихійно вскрывшіеся нужды и запросы деревни выдвинули стихійныхъ оппозиціонеровъ, еще безпомощныхъ въ своей стихійности, но потенциально гораздо болѣе активныхъ и радикальныхъ, чѣмъ тѣ политическіе мудрецы, которые проѣли зубы въ либеральномъ земствѣ, на кафедрѣ или въ адвокатурѣ. Есть всѣ основанія думать, что вторая декларация крестьянскихъ депутатовъ будетъ однороднѣе и политически-радикальнѣе первой.

Какъ будетъ голосовать пролетаріатъ, въ этомъ нисколько не сомнѣваются даже тѣ болтуны полицейской и буржуазной прессы, которые такъ много твердятъ, что «крайніе» оторваны отъ народа, что ра-

бочія массы разочаровались въ тактикѣ социалдемократіи.

Правое крыло Думы, въ лицѣ октябристовъ, будетъ, вѣроятно, сильнѣе, и во всякомъ случаѣ — ярче и наглѣе, чѣмъ въ первой Думѣ, гдѣ оно совершенно ступшеывалось. Мирнообновленцы, повидимому, обречены на полное ничтожество. Роль конституціоннаго центра, которою ихъ прельщалъ бывший министръ Федоровъ, имъ совершенно не по плечу. Землевладѣльцы тянутъ къ рѣшительной и «мужественной» реакціи, — имъ нужны монархисты или октябристы; къ крестьянству мирнообновленцамъ еще меньше доступа, чѣмъ кадетамъ; въ городѣ князю Трубецкому приходится просунуться въ ту щель, которая остается между г. Милюковымъ и г. Гучковымъ, если ужъ не считать г. Максима Ковалевскаго. Роль центра, несомнѣнно, будетъ и во второй Думѣ принадлежать кадетамъ. Но есть основаніе думать, что они возвратятся въ Таврической Дворецъ въ ослабленномъ составѣ. Справа отъ нихъ уйдутъ «земскіе» голоса, слѣва — голоса крестьянъ, части интеллигенціи и тѣхъ полумѣщанскихъ слоевъ, которые такъ ярко проявили свое тяготѣніе къ партіи пролетаріата: прикащиковъ, конторщиковъ и пр. Очень невыгодное для кадетовъ участіе въ выборахъ лѣвыхъ партій, особенно социалдемократіи въ городахъ, будетъ правда, до извѣстной степени парализовано ограниченными сенатскими «разъясненіями», — но только до извѣстной степени.

Такимъ образомъ, насколько здѣсь возможно предвидѣніе, приходится предполагать, что вторая Дума будетъ политически болѣе дифференцирована, кадеты не будутъ въ ней такъ неограниченно господствовать какъ въ первой, правое и особенно лѣвое крыло будутъ многочисленнѣе и опредѣленнѣе.

Разумѣется, все это разсужденіе имѣетъ смыслъ постольку, поскольку мы предполагаемъ, что въ условіяхъ, созданныхъ всѣми разъясненіями и циркулярами, будутъ все-же происходить выборы, а не сплош-

ныя правительственныя назначенія и поддѣлки. На чемъ, однако, основано самое это предположеніе? Конечно, не на вѣрѣ въ добрую волю Столыпина, его сенаторовъ и его губернаторовъ. Но дѣло въ томъ, что избирательная кампанія, развернувшись до извѣстнаго предѣла, вырабатываетъ далѣе свою собственную трудно-преодолимую инерцію. Начинаются собранія. Оппозиція въ провинціи опирается на примѣръ столицы. Реакціонныя завыванія, поддерживавшія въ теченіе полугода бодрость административнаго духа, совершенно покрываются общимъ оппозиціоннымъ гуломъ. Происходитъ неизбѣжная «деморализація» властей. Губернскіе администраторы теряютъ вѣру въ прочность министерства, которое само лишено этой вѣры. И вотъ, на ряду съ отдѣльными безмысленными натисками на избирательныя права населенія, развивается «попустительство» вплоть до представленія гражданамъ дѣйствительной возможности пользоваться своими правами. Въ результатъ этого процесса Дума можетъ оказаться именно такой, какъ мы ее охарактеризовали выше.

Формально ядромъ Думы будутъ, слѣдовательно, кадеты. Но это, конечно, вовсе не рѣшаетъ вопроса о томъ, какая часть Думы будетъ дѣйствительнымъ средоточіемъ народнаго вниманія и народной активности.

Въ первой статьѣ этого сборника, «На пути во вторую Думу» я высказываюсь за необходимость избирательныхъ соглашеній съ такъ называемыми конституціоналистами-демократами во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ противостоитъ опасность реакціонныхъ выборовъ. Такое соглашеніе я считаю обязательнымъ не только потому, что, какъ говоритъ король Лиръ,—

И злая тварь мила предъ тварью злѣйшей:
Кто меньше золь, тотъ стоитъ похвалы...

Ибо, если стоять на этой совершенно абстрактной точкѣ зрѣнія, то придется прійти къ выводу, что мы

должны поддерживать мирнообновленца против октябриста и, наконецъ, октябриста противъ «монархиста». Но объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Если окажутся округа, гдѣ черносотенные конституціоналисты будутъ конкурировать съ черносотенными монархистами, мы разумѣется, спокойно предоставимъ имъ отгрызать другъ другу головы. Не только октябристы, но мирнообновленцы представляютъ собою политическую организацію, опирающуюся на такіе социальные элементы, которые сознательно заняли анти-революціонную и потому анти-демократическую позицію. Это уже несомнѣнный оплотъ контръ-революціи. Народное движеніе ничего уже не оторветъ отъ этихъ застывшихъ формацій и не увлечетъ въ своемъ потоцѣ. Этого, однако, еще совершенно нельзя оказать о тѣхъ болѣе широкихъ слояхъ, на которые опираются кадеты. По причинамъ, о которыхъ много разъ говорилось и которыя легко понять, если припомнить короткую исторію кадетовъ, эта «партія» опирается на крайне разношерстныхъ и социально-противорѣчивыхъ группы. Правда, кадетская партія въ цѣломъ по своему основному типу является несомнѣнно анти-революціонной. Не только потому, что сейчасъ въ ней тонъ задаетъ правое земско-профессорское крыло; но главнымъ образомъ потому, что налѣво отъ кадетовъ существуютъ и съ ними побѣдоносно конкурируютъ революціонныя организаціи, поглощающія, по мѣрѣ политическаго самоопредѣленія націи, всѣ тѣ классы и слои, которые только и могли бы придать кадетамъ революціонно-демократическій характеръ. Правда, сами кадеты не разъ выражали увѣренность—заодно съ октябристами, что, когда массы разочаруются въ социалистической и революціонной демократіи, онѣ придутъ подъ сѣнь партіи «народной свободы». Кто мыслитъ реалистически, тотъ, разумѣется, пойметъ, что революціонность массъ не есть продуктъ временнаго настроенія, а результатъ такихъ социальныхъ противорѣчій, которыя только и могутъ

быть разрешены на революционномъ пути. Но если даже допустить, что кадетскія ожидания оправдаются, ясно во всякомъ случаѣ, что массы, *«разочаровавшися»* въ революціонныхъ методахъ, не способны будутъ превратить кадетовъ въ революціонную демократію. Переходъ массъ къ кадетамъ, если-бъ онъ былъ возможенъ, означалъ бы при такихъ условіяхъ просто ликвидацію всей революціи. Правда, остается еще давленіе революціонныхъ массъ, организованныхъ *онѣ* кадетской партіи. Такое давленіе есть несомнѣнный фактъ; оно уже не разъ сказывалось и еще не разъ скажется. Но оно не можетъ измѣнить социальной природы партіи.

Давленіе извнѣ способно толкнуть партію на шагъ, котораго она не сдѣлала бы по собственному почину; но оно не въ силахъ придать революціонный характеръ партіи, которая непосредственно опирается на не революціонные и анти-революціонные элементы. Вотъ почему у насъ нѣтъ рѣшительно никакого права ожидать, что кадеты стануть во главѣ революціи, чтобъ разрешить всѣ старыя узы и наложить новыя. Наоборотъ. Дальнѣйшая эволюція будетъ неизмѣнно подкапываться подъ нихъ слѣва, отдѣляя отъ нихъ всѣ жизнеспособные элементы демократіи и толкая партію въ цѣломъ въ сторону мирнообновленцевъ, которые и сейчасъ отличаются отъ кадетовъ не «нравственными принципами», не программой или тактикой, политической базой.

Этотъ процессъ неизбѣженъ; но онъ еще вовсе не завершился. И именно потому, что онъ не завершился, мы не можемъ относиться къ кадетамъ такъ, какъ къ мирнообновленцамъ или октябристамъ. Мы должны еще оказать кадетамъ услугу въ выполненіи той задачи, на которую они сами полагаютъ такъ много силъ: мы должны помочь имъ окончательно *скомпрометируютъ себя* предъ лицомъ тѣхъ группъ, которыя являються прослойкой между кадетами и народными массами. Разумѣется, этой цѣли служить

прежде всего наша критика политическаго опыта страны. Безпощадная борьба со всѣми предрассудками политическаго филистерства, обличеніе того фантастическаго реализма, который мечтаетъ прикрыть шерстянымъ кофпакомъ зіяющія противорѣчія революціоннаго развитія—никогда не должны затихать въ нашей агитаціи. Но одного этого мало. Критика можетъ и должна опережать событія, но она учитывается сознаниемъ массы лишь по мѣрѣ того, какъ закрѣпляется опытомъ событій. Черносотенная Дума была бы вредна потому, что задержала бы революціонное развитіе: наивная вѣра въ Думу, какъ такую, вѣра въ кадетовъ, какъ въ вождей Думы, сохранилась бы и ждала бы новаго испытанія. Кадетская Дума означала бы новый, еще болѣе очевидный крахъ «кадетства» и тѣмъ послужила бы дѣлу революціи. Могутъ сказать, что кадетская тактика уже однажды потерпѣла крахъ. Допустимъ. Но это должно сказать въ пониженіи кадетскаго вліянія, слѣдовательно, въ уменьшеніи числа случаевъ необходимости соглашенія съ кадетами. Ибо такія соглашенія могутъ, очевидно, имѣть смыслъ лишь тамъ, гдѣ кадеты сильны, гдѣ вѣра въ ихъ тактику еще не разбита.

Этимъ я ограничиваюсь здѣсь по вопросу о соглашеніяхъ, такъ какъ детальное разсмотрѣніе его дается въ первой статьѣ настоящаго сборника. Многое въ этой статьѣ, написанной въ самомъ началѣ декабря, окажется устарѣвшимъ въ моментъ ея выхода въ свѣтъ. Но наша партія лишена ежедневной прессы, и мы, публицисты социалдемократіи, присуждены къ запаздыванію, если не къ молчанію...

О нашей тактикѣ въ связи съ будущей Государственной Думой можно сейчасъ говорить лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Она зависитъ отчасти отъ состава Думы, въ гораздо большей мѣрѣ отъ тѣхъ событій, которыя разовьются на основѣ ситуации, созданной созывомъ народнаго представительства. Социалдемократія не дѣлаетъ событій, не связываетъ и не

развиваетъ ихъ,—по крайней мѣрѣ, тѣхъ большихъ событий, которыя даютъ направленіе всему ходу политической жизни. Революціонныя событія возникаютъ независимо отъ воли тѣхъ или другихъ политическихъ организацій—въ результатѣ пересѣченія «большихъ» причинъ. Все, что социалдемократія можетъ и должна дѣлать, — это вносить сознание и организацію въ массы, вовлеченныя въ политическій водоворотъ. Вотъ почему самый вопросъ о «взрываніи» Думы, причинившій столько безпокойства господамъ изъ «Рѣчи», кажется намъ лишеннымъ смысла. «Взорвать» Думу посредствомъ какого-нибудь хитраго искусственнаго плана у насъ не будетъ ни интереса, ни, пожалуй, возможности. Но если большія событія, выросшія изъ созыва Думы, сорвутъ ее, то мы, разумѣется, не будемъ плакать надъ ея развалинами. Мы найдемъ для себя болѣе благодарное занятіе...

Я сказалъ, что социалдемократія не можетъ поставить своей цѣлью искусственно «взорвать» Думу. Болѣе того. Упрочивая свое положеніе въ Думѣ, социалдемократія *тѣмъ самымъ* будетъ упрочивать положеніе Думы въ странѣ. Въ названной статьѣ я касался необходимости вывести избирательную борьбу и связанную съ нею организацію массъ вокругъ социалдемократическихъ депутатовъ далеко за предѣлы официальныхъ курій. Только такимъ путемъ мы можемъ добиться для нашей думской фракціи того вліянія, на которое будетъ имѣть право классъ, пославшій ее. Той же цѣли—и другимъ, большимъ цѣлямъ—можетъ послужить въ извѣстный моментъ дѣятельности Думы всероссійскій рабочій съѣздъ. Не какъ противъ партіи, не для «оздоровленія» партіи, не какъ педагогическія мѣры, а какъ политическое выступленіе класса, рабочій съѣздъ сможетъ сыграть огромную роль. Онъ послужитъ организаціонной опорой для нашей партіи въ Думѣ и внѣ Думы. И если событія перекачатся черезъ голову Думы, революці-

онный парламент пролетаріата внесетъ въ нихъ единство цѣли и единство плана...

Во второй части этого сборника я разсматривалъ въ формѣ двухъ «Писемъ», вопросъ о рабочемъ създѣ, какъ онъ былъ выдвинутъ нашей партійной жизнью послѣднихъ мѣсяцевъ. Въ средѣ нѣкоторыхъ товарищей идея пролетарскаго конгресса получила совершенно уродливую постановку въ связи съ извѣстными отрицательными сторонами нашего партійнаго развитія. Мои «Письма» посвящены главнымъ образомъ критикѣ утопическихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ *антипартійныхъ* лозунговъ, впутавшихся въ агитацію за рабочій създъ. Послѣдняя партійная конференція, проявившая столько осторожности и такта въ заботѣ объ охраненіи единства партіи, вынесла очень разумное рѣшеніе по этому вопросу: она предложила (впрелъ до партійнаго създа) ввести его въ рамки принципиальнаго обсужденія. Въ этихъ рамкахъ, можетъ быть, будутъ нелишни и мои два «Письма». Подъ тѣмъ угломъ зрѣнія, подъ какимъ они написаны, они вполнѣ отвѣчаютъ общему заглавію сборника—«*Въ защиту партіи*».

Защитѣ партіи посвящена и третья часть книги, полемика съ «ревізюнистами», дѣлающими свою маленькую политику на страницахъ «Товарища». Это все бывшіе марксисты, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ растерявшіе свои теоретическія предпосылки и съ тѣхъ поръ пребывающіе въ состояніи хронической растерянности. Могутъ сказать, что ихъ ничтожество служить достаточнымъ извиненіемъ какъ ихъ нападокъ на партію, злобныхъ и несправедливыхъ, такъ и ихъ усилій «оздоровить» ее—прежде всего посредствомъ раскола между «меньшинствомъ» и «большинствомъ». Читатель, который станетъ на эту точку зрѣнія, сможетъ упрекнуть меня въ томъ, что я удѣлилъ господамъ «критикамъ», свободнымъ отъ предпосылки, слишкомъ много мѣста. На это я могу отвѣтить, что читатель, знающій цѣну русскому ревізю-

низму, конечно, может свободно пройти мимо моей полемики; но она может оказаться не лишней для тѣхъ сочувствующихъ нашей партіи элементовъ, которые изо дня въ день питаются радикальной газетой г. Ходскаго, не встрѣчающей противовѣса въ видѣ социалдемократической прессы. Къ этому могу еще добавить, что критику безпринципныхъ обвиненій по адресу партіи я стараюсь поднять на уровень принципиальнаго освѣщенія нашей партійной практики.

Наконецъ, въ послѣдней части сборника помѣщенъ переводъ статьи Каутскаго о «движущихъ силахъ и перспективахъ русской революціи». Статья эта, явилась неожиданнымъ ударомъ для нѣкоторыхъ товарищей, удовлетворявшихся шаблонно-утопическими представленіями о ходѣ русской революціи, далекими отъ какого-бы то ни было анализа ея реальнаго содержанія. Они мечтали о буржуазно-демократической (якобинской) диктатурѣ, которую вручали то... Союзу Союзовъ, то... кадетамъ. Бѣдный Союзъ Союзовъ! Бѣдные кадеты!.. Нѣкоторые друзья мнѣ передавали — само собою разумѣется, въ видѣ шутки — что для ослабленія эффекта, который могла бы произвести статья Каутскаго, изобрѣтена очень поэтическая легенда о томъ, какъ Парвусъ, покинувшій Туруханскій край для избирательной агитаціи на берегахъ Рейна, началъ свою дѣятельность съ того, что смутилъ ясную мысль Каутскаго въ *Friedenau bei Berlin*. Что Парвусъ очень опасный эмиссаръ идеи перманентной революціи, это авторы легенды доказываютъ, будто-бы ссылкой на опытъ съ газетой «Начало». Но, разумѣется, это только остроумная шутка. Зато вовсе ужъ не остроумной шуткой является продиктованная лѣнностью мысли попытка просто отрицать компетентность Каутскаго въ вопросахъ русской революціи. Замѣчательнѣе всего то, что подобнаго рода попытка дѣлается именно подчасъ тѣми товарищами, которые удовлетворяются общимъ опредѣленіемъ нашей рево-

люпиі, какъ буржуазной, и принципиальнымъ отождествленіемъ ея со старыми буржуазными революціями Западной Европы. Такимъ образомъ оказывается, что европейскій теоретикъ социалдемократіи не понимаетъ «европейскаго» традиціонно-буржуазнаго характера русской революціи потому, что она для его пониманія слишкомъ... самобытна.

Извиняемся предъ читателями, что удѣлили нѣсколько строкъ этимъ пустякамъ. Статья Каутскаго представляетъ настолько выдающееся явленіе, что должна разсматриваться сама по себѣ совершенно внѣ этихъ анекдотическихъ мелочей. Такому разсмотрѣнію ее, разумѣется, и подвергнуть представители другой точки зрѣнія.

* * *

Наши выборы будутъ происходить параллельно съ выборами въ Германіи, гдѣ социалдемократія готовится сдѣлать новый огромный шагъ впередъ на встрѣчу политическому господству пролетаріата. Но уже сейчасъ, во время агитаціонной кампаніи, наша германская партія предъ всѣмъ міромъ демонстрируетъ свою способность къ такому господству: свою сплоченность, свою превосходную дисциплину. Вотъ какъ пишетъ объ этомъ корреспондентъ одной демократической газеты: «Въ рядахъ социалдемократіи, передъ лицомъ серьезнаго историческаго момента, ни признака какихъ-либо серьезныхъ партійныхъ разногласій. Все въ этотъ моментъ забыто, и сплоченными рядами стоятъ радикалы и ревизионисты передъ однимъ общимъ врагомъ. Всѣ «остальные» члены партіи призваны на передовые посты, какъ агитаторы, организаторы, кандидаты. Отъ прежнихъ диссонансовъ не осталось и слѣда. Передъ нами зрѣлище удивительной гармоніи, дисциплины и энтузіазма».

Хочется пожелать такого же единодушія и такой же дисциплины нашей русской партіи, предъ которой непосредственно стоятъ гораздо большія труд-

ности, чѣмъ предъ германскими товарищами. Это не просто платоническое «новогоднее» пожеланіе, такъ какъ сейчасъ сохранить единство и свести тренія къ минимуму зависитъ прежде всего отъ насъ самихъ, отъ нашего такта, отъ нашей партійной мудрости. Да, вотъ область, гдѣ *такимъ* можетъ сдѣлать несравненно больше, чѣмъ въ сферѣ нашихъ отношеній съ либералами, представителями другого общественного класса.

Я заговорилъ объ этомъ потому, что въ воздухѣ посята смутные признаки надвигающагося раскола. Нѣкоторые товарищи уже, повидимому, снова готовы привѣтствовать расколъ, какъ «спасеніе». «Лучше расколъ,—говорятъ они,—чѣмъ то, что есть»...

Я знаю, что и германская партія не сразу пришла къ единству. Былъ періодъ ожесточенной борьбы лассальянцевъ съ эйзенахцами (марксистами). Доходило до того, что лассальянцы на выборахъ поддерживали либераловъ *противъ* эйзенахцевъ, а при соперничествѣ эйзенахца и консерватора *воздерживались* отъ голосованія. Но вѣдь тамъ разногласія были несравненно глубже и принципиальнѣе. И гѣмъ не менѣе, какъ только открылась малѣйшая возможность, обѣ стороны пошли навстрѣчу другъ другу и выработали готскую программу объединенія, поражающую насъ своими грубыми компромиссами, своими уступками лассальянскимъ предразсудкамъ. И на основѣ этой программы сложилось все превосходное зданіе германской социалдемократіи. Практика объединенной классовой борьбы истерла въ порошокъ всѣ программныя ошибки и тактическіе предразсудки. Наши нынѣшнія разногласія между «меньшинствомъ» и «большинствомъ», повторяю, далеко не такъ глубоки, какъ въ свое время были разногласія между эйзенахцами и лассальянцами. А эпоха, которую мы переживаемъ, возлагаетъ на насъ несравненно большую отвѣтственность за каждый нашъ шагъ. Эта эпоха не повторится, чтобъ дать намъ возможность исправить ошибки нашего фракціоннаго неистовства.

Предъ лицомъ тѣхъ событій, которыя идутъ намъ навстрѣчу изъ нѣдръ революціи, у насъ нѣтъ, у насъ не можетъ быть, у насъ, у партіи пролетаріата, не должно быть болѣе высокаго завѣта, чѣмъ *единство!*

Единство во что бы то ни стало!

Предъ той колоссальной пропастью, которая со-
далась между народомъ и старой властью, предъ той
глубокой бороздой, которая проведена революціей
между массами и классомъ землевладѣнія и капитала;
предъ той нестираемой гранью, которая выступила
между пролетаріатомъ и всѣми другими классами,—
разногласія двухъ нашихъ фракцій такъ незначитель-
ны, такъ условны, такъ ничтожно-малы, что кажутся
случайными морщинами на великомъ челѣ революціи.

Элементарное въ своей непосредственности чувство
партійной отвѣтственности, какъ и спокойный объ-
ективный анализъ одинаково должны подсказать намъ,
что расколъ теперь—это преступленіе и безуміе! Не
могутъ этого не признать товарищи, не изъѣденные
фракціонной ржавчиной, въ обѣихъ половинахъ на-
шей партіи.

Если это товарищъ изъ большинства ищетъ выхо-
да въ расколъ, то я скажу ему: «Какъ? вы питаете
такія колоссальныя надежды на дальнѣйшій ходъ ре-
волюціи; вы думаете, что ея могучій напоръ поста-
вить пролетаріатъ у власти; вы думаете, что социал-
демократіи предстоитъ задача охватить единствомъ
тактики классъ, едва вырвавшійся изъ политическаго
небытія и уже диктующій исторіи свою волю; вы на-
дѣетесь подчинить гегемоніи этого класса безчислен-
ное русское крестьянство, еще не отдѣлившееся отъ
пуповины рабства и варварства; вы надѣетесь внести
въ этотъ классъ, полный противорѣчій, азіатскихъ
пережитковъ и утопическихъ надеждъ, единство, пла-
номѣрность и цѣлостность; вы питаете такую огром-
ную вѣру—прекрасную вѣру, скажу я, ибо я ее раз-
дѣляю—въ могучую логику социально-революціоннаго
развитія,—и вы не можете, вы не хотите внести един-

ства, планомѣрности и цѣлостности въ тактику сегодняшняго дня; вы боитесь—во имя единства дѣйствія массъ, предъ которыми раскрыта дверь несравненной революционной школы—вы боитесь во имя этого единства нарушить въ вашемъ фракціонномъ обликѣ хотя бы одну черту, какъ она сложилась въ небольшой газетной лабораторіи сегодня, два часа тому назадъ, подъ влияніемъ мимолетныхъ причинъ, о которыхъ мы вмѣстѣ съ вами завтра забудемъ. Вы хотите всего добиться полемикой. Вы хотите всего добиться немедленно, тутъ же, не сходя съ мѣста. Вы забываете, что тактика не есть законченная система, въ которой нужно убѣждать, а искусство, которое нужно воплотить. Вы гонитесь за тѣмъ, чтобы добиться формальнаго признанія нѣсколькихъ положеній, которыя вамъ сегодня кажутся абсолютными и въ этой половинѣ вы упускаете живые факты, живыя событія. на которыя вамъ слѣдовало бы опереться, чтобы дѣйствительно двинуть рабочую массу впередъ по тому пути, на который ее зоветъ исторія. Вы забываете, что тактика есть творчество, а творчество требуетъ постояннаго приспособленія къ живому материалу, элементами котораго являются прежде всего составныя части нашей партіи. А вамъ, если только не побѣдилъ вашъ частный лозунгъ, кажется, что все пропало, вы забываете обо всѣхъ перспективахъ, и готовы поджечь партію—ваше собственное жилище—со всѣхъ четырехъ концовъ. Вы хотите всего добиться полемикой. И вы не замѣчаете, что этотъ ножъ вы давно уже притупили. Вы слишкомъ много размахивали имъ, и мышцы вашей руки утратили необходимую чуткость и эластичность. Съ одинаковой силой вы наносите удары Плеханову и Милюкову, Мартову и Струве... И именно поэтому вы уже не раните никого и ничего въ отдѣльности—ни лица, ни идеи, —вы только механически терзаете тѣло всей партіи въ цѣломъ.

Чѣмъ дальше и смѣлѣе вы заглядываете впередъ, тѣмъ болѣе вы обязаны къ терпимости, широтѣ и от-

рѣшенію отъ фракціоннаго субъективизма каждый разъ, когда этого требуетъ единство выступленія пролетарской партіи. Я не скажу, конечно, что идейная борьба внутри партіи недопустима. То, чего я хочу, это, во-первыхъ, чтобы литературная полемика, которую вы развиваете, не заслоняла ни отъ вашихъ противниковъ, ни отъ васъ самихъ той матеріальной полемики противъ всякихъ предрасудковъ, которую развиваютъ событія революціи; во-вторыхъ, чтобы вы умѣли *подчиниться*—не за страхъ, а за совѣсть—въ тѣхъ случаяхъ, когда мы не сумѣемъ *подчинить*. Вы слишкомъ нетерпѣливы, дорогой товарищъ, вы гоните революцію впередъ, какъ лѣниваго осла. А между тѣмъ цѣли, которыя вы преслѣдуете, заслуживаютъ того, чтобы *уметь выждать*. Фракціонная борьба, работа полемическаго ножа—это только ничтожная частица въ великой механикѣ событий. Если вы сегодня не побѣдили, пусть ваша вѣра въ ходъ революціи подскажетъ вамъ, что *еще рано*. Отложите въ сторону вашъ ножъ, подождите, дайте новымъ событіямъ наточить его притупившееся лезвіе».

Товарищу изъ меньшинства, который въ расколѣ сталъ бы искать выхода, я имѣлъ бы полное право сказать: «Какъ? Вы считаете необходимымъ координировать политику пролетаріата съ политикой буржуазной демократіи,—и вы хотите въ то же время уничтожить возможность координированія политики двухъ частей партіи пролетаріата! Вы справедливо выступаете противъ искусственнаго форсированія классовыхъ противорѣчій въ политической борьбѣ; вы опасаетесь того, чтобы классовыя страсти пролетаріата не получили слишкомъ примитивнаго политическаго выраженія и не затормозили бы этимъ борьбу за демократію,—и вмѣсто того, чтобы дорожить при такихъ условіяхъ каждой крупицей социалистическаго сознанія, вмѣсто того, чтобы дать каждому ростку выровняться и пойти вверхъ, вы хотите нетерпѣливой рукою разбить партійную организацію по *совершенно*

случайной линии, внести колоссальное замѣшательство въ ряды активнаго пролетаріата, подорвать въ его средѣ довѣріе къ партіи и очистить поле для худшихъ видовъ демагогіи и для вреднѣйшихъ, подлинныхъ анархистскихъ теченій, питающихся примитивнымъ классовымъ инстинктомъ массы! Или вы надѣетесь, что массы пойдутъ за вами? Но тогда зачѣмъ вы прибѣгаете къ такому болѣзненному методу, какъ расколъ. Имѣйте мужество выжидать плодовъ вашей идейной борьбы за влияние на массы, не разбивая той партіи, которая у насъ есть. И развѣ не надѣялись вы годъ, и два, и три тому назадъ, что «масса» внезапно перейдетъ на вашу сторону? И развѣ вы не ошибались? Вы скажете, что вы, въ концѣ концовъ, побѣждали, такъ какъ большевики переходили на вашу точку зрѣнія. Прекрасно; но развѣ это аргументъ за расколъ? Вы скажете, что вамъ для влияния на массу нужны свободныя руки. Но развѣ мы ужъ не прошли черезъ стадію формальнаго раскола? Были у васъ тогда «развязаны» руки? Не сталкивались ли вы съ большевиками на каждомъ шагу? Не приходилось ли вамъ для каждаго политическаго дѣйствія вступать въ переговоры и соглашения? Не пришли ли вы такимъ путемъ къ созданію «федеративныхъ» организаций? Не на этой ли основѣ выросъ объединительный съѣздъ? И не хотите ли вы просто начать ту же исторію сначала? Или вы обладаете теперь секретомъ, котораго не знали раньше? Вы мнѣ можете быть, скажете, товарищъ, что теперь единство имѣетъ, все равно, чисто формальный характеръ. Это неправда! Но если-бы даже было такъ, то не въ томъ ли должна состоять забота, чтобъ это организационное единство наполнить единствомъ политическаго содержания? Не сюда ли должны быть направлены всѣ усилія? Не обязаны ли лучшіе люди партіи проявить въ этомъ направленіи тотъ мудрый интригантійный «опортунизмъ», безъ котораго не можетъ жить политическая семья, насчитывающая десятки

тысячъ членовъ? Развѣ выходъ—въ расколѣ, а не въ системѣ неустанныхъ компромиссовъ, изъ которыхъ каждый есть ступень къ единству классовой борьбы? Вы говорите, что единство имѣетъ теперь только формальный характеръ. Пусть такъ; но это все-же *начало* единства. Путемъ подсчета голосовъ мѣстныхъ конференціи даютъ общеобязательное рѣшеніе. Ему не подчиняются въ томъ или другомъ случаѣ? Это зло! Противъ него необходимо бороться общимъ повышеніемъ партійнаго сознанія. Но искать выхода въ расколѣ значитъ срѣзать голову, чтобъ не расчесывать волосъ. Расколъ возводитъ двѣ тактики по каждому вопросу въ норму, болѣе того,—въ завѣтъ фракціонной чести. А потомъ, когда въ конецъ онъ истомитъ обѣ стороны, онѣ снова будутъ искать формального единства, какъ моста къ единству реальному. Или, можетъ быть, вы мнѣ скажете, что этому не бывать; что тактическія противорѣчія ведутъ васъ въ разныя стороны, создавая все болѣе и болѣе глубокую дифференціацію (классовую?) въ социалдемократіи; скажите мнѣ это, я посмѣюсь надъ вами. Вѣдь только-что вы мнѣ говорили, что большевики въ концѣ концовъ всегда идутъ въ Каноссу. Гдѣ же углубляющаяся дифференціація? А затѣмъ прочитайте брошюру Аксельрода о «двухъ тактикахъ». Онъ говоритъ, что между содержаниемъ политической практики меньшинства и большинства *нѣтъ никакого принципиальнаго различія*. Оно существуетъ въ руководящихъ идеяхъ, въ писаніяхъ фракціонныхъ литераторовъ, вотъ все, что вы можете сказать. Но вѣдь вы хотите расколоть не идеи, которые въ этомъ не нуждаются, и не литераторовъ, которые, къ несчастію, раскололись давно,—вы хотите расколоть *партійныя организаціи*, работа которыхъ, по причинѣ Аксельрода, качественно однородна. Или за послѣднія недѣли она такъ глубоко дифференцировалась, что требуетъ раскола?..»

Расколъ—это безуміе и преступленіе! Это слыш-

комъ очевидное безуміе, слишкомъ явное преступленіе, чтобъ онъ могъ произойти. Онъ не будетъ допущенъ здоровымъ политическимъ чувствомъ каждаго средняго работника. Только политической кошмаръ послѣднихъ мѣсяцевъ, когда немыслима была никакая широкая работа, когда огромныя усилія нужны были для полученія малѣйшихъ результатовъ, когда подполье снова охватило шею партіи кольцомъ удава, когда недовольство каждаго всѣми такъ легко должно было превращаться въ обвиненіе противной фракціи,—только этотъ кошмаръ могъ родить изъ своихъ нѣдръ достойное его дѣтище, кошмарный призракъ раскола!

Если мы интернационалисты не на словахъ, а на дѣлѣ, мы должны умѣть взглянуть на наши фракціонныя дѣла подъ угломъ зрѣнія международнаго социализма. Въ нашемъ расколѣ мы должны будемъ отдать ему отчетъ. Пойметъ ли онъ насъ? *Нѣтъ, не пойметъ.* Не сможетъ понять. Все, что намъ останется слѣлать предъ его трибуналомъ, это сослаться на наше фракціонное варварство, какъ на смягчающее вину обстоятельство...

Если мы расколемся теперь, послѣ того, какъ едва успѣли объединиться съ Бундомъ и польской социалдемократіей, на чемъ такъ всегда настаивали европейскіе товарищи,—съ какими глазами мы явимся въ Штутгартъ на международный социалистическій конгрессъ гдѣ рабочій интернациональ потребуетъ у насъ отчета въ нашихъ завоеваніяхъ?

Простите, товарищи, но я скажу, что мы явимся со слѣдами пощечины на лицѣ, которую мы сами нанесли себѣ...

... Я слишкомъ далеко стою за послѣдній годъ отъ партіи съ ея отношеніями и настроеніями, и можетъ быть я преувеличиваю грозящую партіи опасность, принимая случайныя замѣчанія, отдѣльныя недобкія слова за серьезные симптомы. О, если-бы такъ!

Но если это не такъ, если дѣйствительно въ партійныхъ верхахъ готовится расколъ, то каждый преданный работникъ партіи долженъ крикнуть крикъ объ этой опасности, объ этомъ преступленіи предъ дѣломъ русской революціи и международнаго пролетаріата.

1 января 1907 г.

НА ПУТИ ВО ВТОРУЮ ДУМУ.

I.

Между социалистической критикой либерализма и либеральной критикой революционного социализма есть одно поистинѣ замѣчательное различіе: либералы обвиняютъ насъ въ томъ, что мы—*соціалисты*; мы обвиняемъ либераловъ въ томъ, что они—*плохіе* либералы.

Разумѣется, мы не связываемъ себѣ рукъ для критики либерализма въ его цѣломъ. Социалистическая пропаганда исходитъ изъ разоблаченія всякой политической идеологіи, которая открыто или молчаливо признаетъ неприкосновенность капиталистическихъ отношеній производства; а либерализмъ, даже самый послѣдовательный, является такой идеологіей.

Но наши повседневныя политическія столкновенія съ либерализмомъ пока еще слишкомъ рѣдко поднимаются до вершины этого водораздѣла. Наше «сотрудничество», наша конкуренція, наши полемическія схватки съ либерализмомъ развиваются на болѣе низкой плоскости борьбы за демократію. Это опредѣляется моментомъ историческаго развитія. Во Франціи, гдѣ наиболѣе послѣдовательный либерализмъ, именно демократическій радикализмъ Клемансо, стоитъ у руля республики, тамъ вся повседневная борьба нашей партіи съ партіями буржуазіи вращается вокругъ вопроса: капитализмъ или коллективизмъ? Въ Россіи, гдѣ центральной задачей является завоеваніе демократическаго строя, наши отношенія къ либерализму, какъ положительныя, такъ и отрицательныя, почти всецѣло ограничены рамками этой очередной задачи. Только теоретическая полемика да социали-

стическая пропаганда, являющаяся необходимыми составными элементами классовой борьбы пролетариата, но сейчас занимающая очень скромное место в нашем партийном обиходе, поднимают повседневную политическую агитацию до высоты основного противоречия между миром капиталистической эксплуатации и миром социалистического равенства.

Социалдемократия не создает для себя исторической почвы и не выбирает по произволу политических задач. Она работает на той земле, которая ее носит, и берется за те проблемы, которые выдвинуты общественным развитием. Она не может перескакивать—или, лучше сказать, она не может перескакивать пролетариат—через естественные фазы политической эволюции; она не может проходить историю по сокращенному учебнику или по конспекту, ею самой составленному. Всякая попытка искусственно форсировать политическое проявление классовой борьбы, поскольку такая попытка не окажется просто бесплодной, будет иметь реакционное значение: после некоторых обманчивых политических эффектов она неизбежно даст политическому развитию задний ход.

Этими соображениями определяется в частности и наше отношение к либерализму. Перед страной стоит задача демократического обновления,—безспорно исторически-ограниченная задача. Но наша обязанность по отношению к ней не только в том, чтобы *теоретически продемонстрировать* ее ограниченность, но прежде всего в том, чтобы *практически превзойти* ее. Если перед нами имеется либерализм,—не как голая доктрина, а как живое общественное движение—мы обязаны сделать все, чтобы использовать его в интересах того исторического дела, которое стоит на очереди. Превращать либерализм анафем, как либерализм, подвергать его в агитации огульному отрицанию, прежде чем он воплотился в учреждения, значило бы безспорно оказывать услугу реакции.

Все это совершенно безспорно, азбучно. Но этих элементарных истин, этой азбуки совершенно недостаточно для определения социалдемократической тактики.

Что значит «использовать» либерализм? что значит «подталкивать» его? Что значит *поддерживать* либерализм, поскольку он направлен против реакции, и *бороться* про-

тивъ него, поскольку онъ стремится удержать народъ на половинѣ пути?

Пока либерализмъ не выполнилъ своей исторической миссии, мы не можемъ обличать его *только*, какъ либерализмъ, или хотя бы *главнымъ образомъ* какъ либерализмъ. Это уже сказано. Но можемъ ли мы—и въ какихъ предѣлахъ—критиковать его предъ массою, какъ половинчатый, нерѣшительный, непоследовательный, словомъ *плохой* либерализмъ? Не можетъ ли *такая* критика служить дѣлу реакціи? И если можетъ, то въ какихъ случаяхъ?

Что касается самого либерализма, то ему всякая критика, направленная противъ него слѣва, кажется услугою абсолютизму. Поэтому съ самочувствіемъ либераловъ мы не можемъ считаться, какъ съ критеріемъ. Иначе намъ пришлось бы съ самаго начала отказаться отъ самихъ себя и стать подъ колпакъ либерализма—того конкретного либерализма, который существуетъ въ данную минуту. Этого онъ въ сущности отъ насъ и требуетъ. Тѣмъ не менѣе социалдемократія, какъ извѣстно, находитъ достаточныя основанія для своего существованія.

Социалдемократія поддерживаетъ либерализмъ и «подталкиваетъ» его отнюдь не съ его добраго согласія. Въ этой работѣ случаи прямой и непосредственной поддержки либераловъ (голосованіе за нихъ на выборахъ, печатаніе ихъ воззваній, буде у нихъ у самихъ не хватаетъ на это отваги и пр.) занимаютъ подчиненное и совершенно ничтожное мѣсто въ общей экономіи нашихъ отношеній. Въ существѣ своемъ *поддержка*, которую мы оказываемъ либерализму, представляетъ собою оборотную сторону нашей *борьбы* съ нимъ. Критикуя либерализмъ, обличая его передъ лицомъ населенія, на которое онъ хочетъ вліять, мы заставляемъ его идти впередъ. Изъ тѣхъ обязательствъ, какія даетъ либерализмъ народу, мы дѣлаемъ логическую цѣнь выводовъ; эту цѣнь мы петлей закидываемъ на шею либерализму и тащимъ его за собой. Если онъ начинаетъ упираться, петля слегка затягивается на его шею и причиняетъ ему неудобство. Волей-неволей, нерѣдко съ подавленнымъ проклятіемъ, онъ идетъ впередъ. На каждомъ шагѣ онъ пытается остановиться, онъ уговариваетъ насъ сдѣлать передышку, онъ упрекаетъ насъ въ прямолинейности, въ безтактности, въ наси-

ли, онъ отрывается отъ насъ. Но такъ какъ направленіе и темпъ нашего движенія опредѣляются политическимъ развитіемъ народныхъ массъ, а не самочувствіемъ либерализма, то мы неуклонно увеличиваемъ наше давленіе по мѣрѣ того, какъ массы идутъ впередъ, и такимъ образомъ вынуждаемъ либерализмъ совершить весь тотъ маршрутъ, который допускаетъ его социальная комплекція. И когда онъ, наконецъ, достигаетъ своего «предѣла» и останавливается, штыль (неумолимо затягивается на его шею, — и на исторической дорогѣ остается трупъ. Такъ «поддержка» германской социалдемократіи превратила въ трупъ германскій либерализмъ.

Правомѣрна ли такая тактика по отношенію къ буржуазной оппозиціи въ Россіи?

Когда вы произносите слова: русскій либерализмъ, русская либеральная партія, вы не должны представлять себѣ ничто исторически законченное, что приходится принимать или отвергать цѣликомъ. На самомъ дѣлѣ мы имѣемъ нѣсколько либеральныхъ партій, разной силы, разной степени демократизма, болѣе или менѣе разнородныхъ внутри (мирное обновленіе, п. демократическихъ реформъ, кадеты, трудовики, народныя социалисты, наконецъ, добрая доля социалистовъ-революціонеровъ)... Всѣ эти партіи или группы борются за вліяніе, ориентированы, приспособляются, преобразуются. Огромныя массы народа, впервые вовлеченныя въ политическую жизнь, ищутъ своего «партійнаго» самоопредѣленія. Создаются самыя разнообразныя комбинаціи, то мимолетныя, то болѣе устойчивыя. Вчера только возникшія политическія организаціи сегодня уже разлагаются, и ихъ составные элементы входятъ въ новыя политическія образованія. Хаосъ еще царитъ, но духъ организаціи уже покоряетъ его. Такой видъ имѣла библейская земля въ первые дни творенія.

Какое же должно быть поведеніе социалдемократіи, которая сама является одной изъ составныхъ стпій этого хаоса, но которая, въ свою очередь, можетъ сознательно вліять на его дальнѣйшую кристаллизацію? Прежде всего приходится отвѣтить отрицательно: социалдемократія никоимъ образомъ не можетъ ставить себѣ задачей фиксировать, закрѣпить какую-либо изъ существующихъ оппозиціонныхъ партій. Наоборотъ.

Важнейшая служба, какую она может сослужить делу демократии, состоит в неутомимой и беспощадно-недовольчивой критикѣ *всѣхъ* либеральныхъ партій подѣ угломъ зрѣнія послѣдовательнаго демократизма.

Если-бъ мы, игнорируя фактически слагающіяся либеральныя партіи, стремились лишь скомпрометировать либерализмъ, какъ таковой,—мы дѣлали бы реакціонное дѣло. Но когда мы подвергаемъ конкретной критикѣ слагающіяся либеральныя партіи, когда мы обличаемъ ихъ непоследовательность подѣ угломъ зрѣнія либерализма, какъ таковаго,—наша критика, какъ бы рѣзка и придирчива она ни была, какой бы ущербъ той или иной фракціи либерализма она ни нанесла, въ общемъ и цѣломъ несомнѣнно служить дѣлу демократіи.

II.

Въ частности по поводу моей книги *) одинъ рецензентъ пишетъ, что моя критика буржуазной демократіи дѣлается объяснимой и понятной только съ точки зрѣнія непосредственной борьбы за власть между буржуазіей и пролетариатомъ. А такъ какъ въ дѣйствительности сейчасъ происходитъ борьба между буржуазной оппозиціей и абсолютизмомъ, то критика моя въ значительной мѣрѣ «теряетъ свою цѣнность».

И не знаю, говорится ли здѣсь о *тонн* моей критики—рецензентъ упоминаетъ объ ея «страстности»—или объ ея *методѣ*. Нужно, повидимому, думать, что о послѣднемъ, иначе выводъ не имѣлъ бы смысла. Но когда я съ этой точки зрѣнія мысленно пробѣгаю свою критику буржуазной демократіи, я прихожу къ заключенію, что рецензентъ не правъ. Развѣ я говорю своимъ читателямъ, что буржуазная демократія представляетъ враждебную свободѣ силу? Развѣ я призываю массы повернуться къ буржуазной демократіи спиной? Не правда! Я говорю своей критикой, что если буржуазная демократія хочетъ опереться на широкія массы, она должна развить демократическую програм-

*) «Наша революція», Спб. 1906, изд. Н. Глаголева.

му и революционную тактику до конца. Я критикую стремление демократии сделать либерально-помещичье земство осью оппозиции. («До 9 января»). Я призываю демократию замѣнить свою протодушную благожелательность придирчивымъ недоверіемъ къ капиталистическому либерализму. Я критикую въ частности программу освобожденцевъ подъ угломъ зрѣнія ея демократизма. Я ставлю задачей своей критики возстановить массы противъ идеи единоличнаго суверенитета, противъ двухъ палатъ, постоянной арміи и бюрократической инвентуры. («Конституція освобожденцевъ»). Можетъ быть, *эта* критика предполагаетъ кануть диктатуры пролетаріата? Можетъ быть, она не умѣщается въ рамкахъ революціоннаго противорѣчія между Россіей самодержавно-крѣпостной и Россіей демократической? И доказываю, что политическая кампанія въ связи съ Г. Думой (первой) должна проводиться подъ знакомъ революціонной организаціи массъ. И критикую кадетскую агитацію, сбьющую надежды на то, что Дума локализируетъ революцію и разрѣшить ея основныя задачи безболѣзненнымъ путемъ. И доказываю неизбежность конфликта между Думой и правительствомъ. Я требую, чтобы вся тактика была построена въ предвидѣніи этого конфликта («Г. Петръ Струве въ политикѣ»). Что же, можетъ быть такая критика логически предполагаетъ непосредственную борьбу социал-демократіи за власть? Развѣ въ центрѣ моей критики лежитъ та мысль, что полное народовластіе—главная фикція, ибо въ капиталистическомъ обществѣ суверенитетъ народа есть лишь вышняя форма классовой эксплуатаціи? Нѣтъ, я исхожу изъ той, болѣе элементарной мысли, что честная и послѣдовательная демократія, которая не боится массы и не заигрываетъ съ ея въковыми врагами, должна поднять знамя полного народовластія. Развѣ я въ основу своей критики полагаю ту мысль, что милиція и выборный судъ въ современномъ обществѣ станутъ по необходимости органами классового господства буржуазии? Нѣтъ, я исхожу изъ болѣе ограниченной мысли, что полное демократическое обновленіе страны немислимо безъ милиціи, безъ выборной бюрократіи и выборлага суда. Развѣ это — программа диктатуры пролетаріата? Кажется, нѣтъ. Почему же рецензенту моя критика «непонятна» внѣ идеи непосредственной борьбы за рабочее правительство? Не

знаю. Может быть, просто вследствие его собственной непопулярности.

Правда, из анализа социально-политических отношений я прихожу къ выводу, что решительная победа демократической России над Россией крѣпостнической должна передать кормило въ руки пролетариата; что проведение въ жизнь всѣхъ основныхъ лозунговъ демократіи будетъ совершенно организовано, прямо и непосредственно опирающейся на городскихъ рабочихъ, а черезъ нихъ — на всю народную, плебейскую массу.

Пусть мой анализъ и мой прогнозъ совершенно ошибочны *). Пусть дальнѣйшее революціонное развитие настолько укрѣпитъ буржуазную демократію, что позволитъ ей взять власть въ свои руки и тѣмъ самымъ отброситъ пролетариатъ въ оппозицію. Но развѣ такая перспектива не требуетъ отъ насъ въ равной мѣрѣ самой неутомимой и непримиримой критики буржуазной демократіи — подъ угломъ зрѣнія ея демократизма и ея революціонности? Я думаю, что подобная критика не только не препятствуетъ росту оппозиціонныхъ силъ, но, наоборотъ, оказываетъ ему незамѣнимую услугу, такъ какъ неизмѣнно поддерживаетъ лѣвое крыло демократіи противъ ея праваго крыла.

Я прекрасно понимаю, — смѣю въ томъ увѣрить моего рецензента, — что публицистически перепрыгнуть черезъ политическое препятствіе не значитъ практически преодолѣть его. Я нисколько не думаю, что если хорошенько охватить всю буржуазную демократію предъ народомъ, то можно у нея изъ-подъ носу вырвать государственную власть. А вѣдь, повидимому, именно эту глубокомысленную «тактику» приписываетъ мнѣ рецензентъ, когда говоритъ, что моя критика демократіи непонятна виѣ непосредственной борьбы за власть. Онъ какъ-бы хочетъ сказать, что мои нападки такъ безбожны потому, что я надѣюсь этимъ путемъ отстранить демократію съ пути и очистить поле для рабочаго правительства. Но онъ ошибается. Мои «безбрежные мечтанія» о рабочемъ правительствѣ опираются на болѣе серьезные соображенія, критики которыхъ я — повторяю — еще

*) Я терпѣливо жду разбора написанной на эту тему статьи «Итоги и перспективы» въ названной выше книгѣ. Я, конечно, не думаю, что такой работой займется мой почтенный рецензентъ.

Кривош

только жду. Что же касается моей полемики съ буржуазными партиями, то она, составляя часть всей агитационной дѣятельности нашей партіи, только усиливаетъ буржуазную демократію.

Правда, она въ то же время усиливаетъ социалдемократію, способствуя политическому самоопредѣленію пролетаріата. Но вѣдь не противъ этого же возстаетъ мой критикъ-соціалистъ? Можно разное представлять себѣ картину соотношенія этихъ двухъ силъ въ тотъ періодъ, когда революція начисто упразднитъ старый режимъ. Но это предвидѣніе не можетъ измѣнить нашей критики и оцѣнки сегодняшнихъ лозунговъ, сегодняшней тактики буржуазной демократіи. Впрочемъ, при одномъ условіи: если мы не считаемъ, что классовая борьба внутри буржуазной націи тормозитъ буржуазную революцію. Разумѣется, стоитъ намъ прийти къ такому выводу, — въ чемъ я, однако, не подозреваю моего рецензента, — и намъ останется перестать быть социалдемократами, ибо, при такомъ условіи, очевидно, только упраздненіе самостоятельной политики пролетаріата создало бы для буржуазной демократіи возможность овладѣть властью.

Самоупраздненіе, это и есть то, чего отъ насъ требуетъ либерализмъ.

III.

Каковъ же критерій нашей оцѣнки и критики либерализма? Формальнымъ критеріемъ является наша программа буржуазной революціи, т. е. наша минимальная программа. Методомъ же нашей критики является материалистическій анализъ каждой новой политической ситуаціи.

Если отвѣчаться отъ того классового содержанія, которымъ пропитывается нашу минимальную программу фактически развивающееся рабочее движеніе, то она предстанетъ передъ нами, какъ логически-законченная программа демократіи. Въ такомъ видѣ намъ приходится чаще всего пользоваться ею въ критикѣ буржуазной оппозиціи. Минимальная программа — это тѣ требованія, которыми мы хотимъ обязать демократію въ пе-

рідомъ ея борьбы за власть и къ выполненію которыхъ мы будемъ принуждать ее, когда (если) власть будетъ въ ея рукахъ. У насъ нѣтъ и не можетъ быть никакихъ теоретическихъ или тактическихъ основаній къ ограниченію и урѣзыванію этихъ крайнихъ предѣльныхъ требованій демократіи и къ временной замѣнѣ ихъ другими—посредствующими, подготовительными и предварительными лозунгами.

Я позволю себѣ привести двѣ-три иллюстраціи. Восемьчасовой рабочий день—это центральный лозунгъ рабочей демократіи. Намъ уже не разъ говорили и еще будутъ говорить, что отсталая русская промышленность не можетъ удовлетвориться восьмичасовой эксплуатацией наемнаго труда. Не должны ли мы въ силу этого обстоятельства временно ограничиться требованіемъ десяти или девятичасового рабочего дня? Нѣтъ. Дѣло въ томъ, что самый вопросъ о томъ, доступенъ ли русской промышленности восьмичасовой рабочий день, не можетъ быть рѣшенъ путемъ статистическихъ выкладокъ или отвлеченныхъ соображеній. Этотъ вопросъ будетъ рѣшаться лишь практикой социально-экономическаго развитія. Въ число силъ, которыя опредѣляютъ его рѣшенія, входятъ: давленіе пролетаріата на капиталъ, сопротивленіе капитала, приспособленіе капитала къ рынку, къ міровой техникѣ и т. д. Мы можемъ непосредственно воздѣйствовать только на одну изъ этихъ силъ: на классовую энергію пролетаріата. Требованіе 8-часоваго рабочего дня, какъ общеклассовое, координируетъ и обобщаетъ борьбу разныхъ группъ пролетаріата въ разные моменты за сокращеніе рабочего дня. Принципиальный міровой лозунгъ этой борьбы придаетъ ей высшее напряженіе и именно этимъ позволяетъ добиться максимальныхъ практическихъ результатовъ. Такая тактика отнюдь не предполагаетъ парламентскаго «нигилизма»: если отъ нашихъ голосовъ будетъ зависетьъ судьба законопроекта о десятичасовомъ рабочемъ днѣ, мы, разумѣется, подадимъ за него наши голоса. Но дѣло въ томъ, что такой законопроектъ имѣетъ тѣмъ больше шансовъ собрать большинство въ буржуазномъ парламентѣ, чѣмъ энергичнѣе массы выступаютъ за восьмичасовой рабочий день.

Другой лозунгъ, которому социалдемократія придавала широкую популярность—это полное народовластіе. Либералы не разъ

указывали намъ на «безтактность» этого лозунга, такъ какъ онъ, по ихъ мнѣнью, находится въ кричащемъ противорѣчii съ «наивными монархическими предразсудками массъ». Въ одномъ случаѣ насъ пугаютъ національно-экономическими препятствiями, въ другомъ—національно-психологическими. Не должны ли мы дѣйствительно признать, что требованiе народовластiя неумѣстно, такъ какъ «пугаетъ» массы? Прежде чѣмъ это сдѣлать, мы должны спросить нашихъ критиковъ, въ чемъ же вообще, по ихъ мнѣнью, состоитъ пропаганда, какъ не въ очищенiи сознания народныхъ массъ отъ «наивныхъ предразсудковъ»? Для насъ, по крайней мѣрѣ, главная цѣль политической агитаци и пропаганды заключается въ развитiи сознания массъ. И если мы не можемъ немедленно завоевать восьмичасовой рабочей день и народовластiе для массъ, то мы должны немедленно завоевать массы для народовластiя и для восьмичасового рабочего дня.

Третiй примѣръ мы возьмемъ изъ свѣжей исторiи тактическихъ разногласiй внутри нашей партii—по вопросу: «за Думу» или «за Учредительное Собранiе». Сторонники перваго лозунга совершенно справедливо указывали на то, что Дума можетъ насъ лишь приблизить къ Учредительному Собранiю,—подобно тому какъ 10-часовой рабочей день приближается къ 8-часовому. Но они жестоко ошибались, когда утверждали, что «борьба за Думу противъ чиновничества будетъ въ тысячу разъ скорѣе приближать насъ къ Учредительному Собранiю, чѣмъ крики (?) объ Учредительномъ Собранiи» («Наше Дѣло»). Мы съ полнымъ правомъ могли имъ возразить, что борьба за Учредительное Собранiе противъ абсолютизма будетъ въ тысячу разъ скорѣе приближать насъ къ Думѣ, а значить и къ Учредительному Собранiю, чѣмъ крики объ этой Государственной Думѣ.

Но Учредительное Собранiе сейчасъ неосуществимо, возражали сторонники лозунга «за Думу». Наши требованiя, отвѣчаемъ мы, считаются не съ тѣмъ, что осуществимо «сейчасъ», они представляютъ собою программу наиболѣе радикальныхъ мѣръ, осуществимыхъ въ условiяхъ буржуазной революцiи. Если Учредительное Собранiе неосуществимо «сейчасъ», то оно еще менѣе было осуществимо въ тотъ часъ, когда мы вписали

его въ нашу программу и открыли вокругъ него колоссальную агитацію. По вопросу о томъ, что осуществимо и что неосуществимо, у насъ нѣтъ и не можетъ быть другого критерія помимо того объективнаго анализа, посредствомъ котораго построена наша минимальная программа. Стоитъ намъ отъ нея отойти, и мы окажемся жертвами субъективнаго произвола и вульгарнаго эмпиризма. Мы будемъ выдвигать то тотъ, то другой лозунгъ въ зависимости отъ нашего политическаго взгляда; мы будемъ приспосабливать наши требованія къ политическому уровню крестьянства, мѣщанства, средней буржуазіи, наконецъ, къ настроенію власти, — въ каждый данный моментъ; мы придемъ къ тому, что будемъ укорачивать наши лозунги въ зависимости отъ тысячи обстоятельствъ, которыя успѣвають измѣниться прежде, чѣмъ партии удастся прийти къ соглашенію въ ихъ оценкѣ. Это не тактика, а «милліонъ терзаній». Такой образъ дѣйствій очень мало двинетъ впередъ политическое сознаніе отсталыхъ классовъ: крестьянства и мѣщанства, но внесетъ несомнѣнную смуту въ сознаніе пролетаріата. Нѣтъ, для насъ совсѣмъ достаточно того, что требованіе Учредительнаго Собранія не только не противорѣчитъ буржуазной революціи, но, наоборотъ, предполагаетъ и подготавливаетъ ей высшее развитіе. Если по внутреннему соотношенію силъ революція не дойдетъ до Учредительнаго Собранія, то, благодаря нашей принципиальной тактикѣ, она дойдетъ во всякомъ случаѣ до наивысшаго доступнаго ей уровня.

Сейчасъ этотъ споръ силою вещей снятъ съ очереди, — по крайней мѣрѣ, до... разгона второй Думы. Если мы на немъ остановились, такъ это ради той принципиальной ошибки, которая въ немъ вскрылась.

Товарищъ, съ которымъ я переписывался по этому вопросу, привелъ слѣдующее принципиальное соображеніе въ пользу лозунга «за Думу». Нашей цѣлью, писалъ онъ, является социалистическій общественный строй; это, однако, нисколько не мѣшаетъ намъ выдвигать минимальную программу, какъ предпосылку максимальной, какъ совокупность мѣръ, которыя должны облегчить осуществленіе социализма; та же самая политическая логика, заключаетъ товарищъ, заставляетъ насъ сейчасъ добиваться Государственной Думы, какъ предпосылки Учр. Собранія.

Это разсужденіе основано на чисто формальномъ признакѣ логической симметріи. Почерная свою доказательность въ фактѣ существованія минимальной программы, оно на самомъ дѣлѣ уничтожаетъ смыслъ ея существованія, такъ какъ лишаетъ ее ея значенія для насъ, какъ *минимальной*, оставляя просторъ для выдвиганія требованій все болѣе и болѣе минимальныхъ. На этомъ пути мы можемъ превратиться въ Ахиллеса, который отбиваетъ все болѣе и болѣе мелкую дробь шага и никакъ не можетъ догнать черепаху... Вѣчная драма реформизма!

IV.

Должны ли мы поддерживать на выборахъ буржуазную демократію? И если должны, то почему? И на какихъ условіяхъ?

Мы недавно слышали на первый вопросъ авторитетный отвѣтъ тов. Плеханова, который можно формулировать такъ: мы должны поддерживать либеральную оппозицію, чтобы изолировать реакцію. Этотъ отвѣтъ безукоризненно правиленъ; къ сожалѣнію только, онъ идетъ навстрѣчу другому, гораздо болѣе общему вопросу, а не тому, который сейчасъ стоитъ передъ нами. *Мы должны поддерживать либеральную оппозицію*,—но развѣ отсюда прямо слѣдуетъ, что мы должны поддерживать ея парламентскія кандидатуры? Прежде, чѣмъ отвѣтить: *да!* нужно выяснить, въ какомъ отношеніи стоитъ данная парламентская кампанія къ развитію либеральной оппозиціи. *Мы должны изолировать реакцію*,—но развѣ эта задача сводится къ тому, чтобы не дать реакціи кресель въ залѣ Таврическаго дворца? И не должны ли мы прежде всего разсмотрѣть, какое мѣсто займетъ наша поддержка либеральной оппозиціи въ нашей общей работѣ, которая дѣйствительно изолируетъ реакцію, изгоняя ее изъ сознанія народныхъ массъ.

Наши методы «поддержки» и «изоляции» вовсе не совпадаютъ съ тѣми, какіе вырабатываются либеральными профессорами гельсингфорскаго съѣзда. Интересы самой либеральной оппозиціи въ ея цѣломъ мы понимаемъ вовсе не такъ, какъ ея временные вожди. И я думаю, что развитіе буржуазной де-

мократіи хотя бы только за послѣдніе два года. достаточно показало, на чьей сторонѣ находится болѣе глубокое понимание этихъ интересовъ. И этимъ вовсе не хочу сказать, что мы не должны въ извѣстныхъ случаяхъ поддерживать своими голосами кандидатовъ буржуазной демократіи,—но только я думаю, что у насъ для этого имѣются другія причины, болѣе реальныя, болѣе соответствующія характеру того историческаго дѣла, какое мы дѣлаемъ.

Каждая новая революціонная ситуація требуетъ отъ насъ, чтобъ мы использовали ее, во-первыхъ, для самостоятельной организациіи пролетаріата, во-вторыхъ, для вовлеченія широкихъ демократическихъ массъ въ прямую революціонную борьбу.

Всякій нашъ шагъ, содѣйствующій этому второму результату, и есть та поддержка, которую мы оказываемъ буржуазной демократіи, какъ соціально-политической силѣ, — хотя дѣламъ такой шагъ, мы можемъ становиться въ самыя различныя отношенія къ тѣмъ или другимъ оппозиціоннымъ организаціямъ, отражающимъ временный уровень развитія демократическихъ массъ. Этого могутъ не понимать кадеты, одна изъ такихъ временныхъ организаціи,—но мы то этого никогда не должны забывать.

Безспальная Дума, противостоящая вооруженному абсолютизму, создастъ революціонную ситуацію, т. е., такое противорѣчіе, изъ котораго нѣтъ выхода на «конституціонномъ» пути. И если я пришелъ къ заключенію, что въ Думу приходится послать кадета, такъ это прежде всего для того, чтобы скомпрометировать его. Если я призываю социалдемократическихъ избирателей или выборщиковъ голосовать за кадета, такъ это вовсе не потому, чтобъ я думалъ, будто опустить въ деревянную коробку листокъ съ фамиліей господина Петрушкевича, значить прямо и непосредственно поддерживать демократію. О, нѣтъ! Демократію я въ данномъ случаѣ поддерживаю тѣмъ, что ставлю ся сегодняшнихъ вождей въ революціонное положеніе—и тѣмъ компрометирую ихъ. Отсталую буржуазную демократію, ту, которая своимъ преобладаніемъ *вынудила* меня голосовать за кадета, я этой «поддержкой» толкаю впередъ, а кадета поддерживаю такъ, какъ веревка поддерживает повѣшеннаго.

Мнѣ могутъ сказать: «Пусть такъ. Въ сущности, это сводится къ тому же. Ваши соображенія не имѣютъ никакой самостоятельной силы. Фактъ остается фактомъ. Вы голосуете за кадета, слѣдовательно, вы поддерживаете кадета».

Конечно, отвѣчу я, фактъ всегда остается фактомъ. Но *что* въ данномъ случаѣ является для насъ рѣшающимъ фактомъ? избирательная бумажка, опускаемая въ деревянную коробку, или та революціонно-соціалистическая агитація, которую мы развиваемъ во время выборовъ,—выдерживая одинъ и тотъ же тонъ и въ томъ случаѣ, когда мы непосредственно конкурируемъ съ кадетскимъ кандидатомъ, и въ томъ, когда мы поддерживаемъ кадета противъ октябриста?

Столь горячо дебатировавшийся въ нашей партіи вопросъ,—на какомъ этапѣ нашей избирательной Вавилонской башни допустимо поддерживать не-пролетарскихъ кандидатовъ,—имѣетъ несомнѣнно серьезное значеніе; но я смѣю думать, что это все же вопросъ второго порядка. Первое мѣсто занимаетъ вопросъ о той политической идѣе, которая проникнетъ нашу агитацію и придаетъ однородный смыслъ дѣйствіямъ и тогда, когда мы призываемъ населеніе голосовать за тов. Плеханова, и тогда, когда мы призываемъ избирателей подавать голоса за кадетскихъ выборщиковъ, и тогда, когда мы рекомендуемъ нашимъ выборщикамъ помочь г. Милюкову перешагнуть черезъ порогъ Государственной Думы.

Нѣкоторые товарищи придаютъ, на мой взглядъ, непропорционально-большое значеніе тому, на какой стадіи выборовъ произойдутъ соглашенія: въ одномъ случаѣ, говорятъ они, мы призываемъ *массу* голосовать за кадетовъ, въ другомъ—*кружку* *выборщиковъ*. Разница, несомнѣнно, очень существенная; но вѣдь никто же изъ насъ, конечно, не думаетъ, что выборщики должны поддерживать кадетовъ безъ вѣдома массы. Наоборотъ, самый смыслъ нашего участія въ выборахъ требуетъ, чтобы каждый шагъ нашихъ уполномоченныхъ или выборщиковъ былъ извѣстенъ и понятенъ массѣ. Извѣстнымъ онъ станетъ и помимо насъ, но понятнымъ можемъ его сдѣлать только мы. И мы, разумѣется, должны будемъ это сдѣлать, если не захотимъ, чтобы, масса пришла къ выводу, что выборщики-соціал-демократы обманули ее, продавшись кадетамъ. Но если, ведя

непримиримую агитацию противъ кадетовъ и призывая массы всюду и вездѣ голосовать только за социалдемократическихъ выборщиковъ, мы въ то же время считаемъ вполне возможнымъ выяснитъ массамъ, почему наши выборщики въ извѣстныхъ случаяхъ голосовали за кадетовъ,—то не можемъ ли мы въ другихъ случаяхъ, сохраняя ту же самую агитационную позицию, призывать избирателей непосредственно голосовать за кадетовъ? Я думаю, что принципиальной разницы здѣсь нѣтъ; оба приема предполагаютъ совершенно одинаковый политическій уровень избирателя. Въ Европѣ соглашения обычно происходить на перебаллотировкахъ; такой порядокъ представляеть многія выгоды, о которыхъ я здѣсь не стану распространяться. Но я обращаю вниманіе товарищей на то, что перебаллотировки вовсе не происходятъ въ сторонѣ отъ массы или надъ массой, какъ выборы во второй стадіи; въ перебаллотировкахъ участвуетъ тотъ же самый массовый избиратель, что и на общихъ выборахъ,—и этому простаку приходится продолжать большое затрудненіе: семь дней тому назадъ онъ въ результатѣ жесточайшей партійной агитации отдать свой голосъ социалисту *противъ* либерала; сегодня, черезъ недѣлю, онъ по призыву того же социалиста отдаетъ свой голосъ либералу. И если его голова справляется съ этимъ противорѣчіемъ во время перебаллотировокъ, то я не понимаю, почему она должна прийти въ затменіе предъ соответственной комбинаціей на общихъ выборахъ. Можно дѣлать догадки—большей или меньшей вѣроятности—о томъ, понадобятся ли соглашенія съ кадетами на первой стадіи выборовъ и въ какой мѣрѣ. Но принципиально отрицать самую допустимость такихъ соглашеній, какъ уже сказано, нельзя. Вообще странно было бы думать, что въ этой специальной сферѣ, гдѣ рѣшающую роль играютъ вопросы избирательной *техники*, у насъ имѣются какія-нибудь безусловныя начала, которыя могутъ при всѣхъ случаяхъ опредѣлять наше поведеніе. Можетъ ли такое *техническое* неудобство, безусловно очень серьезное, какъ отсутствіе перебаллотировокъ, устранить для насъ ту *политическую* цѣль, которой мы достигаемъ путемъ соглашеній? Разумѣется, нѣтъ.

Повторю: рѣшающее значеніе для нашей политической самостоятельности имѣютъ не столько избирательныя манипуляціи

сами по себѣ, сколько ихъ *мотивы*, дающіе тонъ всей нашей агитаціи.

Если нами руководить голая абстракція,—вродѣ того, что, поддерживая кадетовъ, мы «изолируемъ реакцію»,—тогда соглашеніе съ кадетами превратитъ насъ въ большей или меньшей мѣрѣ въ адвокатовъ кадетской партіи предъ лицомъ населенія. *На первое мѣсто* намъ придется выдвинуть тѣ соображенія, что на насъ, социалдемократахъ, свѣтъ клиномъ не сошелся, что, кромѣ насъ, существуютъ еще другія партіи, борющіеся за свободу, что кадеты представляютъ собою прогрессивную партію, что они борются за «землю и волю» и пр. и пр.

Если-же мы стоимъ на той точкѣ зрѣнія, что для того, чтобы изолировать и раздавить реакцію, нужно, между прочимъ, разрушить въ сознаніи прогрессивныхъ слоевъ населенія тѣ политическіе предрасудки, которые кадеты стремятся закрѣпить: что эта цѣль лучше всего будетъ достигнута, если мы поможемъ кадетамъ стать въ положеніе, котораго они такъ домогаются и которое требуетъ качествъ, какихъ у нихъ сейчасъ нѣтъ и въ поминѣ,—тогда мы останемся ихъ безошадными политическими обличителями, какъ въ томъ округѣ, гдѣ мы будемъ непосредственно соперничать съ ними, такъ и въ томъ, гдѣ мы будемъ за нихъ голосовать.

Конечно, кадеты прогрессивная партія, конечно, г. Петрункевичъ несравненно «лучше» г. Пуришкевича и даже г. Гучкова; конечно, кадеты стоятъ за «землю и волю». Но мы, социалдемократы, должны предоставить самимъ кадетамъ доказывать всѣ эти несомнѣнныя истины: они въ этомъ достаточно заинтересованы, и у нихъ для этого имѣется огромный аппаратъ легальной прессы и необходимое количество ораторовъ, располагающихъ полнымъ каталогомъ всѣхъ заслугъ и достоинствъ кадетской партіи. Мы же должны въ эту либеральную агитацію вносить нашъ, социалдемократическій, коррективъ. Конечно, скажемъ мы, г. Петрункевичъ лучше г-на Пуришкевича («меньшее зло»), но суть дѣла въ томъ, что тактика г. Петрункевича не способна избавить насъ, граждане, отъ государственной диктатуры г. Пуришкевича. Конечно, кадеты стоятъ за «землю и волю», но ихъ политическая гегемонія не

дать народу ни земли ни воли.—Но вы, граждане избиратели или выборщики, не раздѣляете въ лицѣ вашего большинства этого нашего взгляда. Вы требуете, чтобы мы помогли вамъ своими голосами подавить черносотенцевъ и послать въ Думу г. Петрункевича. Мы сдѣлаемъ это. Но если въ Думу попадетъ Пуришкевичъ, онъ поможетъ вамъ сохранить вашу вѣру въ Петрункевича, *) и въ вашемъ сознаніи вся отвѣтственность падетъ на насъ. Этого мы не хотимъ. Мы идемъ вамъ на встрѣчу. Мы голосуемъ за вашего кандидата, чтобы показать вамъ, что вы стоите на ложномъ пути.—Такъ скажемъ мы на избирательныхъ собраніяхъ. И если наши мотивы будутъ пока безразличны для тѣхъ гражданъ, которые, все равно, думали голосовать за кадета, то они будутъ далеко не безразличны для социалдемократически настроенныхъ избирателей въ тѣхъ случаяхъ, когда мы ихъ побуждаемъ голосовать за депутата, котораго они политически переросли.

Выше сказано, что при первой постановкѣ вопроса мы выступаемъ адвокатами кадетовъ, при второй — обличителями. Конечно, я вовсе не хочу этимъ сказать, будто тов. Плехановъ рекомендуетъ намъ отождествляться съ кадетами или хотя бы только умалчивать обо всѣхъ ихъ грѣхахъ. Вѣдь и адвокатъ не отождествляется съ подсудимымъ и не отрицаетъ его преступленія; онъ защищаетъ его, онъ выдвигаетъ на свѣтъ, главнымъ образомъ, его добрыя стороны и тѣ обстоятельства, которыя смягчаютъ вину.

Въ сжатой формулѣ агитация перваго типа можетъ быть выражена такъ: «хотя у кандидата NN, какъ у кадета, есть тысяча недостатковъ, но за всѣмъ тѣмъ у него имѣются такія достоинства, какъ у оппозиціоннаго политика, какъ у борца за «землю и волю», которыя даютъ ему право представлять народъ въ Государственной Думѣ».

Вторая формула будетъ такова: «хотя у кандидата NN, какъ у кадета, есть тысяча достоинствъ, но за всѣмъ тѣмъ онъ

*) Написавъ эти строки, мы вспомнили, что г. Петрункевичъ, въ силу нашихъ законовъ о Думѣ и особенно въ силу г-на Камышанскаго, не можетъ быть избранъ во вторую Думу. Но мы имѣемъ, конечно, въ виду не индивидуальнаго, а собирательнаго Петрункевича.

Восточная Дума
№ 1068558
№ 1068558
№ 1068558

совершенно не пригоденъ для борьбы за «землю и волю»,—и чтобы доказать вамъ это, мы вамъ поможемъ послать его въ Государственную Думу».

Въ этомъ различіи—цѣлый міръ политической агитаціи.

Могутъ возразить, что «пригодность» и «непригодность» кадетовъ для разрѣшенія революціонныхъ задачъ не нужно понимать абсолютно. Сегодня непригодны, они завтра сдѣлаются пригодными подъ вліяніемъ обстоятельствъ, которымъ они сами безсознательно идутъ на встрѣчу. Совершенно вѣрно. Но я думаю, что именно агитація второго типа будетъ въ наивысшей мѣрѣ содѣйствовать революціонному перероженію жизнеспособныхъ элементовъ конституціонно-демократической партіи.

Я здѣсь считаю умѣстнымъ повторить то, на чемъ никогда не устану настаивать: не нужно отождествлять марксистское изслѣдованіе съ социалдемократической агитаціей. Между ними не можетъ быть противорѣчій, но они и не тождественны. Они относятся другъ къ другу, какъ наука къ искусству, какъ теорія къ практикѣ. Пусть объективный анализъ социально-историческихъ отношеній заставитъ насъ, марксистовъ, даже прійти къ выводу, что побѣда демократической націи означаетъ диктатуру кадетовъ; но мы, социалдемократы, больше всего сдѣлаемъ для ускоренія этого процесса и для углубленія социальнаго содержанія грядущей буржуазно-демократической диктатуры, если будемъ теперь безпощадно разоблачать полную непригодность кадетской партіи для роли политическаго вождя революціонной націи. Такова діалектика политики!

«Поддерживая буржуазную демократію, толкать ее на путь революціи...»

«Рѣчь» на это отвѣчаетъ такъ: «*поддерживать* насъ мы вамъ охотно разрѣшимъ; въ угоду вашему доктринерству мы вамъ даже позволимъ называть насъ *буржуазной демократіей*; но *толкать* ся—нѣтъ, ужъ это извините!»

Въ № отъ 15 ноября сказано буквально слѣдующее:

«Вотъ это-то стремленіе социалдемократинъ («толкать всю буржуазную демократію на путь революціи и дѣлать изъ Думы въ цѣломъ орудіе революціи») должно встрѣтить самый рѣзкій и рѣшительный отпоръ со стороны «буржуазной демократіи», и даже той ея части, которая стоитъ за соглашенія... Необходимо

разъ на всегда установить, что толкать «буржуазную демократію» и Думу куда бы то ни было социалдемократіи не удастся. «Буржуазная демократія» идетъ въ Думу, чтобы *законодательствовать...* *) И потомъ опять: «Буржуазная демократія... за лозунгомъ социалдемократіи не пойдетъ и толкать себя не позволить...»

Несмотря на всю комичность этого тона уѣздной барыни, которая для «соглашенія» съ пролетариатомъ ѣдетъ третьимъ классомъ, но каждую минуту требуетъ, чтобы ее, пожалуйте, не толкали, несмотря на всю проявленную здѣсь ребяческую наивность кадетской мысли, приведенныя строки довольно поучительны и, такъ сказать, наводятъ на размышленіе.

Социалдемократія рѣшила въ извѣстныхъ случаяхъ поддерживать на выборахъ кадетскія кандидатуры. Органъ кадетской партіи, обращаясь къ намъ, говоритъ: Вы хотите бороться за Учредительное Собраніе? Это утопія! Мы разъ навсегда отказываемся отъ этого лозунга **). Вы хотите превратить Думу въ органъ революціонной борьбы?—Не ждите нашей помощи: мы идемъ законодательствовать.

Газета г. Милюкова очень безпокоится, чтобы не вышло «недоразумѣній», очень волнуется и настаиваетъ на томъ, чтобы социалдемократамъ дано было «понять» въ самой ясной и категорической формѣ... Почти въ каждомъ номерѣ эта почтенная газета возвращается къ колючему вопросу. Съ одной стороны—выгоды «соглашенія», съ другой стороны—перспектива неучтываго подталкиванія. Но опять-таки: если отказаться отъ соглашенія, развѣ социалдемократы откажутся отъ своихъ революціонныхъ настрѣній? «Но мы имъ дадимъ твердо и рѣшительно понять!» ободряютъ кадеты другъ друга. «Ахъ, захотятъ ли они понять?» тоскливымъ эхомъ откликается г-жа Кускова въ «Товарищѣ».

Этотъ добрый, безкорыстный «товарищъ» двухъ партій — онъ разрывается на части, чтобы сервировать блокъ, какъ въ лучшихъ домахъ. Въдъ въ сущности вопросъ совершенно простъ, уѣдрляетъ газета: кто за конституцію—тѣ налѣво, въ большой

*) Курсивъ самой газеты, собирающейся законодательствовать.

***) Въ той же статьѣ.

мѣшковъ блока; кто за ватеръ-клозетную фирму Лидвали, тотъ направо. Конечно, всё сохраняютъ при этомъ свою полную самостоятельность—въ большомъ мѣшкѣ блока. Правда, социал-демократы грозятъ толкаться, но въ сущности, если разсмотрѣть этотъ вопросъ въ свѣтѣ реалистической политики, то вѣдь для того социалдемократы и приглашаются въ мѣшокъ, чтобъ имъ не очень удобно было толкаться. Они и сами, наконецъ, вынуждены будутъ понять...—«Ахъ, захотятъ ли, захотятъ ли они это понять?» тоскуетъ на вѣткѣ г-жа Кусков .

Мы хотимъ дать этимъ господамъ послышныя разъясненія явно-успокоительнаго характера.

Социалдемократія была бы крайне наивной, еслибы основывала свои расчеты на *завлеченіяхъ* другихъ партій. Мы очень хорошо помнимъ старыя слова нашего стараго Маркса, что о существѣ каждой партіи такъ же мало можно судить по ея декларациямъ, какъ о характерѣ чловѣка по его мнѣнію о самомъ себѣ. Декларации кадетовъ могутъ быть вполне тверды и категоричны и вполне искренны, — онѣ все равно не годятся, какъ объективный матеріалъ, способный опредѣлить нашу тактику. Въ октябрѣ 1905 г. кадеты требовали Учредительнаго Собранія и клялись бросить въ свое вліяніе на чашу вѣсовъ революціи. Передъ выборами они обязались не заниматься «органической» работой. Вступивъ въ Думу, они рѣшили только «законодательствовать», оставаясь на строго конституціонной почвѣ. Послѣ разгона Думы они выпустили выборгское воззваніе, которое, разумѣется, никакая софистика не уложитъ въ параграфы «конституціоннаго» права. Потомъ они отказались отъ выборгскаго воззванія, не отказываясь отъ онаго. Теперь они отказываются отъ Учредительнаго Собранія и отъ чаши вѣсовъ революціи. Они опять идутъ законодательствовать.

Нѣтъ спора, всё эти маневры и манипуляціи, которые на нашъ вульгарный взглядъ представляются блужданіемъ политическихъ пошехонцевъ межъ трехъ сосенъ, на самомъ дѣлѣ продиктованы высшими государственными соображеніями. По такъ какъ намъ этихъ высшихъ соображеній, по совершенно справедливымъ предчувствіямъ г-жи Кусковой, никогда не по-

нять, то мы не можем съ ними сообразовать свою политику. Но возможны ли въ такъ случаяхъ соглашенія? Конечно: ибо мы считаемся только съ той революціонной ситуациею, которую создастъ Государственная Дума, а вовсе не съ субъективными планами кадетскихъ депутатовъ. Это никонимъ образомъ не означаетъ, что сегодняшніе планы кадетовъ для насъ безразличны. Если мнѣніе человѣка о себѣ не опредѣляетъ его характера, то оно все-же входитъ важнымъ составнымъ элементомъ въ его характеръ. То же самое и съ деклараціями партій. Намъ всегда важно противопоставить то, что кадеты говорятъ, тому, что они дѣлаютъ: и въ томъ случаѣ, когда они общаются больше, чѣмъ даютъ, и тогда, когда они вынуждены пойти дальше, чѣмъ хотѣли. Мы потребуемъ отъ кадетовъ во время выборовъ, чтобъ они ясно и точно опредѣлили, что и какъ они думаютъ дѣлать. Мы закрѣпимъ ихъ отвѣты въ памяти избирателей. И мы сумѣемъ въ нужный часъ вскрыть все противорѣчія и сдѣлать все выводы.

— Да, но возможны ли для насъ избирательныя соглашенія съ кадетами, разъ они заранее заявляютъ перомъ своихъ публицистовъ, что цѣль этихъ соглашеній—двинуть демократическую буржуазію на путь революціонной борьбы — встрѣтитъ рѣшительный отпоръ съ ихъ стороны?

Не только возможны, но и обязательны. Развѣ мы думаемъ воздѣйствовать на политику демократіи черезъ политическое сознание ея публицистовъ? Развѣ мы ставимъ своей задачей—перубѣдить кадетскихъ депутатовъ въ Думѣ и силою логики, краснорѣчія, такта и тысячи другихъ достоинствъ перетянуть ихъ въ лагерь революціи?

Такіе надежды и планы были бы достойны осмѣянія! Мы примѣняли бы къ кадетамъ лишь ту жалкую тактику, посредствомъ которой они сами столько разъ пытались завлечь правительство на путь либерализма.

Нѣтъ, мы строимъ нашу тактику на объективной логикѣ событий. Наивное, но мощное въ стихійности и массовидности своей пролетарское возстаніе 9-го января, а не наши убѣжденія заставило буржуазную демократію принять лозунги Учредительнаго Собранія и всеобщаго избирательнаго права. Октябрская стачка заставила слагавшуюся конституціонно-демократи-

ческую партію присягнуть на вѣрность революціи. Разговѣ Думы, а не наши убѣжденія заставилъ кадетовъ написать и подписать выборгское воззваніе.

— По вѣдь они отказались отъ всего этого! Но вѣдь они пронесли черезъ всѣ испытанія въ полной неприкосновенности весь багажъ своего политическаго филистерства. Гдѣ же основанія надѣяться, что новый крахъ излѣчить ихъ?

Кого ихъ: господъ Милюкова, Петрункевича, Родичева?... Но развѣ наша работа состоитъ въ перевоспитаніи либеральныхъ политиковъ? Нѣтъ, она заключается въ томъ, чтобы опирался на завоеванія, сдѣланныя кадетами въ отсталыхъ слояхъ мѣщанства, двинуть мобилизованныя кадетами общественныя группы впередъ и оттиснуть либеральныхъ вождей на другіе, болѣе отсталые и косные слои. Г-да Милюковы и Петрункевичи не мѣняются,—но развѣ они сохраняютъ въ неизмѣнномъ составѣ свою армію? Развѣ выборгское воззваніе—и принятіе его и отреченіе отъ него—не сыграло роли анти-кадетской прививки, сдѣланной самими кадетами? Какое же значеніе можетъ для насъ имѣть тотъ фактъ, что кадеты грозятъ бороться противъ превращенія Думы въ орудіе революціи? Для насъ достаточно того, что за кадетами идутъ еще такіе социальные элементы, на которые революція имѣетъ всѣ права. Мы должны ей помочь реализовать эти права. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кадетамъ будутъ противостоять реакціонные кандидаты, и гдѣ рѣшеніе вопроса будетъ зависѣть отъ насъ, мы бросимъ наши бюллетени въ кадетскія урны и съ спокойной социалистической совѣстью пошлемъ кадетовъ навстрѣчу ихъ судьбѣ.

VI.

Та точка зрѣнія на избирательныя соглашенія, которую мы отстаиваемъ, исключаетъ самую возможность вопроса о какой бы то ни было совместной съ другими партіями избирательной платформѣ, или о какихъ-нибудь общихъ, специально для соглашенія созданныхъ, избирательныхъ лозунгахъ. Попытка г. Шаханова предложить обѣимъ партіямъ «полномочную Думу», въ качествѣ объединительной формулы, пред-

ставляется намъ мертворожденной. Наиболее безошадной критикѣ подвергла плехановское предложеніе газета «Рѣчь»,— центральный органъ той именно партіи, ради которой т. Плехановъ утруждалъ себя, создавая свою алгебраическую формулу. «Весь вопросъ въ томъ,—совершенно справедливо пишетъ газета г. Милюкова,—можемъ ли мы на выборахъ оперировать «алгебраическимъ знакомъ», скрывающимъ за собой двѣ взаимноисключающія другъ друга арифметическія величины?» «Рѣчь» отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно. Правда, въ свое время «двусмысленный» лозунгъ Учредительнаго Собранія сыгралъ объединительную роль. Но дѣло въ томъ, что двусмысленность его не была ни съ чьей стороны преднамѣренной,—вся дальнѣйшая агитация эту двусмысленность вскрыла и тѣмъ заставила кадетовъ отказаться отъ самой формулы. Теперь же т. Плехановымъ предлагается искусственно и сознательно создать *завѣдомо* двусмысленный лозунгъ «полновластной Думы». Въ чемъ же тогда будетъ состоять содержаніе агитации вокругъ этого лозунга? Въ томъ ли, чтобъ эту двусмысленность скрывать и тѣмъ поддерживать искусственно построенную фикцію единого лозунга? Или же въ томъ, чтобы, наоборотъ, вскрыть предъ массою такого рода двусмысленность, какъ только она всплыветъ въ политической борьбѣ? До сихъ поръ мы привыкли въ нашей агитации разоблачать двусмысленности, а не создавать ихъ. У партіи нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній мѣнять эту привычку.

«Рѣчь» въ сущности не противъ двусмысленности вообще,—что стало бы съ либеральной мыслью, еслибъ отнять у нея пищу двусмысленныхъ формулъ и оборотовъ!—нѣтъ, «Рѣчь» противъ данной формулы потому, что ея двусмысленность слишкомъ прозрачна и революціонно скомпрометирована.

«Полновластная дума,—пишетъ газета,—этотъ терминъ уже *былъ* использованъ *партійно*, въ *противоположность* пониманію задачъ Думы партіей народной свободы. Мало того, именно пропаганда идеи «полновластной Думы» и оказалась тѣмъ предлогомъ, который далъ разгону Думы нѣкоторую внѣшнюю видимость законности. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія партіи народной свободы, если есть какой-либо лозунгъ, употребленія котораго надо избѣгать, какъ не только двусмыслен-

наго, но и крайне опаснаго, то это именно есть лозунгъ «полновластной Думы».

«Рѣчь» съ своей стороны предлагаетъ объединительную платформу, превосходную въ своей простотѣ: 1) возвращеніе во вторую Думу стараго думскаго (т. е. кадетскаго) большинства; 2) образованіе министерства изъ думскаго большинства, т. е. изъ кадетовъ. Словомъ, умная и добрая «Рѣчь» предлагаетъ намъ такую тактику, что остается только спросить: какъ же мы стали бы дѣйствовать въ томъ случаѣ, если-бъ просто стали кадетами? Именно такъ, какъ рекомендуетъ «Рѣчь»: мы призывали бы всѣхъ голосовать за кадетовъ и требовали бы кадетскаго министерства. Но такъ какъ обновленную Россію мы надѣемся извлечь не изъ портфеля г. Милюкова; такъ какъ, по нашему разумѣнію, для очистки самодержавныхъ конюшенъ, изъ которыхъ еще не выведены ихъ постояльцы, нужно нѣчто большее, чѣмъ пять-шесть «призванныхъ» къ власти либеральныхъ добряковъ; такъ какъ у насъ есть сверхъ того кое-какія обязательства по отношенію къ пролетаріату, которыхъ никто за насъ не выполнитъ,—то мы со всей почтительностью вынуждены отказаться отъ предлагаемаго намъ превращенія въ рабочій хоръ при кадетскихъ солистахъ.

Изъ разсужденій «Рѣчи» слѣдуютъ во всякомъ случаѣ два вывода.

Первый мы уже формулировали по другому поводу выше: социалдемократія обличаетъ либераловъ за непослѣдовательность ихъ либерализма, за несогласованность ихъ тактики съ ихъ собственной демократической или полудемократической программой; либералы же ставятъ намъ неизмѣнно въ вину то, что въ нашей тактикѣ мы стоимъ на почвѣ классово-борьбы, что мы революціонные социалисты, что мы не либералы, что мы не *плохие* либералы, что мы не представляемъ копій съ нашихъ критиковъ и противниковъ. Мы требуемъ отъ либераловъ, чтобы они были вѣрны себѣ. Либералы требуютъ отъ насъ, чтобы мы превратились въ свою противоположность. Оттого социалистическая критика получаетъ моральное содержаніе и практически дѣйствительна, — тогда какъ критика, исходящая отъ либерализма, расплывается въ безпредметныхъ іереміадахъ. Оттого социалистическая критика всюду шагъ за шагомъ вырываетъ почву изъ-подъ ногъ либерализма.

Второй вывод, тѣсно связанный съ первымъ, таковъ. При рѣзко выраженной, многообразной и сложной политической борьбѣ социальной демократіи и демократіи буржуазной, наивно мечтать объ установлении между ними «божьего мира» на избирательный сезонъ; и еще наивнѣе думать, что этотъ миръ можетъ быть достигнутъ путемъ двусмысленныхъ формулъ и словесныхъ обходовъ. Какъ ртутный столбъ барометра, либерализмъ держится на извѣстной высотѣ только подъ внѣшнимъ давленіемъ—подъ давленіемъ революціонныхъ массъ. Мы можемъ воздѣйствовать на либерализмъ лишь постольку, поскольку мы воздѣйствуемъ на массы. Если мы начинаемъ лавировать между революціонными и либеральными лозунгами и мѣнять ихъ въ зависимости отъ преходящихъ настроеній буржуазной демократіи, если мы вступаемъ на путь той якобы реалистической политики, которая на самомъ дѣлѣ есть жалкій импрессионизмъ, мы вносимъ только замѣшательство въ сознание массы и повышаемъ требовательность и косяность либерализма, — косяность—по отношенію къ абсолютизму, требовательность — по отношенію къ намъ. Стоить намъ сегодня сдѣлать шагъ навстрѣчу либерализму,—и либерализмъ сдѣлаетъ немедленно два шага въ сторону реакціи; въ результатѣ онъ окажется отъ насъ дальше, чѣмъ былъ вчера. Еще только на дняхъ они мечтали о соглашеніи съ социалдемократами безъ всякихъ условій и ограниченій, — теперь, когда вопросъ о сдѣлкахъ съ кадетами занялъ въ нашей партійной жизни непропорціонально большое мѣсто, когда изъ нашей среды стали выдвигаться объединительныя формулы, имѣющія своей тенденціей превратить техническія соглашенія въ политическій блокъ, кадеты не только не растрогались и не пошли намъ навстрѣчу, но, наоборотъ, повысили свою требовательность до такихъ предѣловъ, что даже г-жа Кускова потеряла всякое терпѣніе. Выходить, будто нашъ утонченный «тактъ» питаетъ ихъ безтактность. Кадеты говорятъ намъ: «вы хотите соглашения? прекрасно! вотъ вамъ лозунги: кадетская Дума и кадетскіе министры по приглашенію изъ Царскаго Села. Все, что сверхъ этого, то отъ лукаваго!»

— Позвольте, господа, вы слегка забываетесь, мы вовсе не просили у васъ вашихъ лозунговъ,—сохраните ихъ при себѣ

до того момента, пока массы, на которых мы опираемся, не заставят вас изменить их, — или не выбросят вас за ворота вместе с вашими лозунгами. Все, чего мы хотим, это избирательныя соглашения въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимо будетъ совмѣстными голосами помѣшать избранію черныхъ кандидатовъ. Для того, чтобы такія соглашения были возможны, вы должны только считать для себя болѣе выгоднымъ имѣть въ Думѣ назъво отъ себя социалдемократовъ, чѣмъ направо — черносотенцевъ. Но для того, чтобы внушить вамъ *такое* предствленіе о насъ, мы ни одного волоса не сдвинемъ на нашей головѣ.

Не доктринерство, а самый глубокой реалистическій расчетъ не позволяетъ намъ во имя мнимаго объединенія ставить между партией и массой ширмы двусмысленныхъ лозунговъ.

«A force de se cacher aux autres on finit par ne plus se retrouver soi-même»... говорится въ одной драмѣ Метерлинка. Пряча свою душу отъ другихъ, кончаешь тѣмъ, что и самъ перестаешь находить ее. Это относится не только къ индивидуальной, но и къ коллективной душѣ политическихъ партий.

VII.

Намъ необходимо имѣть въ Думѣ группу социалдемократическихъ депутатовъ, которые были бы способны не только съ честью представлять партію въ политическихъ дебатахъ, но и стать въ центрѣ всего того народнаго движенія, которое завяжется вокругъ Думы и которое подчинить себѣ Думу. Съ этой точки зрѣнія для насъ не имѣетъ *самостоятельнаго* значенія, проведемъ ли мы въ Думу 10, 15 или 30 депутатовъ. На большинство мы, разумѣется, не надѣемся. Каждый депутатъ въ отдѣльности для насъ цѣненъ лишь постольку, поскольку онъ фиксируетъ на себѣ, какъ на представителѣ ясно очерченной партіи, вниманіе своихъ избирателей и тѣмъ организуетъ ихъ вокругъ социалдемократин. Но это будетъ достигнуто лишь въ томъ случаѣ, если кандидатъ нашей партіи пройдетъ въ результатѣ рѣзко выраженной политической кон-

куруенци со всіми другими партіями. Всякое общее соглашеніе, упрещдающее избирательную агитацію и связывающее ее объединительной платформой, заранее обезцѣниваетъ для насъ, какъ социалдемократовъ, благоприятный исходъ выборовъ. Совершенно недостойно нашей партіи, скажу я прямо, сосредоточивать столько вниманія и страсти вокругъ такого третьестепеннаго вопроса, какъ соглашенія съ кадетами. Будутъ или не будутъ соглашенія, во многихъ мѣстахъ или въ немногихъ, на первой или на второй стадіи, мы должны сейчасъ сосредоточить всю свою энергію на созданіи благоприятныхъ условій какъ для этихъ возможныхъ соглашеній, такъ и вообще для исхода всей избирательной кампаніи. А такія условія можетъ создать только свободная, ничѣмъ не связанная политическая агитація.

Если стать на точку зрѣнія соглашенія на основѣ общей платформы и предварительнаго распредѣленія ролей и мѣстъ, тогда въ руководительницы нужно выбрать г-жу Кускову. Она укажетъ, какъ намъ сѣсть, къ тому жъ у ней и ноты есть. Какъ истинная реалистка, г-жа Кускова исходитъ не изъ реально совершающейся партійной борьбы, выражающей разные интересы и взгляды, а изъ своего собственнаго (и потому именно для всѣхъ партій обязательнаго) представленія о томъ, чѣмъ должна быть Дума. Дума должна быть политическимъ микроскопомъ. Поэтому буржуазная оппозиція должна заранее позаботиться о представительствѣ социалистической демократіи, а эта послѣдняя — о представительствѣ демократической буржуазіи. Представительство вліятельныхъ партій въ Думѣ, всегда и вездѣ являющееся результатомъ политическаго соперничества и выборной конкуренціи, по плану г-жи Кусковой должно явиться дѣломъ предварительнаго полюбовнаго соглашенія партій на основѣ того представленія о задачахъ Думы, какое имѣеть... г-жа Кускова. Этотъ превосходный политическій реализмъ, который такъ и дышитъ интеллигентской газетной канцеляріей, нашелъ въ «Товарищѣ» цѣлый рядъ сторонниковъ. Г. Хижняковъ взялъ на себя задачу предостеречь партіи отъ имени безпартійнаго избирателя. «Каждая партія, — пишетъ онъ, — для насъ неудовлетворительна, если она одна, ибо она одна не можетъ представить собою всѣхъ слоевъ и всѣхъ дѣйствующихъ прогрессив-

ныхъ силъ... Ни въ коемъ случаѣ *не тактика*, выставленная той или иной партией въ настоящій моментъ, *должна определять отношеніе къ выдвигаемымъ ею кандидатамъ*. Ибо тактика будущаго, — дѣло только будущаго(!). Она должна рѣшаться въ думѣ представителями всѣхъ тактикъ такъ, какъ опредѣляется она страной... Только соглашеніе между партиями, — при которомъ партии получили бы каждая приблизительно такое число мѣстъ, какими, количественно, симпатіями она пользуется, — даетъ правильное рѣшеніе вопроса» (№127, курс. мой). Вотъ какъ разсуждаютъ нынче политическіе реалисты, которые, впрочемъ, очень похожи на политическихъ гимназистовъ — и притомъ не старше четвертаго класса. Оказывается, что выборы депутатовъ «ни въ коемъ случаѣ» не должны опредѣляться вопросами тактики, ибо «тактика будущаго — дѣло исключительно будущаго». Самъ Прутковъ не взглянулъ бы на вопросъ глубже. Потому оказывается, что тактика будетъ рѣшаться въ Думѣ представителями всѣхъ тактикъ такъ, какъ опредѣлитъ страна. Но какимъ образомъ въ Думѣ окажутся необходимые представители «всѣхъ тактикъ», если выборъ «ни въ коемъ случаѣ» не можетъ опредѣляться соображеніями тактики, этого авторъ не указываетъ. Далѣе у него слѣдуетъ уже совершенно реакціонная болтовня на тему о томъ, что лишь беспартийный избиратель, «свободный отъ партийной, т. е. *частной, исключительной*, точки зрѣнія, единственно способенъ взглянуть на дѣло *съ точки зрѣнія общихъ интересовъ*». Беспартийность обывателя, т. е. его политическая отсталость, безформенность, некультурность и пассивность, возводится въ доблесть. Партийной позиціи, совершенно въ духѣ блаженной памяти 80-хъ годовъ, противопоставляется «точка зрѣнія общихъ интересовъ». Если она у васъ есть, эта точка зрѣнія, то вы обязаны ее положить въ основу вашей программы и на этой программѣ строить новую партію. А если вы этого не дѣлаете, значитъ, ваша точка зрѣнія для дѣла «общихъ интересовъ» не стоитъ выдѣннаго яйца. Впрочемъ, мы сейчасъ вовсе не имѣемъ въ виду объяснять политическимъ реалистамъ, гимназистамъ и гимназисткамъ старшаго возраста связь между партийностью и общими интересами. Достаточно установить, что г. Хижняковъ совершенно напрасно беретъ на себя трудъ высказываться отъ

имени беспартийнаго избирателя. Этотъ послѣдній вовсе не отличается той претенциозностью, которою его надѣляетъ отъ собственныхъ избытковъ публицистъ «Товарища». Обыватель непартиенъ въ одной своей части потому, что онъ безнадежно пассивенъ, въ другой—потому, что онъ *еще не успѣлъ* опредѣлить своихъ партійныхъ симпатій. Помочь ему въ этомъ дѣлѣ, дать ему возможность свою ревность объ «общихъ интересахъ» перевести на языкъ программы и превратить въ политическую дѣятельность—задача партій. Блокъ между ними, несомнѣнно, затруднилъ бы политическое самоопредѣленіе обывателя; свободная конкуренція, наоборотъ, облегчатъ выборъ. Изобразить этого отсталаго избирателя какимъ-то таинственнымъ надпартійнымъ существомъ, которое блюдетъ высшіе интересы страны, могутъ только *доктринеры беспартийности*, эти бѣдныя интеллигентскія созданія, ютящіяся въ каждой междупартійной щели.

Политика доктринеровъ «Товарища»—политика диагонали. Въ реальной жизни участвуютъ живыя общественныя силы, отъ которыхъ берутъ свое начало политическія партіи. Роль партій опредѣляется соотношеніемъ силъ. Общая политика идетъ по диагонали параллелограмма, сторонами котораго являются дѣйствующія силы. Равнодѣйствующая не есть ничто самостоятельное, она лишь производный результатъ образующихъ. Каждому сознательному пролетарію, части огромнаго цѣлага, совершенно ясно, что для того, чтобы отклонить равнодѣйствующую въ свою сторону, необходимо развить наивысшую энергію въ направленіи своихъ классовыхъ интересовъ. Въ той или иной мѣрѣ этотъ законъ ясенъ всѣмъ социальнымъ элементамъ съ болѣе или менѣе выраженной классовой физиономіей. Но интеллигентъ, оторванный отъ массовой практики, особенно если это публицистъ, привыкшій къ литературно-политическимъ спекуляціямъ, легко приходитъ къ мысли, что вмѣсто того, чтобы опредѣлять равнодѣйствующую въ процессъ фактическаго соразмѣренія силъ, выгоднѣе теоретически предопредѣлить ее и призвать объ стороны направиться по ней безъ борьбы,—ибо ясно, что это дастъ большой выигрышъ силы. Раціоналисты до мозга костей, эти господа могутъ сколько угодно «признавать» классовую борьбу; она для нихъ все

равно, остается лишь предметом метафизической спекуляции,— на практикѣ они неизмѣнно стремятся ее парализовать и замѣнить болѣе «экономными» методами развитія.

Для насъ, социалдемократовъ, завоеваніе, полученное въ результатѣ массовой политической борьбы, неизмѣримо болѣе цѣнно, чѣмъ такое же завоеваніе, добытое путемъ закулиснаго соглашенія,—ибо въ первомъ случаѣ вносится нѣчто негнѣное въ сокровищницу массового сознанія, во второмъ—получается практическій выигрышъ, который такъ же легко упустить, какъ легко онъ былъ взятъ. Выборы для насъ не простая погоня за призомъ въ видѣ депутатскихъ мѣстъ, а борьба развернутымъ фронтомъ, агитація, обличенія, очные ставки, мобилизація массъ вокругъ социалистическаго знамени. А для этого намъ прежде всего нужны совершенно свободныя руки.

Г. Богучарскій, тоже безпартийный доктринеръ, очень обезпокоенъ стремленіемъ политическихъ партій сохранить въ избирательной борьбѣ свою независимость. «Каждая партія,— жалуется этотъ политикъ «былого»,—хочетъ сохранить незапятнаннымъ свое цѣломудріе, совершенно забывая, что, при всѣхъ своихъ драгоценныхъ качествахъ, цѣломудріе имѣетъ и одинъ очень крупный недостатокъ: оно *всегда* бесплодно...» («Тов.», № 125). Намъ несомнѣнно ясно, что понимаетъ г. Богучарскій подъ цѣломудріемъ въ политикѣ; но намъ совершенно ясно, что то поведеніе, къ которому неустанно склоняютъ социалдемократію бывшіе марксисты и отставные освобожденцы, есть... (мы извиняемся, но съ разрѣшенія г. Богучарскаго мы продолжаемъ его метафору) есть сплошной адюльтеръ, въ русскомъ переводѣ: прелюбодѣяніе. А извѣстно, что эта «практика» тоже не очень плодородна. И, наконецъ, разъ ужъ зашла рѣчь о бесплодности, то я позволю себѣ спросить г. Богучарскаго: что можетъ быть бесплоднѣе политика-резонера изъ безпартийныхъ отечественныхъ ревизионистовъ, а ихъ ужъ, разумѣется, никто не заподозритъ въ политическомъ цѣломудріи?

УШ.

...Оказывается, что безпартийный обыватель или, вѣрнѣе, идея безпартийнаго обывателя внушила необыкновенную самоувѣренность цѣлому ряду междупартийныхъ интеллигентовъ. Не успѣлъ еще г. Богучарскій, какъ слѣдуетъ, шегольнуть отсутствіемъ всякаго цѣломудрія, какъ появились междупартийные Штильманы съ явнымъ желаніемъ показать, что и они на этотъ счетъ не лыкомъ шиты.

Но они не убѣждаютъ, они почти грозятъ.

— Обыватель въ массѣ своей безпартиенъ, но настроенъ оппозиціонно. Онъ хочетъ имѣть въ Думѣ представителей всѣхъ партій, враждебныхъ власти. Безпартийная интеллигенція имѣетъ на обывателя огромное вліяніе. Если кадеты не раскаются въ своемъ упрямствѣ и не пойдутъ навстрѣчу лѣвымъ, которые готовы объединиться на общей платформѣ, тогда не видать нмѣ обывателя, какъ своихъ ушей!

Если послушать этихъ безпартийныхъ политиковъ, то можно показаться, будто они давно уже вступили съ «обывателемъ» (кто онъ?) въ сдѣлку и даже тайно образовали съ нимъ междупартийную партію. Тонъ безпартийныхъ вождей междупартийной партіи настолько независимъ, что никто бы и не повѣрилъ, будто эти люди все время тащились въ хвостѣ у кадетовъ. Эти послѣдніе, однако, какъ-бы слегка испугались. Завязался великолѣпный діалогъ.

— Позвольте, — говорятъ кадеты, — мы никогда не отрицали наличности безпартийнаго избирателя и вліянія на него безпартийной интеллигенціи. Въ высшей степени наоборотъ. Еще на прошлыхъ выборахъ мы отлично узнали, что такое безпартийный интеллигентъ: можно сказать, вотъ онъ гдѣ у насъ сидитъ (проф. Милюковъ указываетъ рукою)... То есть, мы хотѣли собственно сказать, что къ безпартийной интеллигенціи мы относимся съ полнымъ вниманіемъ. Но согласитесь, не можемъ же мы принять лозунги, враждебные всему нашему политическому естеству! Не можемъ же мы вести агитацію за политическую платформу борющейся съ нами партіи!

«Они» (и даже не «они», а только *одинъ* изъ нихъ) говорятъ: «*полновластная Дума*»; но вѣдь это же пахнетъ конвентомъ. Подумайте, можемъ ли мы стоять за конвентъ? Можетъ ли г. Кутлеръ претендовать на роль Марата? Похожъ ли г. Струве на Сень-Жюста,—посмотрите сами на него: похожъ?

— Дѣло совѣмъ не въ томъ, похожъ ли г. Струве на Сень-Жюста,—отвѣчаюшь представители безпартійнаго легіона,—г. Струве можетъ быть ни на что не похожъ; дѣло не въ той или иной формулѣ, и авторъ «полновластной Думы» не раскольникъ, чтобъ стоять за букву. Важно принципиальное согласіе вступить въ союзъ съ цѣлью уравнительнаго распредѣленія думскихъ мѣстъ. Слѣва мы видимъ терпимость и готовность (кадеты дѣлають большіе глаза), вы же проявляете совершенно недоступную самоувѣренную нетерпимость. Основой соглашенія могутъ быть сдѣланы думскій адресъ и требованіе думскаго министерства. Мы спрашиваемъ васъ,—восклицаютъ безпартійные тономъ ультиматума:—*да* или *нѣтъ*?

— Позвольте, господа,—возражаютъ кадеты,—здѣсь какъ бы нѣкоторое недоразумѣніе... Мы отказывались отъ конвента, но вы говорите: думскій адресъ? вы говорите: думское министерство? Вѣдь это же *наши* требованія, это же *наша* избирательная платформа. Вы насъ спрашиваете, возможенъ ли для насъ союзъ съ социалдемократами на почвѣ *нашей* платформы? Конечно, возможенъ! Какъ же вы могли насъ заподозривать въ *такой* нетерпимости? Мы всегда широко смотримъ на вещи.

— Такъ вы, значить, согласны?—спрашиваютъ безпартійные.—Вы, значить, отступаете отъ вашей первоначальной позиціи? Это все, что требовалось. Мы удовлетворены, мы совершенно удовлетворены!

— Вѣдь мы же говорили, что здѣсь одно недоразумѣніе,—предупредительно извиваются кадеты.—Но увѣрены ли вы въ тѣвыхъ? Въ концѣ концовъ, до сихъ поръ только одинъ Плехановъ обмолвился объединительной платформой, да и у того въ сущности вышелъ конвентъ. А что скажутъ остальные? Что скажутъ рабочіе, которыхъ цѣлый годъ возстановляли противъ насъ? Спросите ихъ, согласны ли они вести агитацію за нашу платформу? Или вы, можетъ быть, уже заручились ихъ согласіемъ? Вы вотъ давеча изволили насъ упрекать въ нетер-

пимости,—начинаютъ кадеты наступать,—но вѣдь это же чистая несправедливость; мы, какъ всегда, идемъ вамъ навстрѣчу: вотъ наша платформа, берите ее, агитируйте за нее; пусть за нее агитируютъ социалдемократы... если только они согласны. Но постучитесь къ нимъ. Вотъ гдѣ вы найдете настоящую нетерпимость! Вотъ гдѣ доктринеры и фанатики! Вотъ куда вамъ должно обратить остріе вашей полемики!

Поставивъ столь блестяще вопросъ, кадеты начинаютъ весело смѣяться себѣ въ бороду. А безпартийные «побѣдители» смущенно бормочутъ: «Ну вотъ и прекрасно,—кадеты сдались: они совершенно согласны, чтобъ социалдемократы вели агитацию за кадетскіе лозунги. Итакъ, одна позиція завоевана».

На этомъ пока—3-го сего декабря—диалогъ остановился. Но можно легко предвидѣть, чѣмъ онъ закончится. Господа безпартийные приступаютъ къ «завоеванію» второй позиціи и постучатся къ социалдемократамъ. Если-бъ эти послѣдніе отличались кадетскою обаятельностью и широтою взгляда, они отвѣтили бы въ свою очередь: «Могли ли вы сомнѣваться въ нашей готовности вступить въ политическій союзъ съ либералами? Помилуйте, если только кадеты обязуются не сѣять вредныхъ иллюзіи насчетъ разрѣшенія основной національно-исторической задачи, если только кадеты согласятся вести агитацию на основѣ *нашихъ* программно-тактическихъ лозунговъ, тогда, разумѣется, мы пойдемъ имъ и вамъ навстрѣчу». Послѣ такихъ словъ наши безпартийные простаки окончательно растаяли бы. Обѣ стороны согласны,—остается, слѣдовательно, *только* согласовать программные и тактическіе лозунги либеральной буржуазіи и социалдемократическаго пролетаріата, и г-жа Кускова сможетъ сказать: нынѣ отпускаеши... Нужно, однако, думать, что социалдемократы отвѣтятъ болѣе прямо и рѣшительно безтолковымъ безпартийнымъ свахамъ, указавъ имъ на все неприличіе ихъ предложеній. Тогда, разумѣется, вся отвѣтственность за несостоявшееся объединеніе падетъ на головы этихъ злостныхъ фанатиковъ. За то, что г-жѣ Кусковой не удастся объять необъятное, въ отвѣтъ окажется не ея наивнѣйшій и безпочвеннѣйшій утопизмъ, не классовая природа либерализма и даже не классовая природа социалдемократіи, а злая воля социалдемократическихъ доктринеровъ. C'est simple comme bonjour,—

это ясно, какъ день божій. И въ результатѣ та самая безпартийная интеллигенція, которая исходила какъ-будто изъ намѣренія повысить шансы партіи пролетаріата на представительство въ Думѣ, кончить, пожалуй, тѣмъ, что поллетится за каветами, привлекая къ нимъ по мѣрѣ силъ безпартийнаго «обывателя».

IX.

Только широкая партийная конкуренція можетъ дѣйствительно сплотить вокругъ Думы народныя силы. Но возникаетъ вопросъ: допускаетъ ли нашъ возмутительный избирательный законъ, дополненный разъясненіями столыпинскаго сената, представительство рабочихъ массъ, сколько-нибудь пропорциональное ихъ дѣйствительному значенію? И если нѣтъ, — а вѣдь ясно, что *нѣтъ!* — то не можетъ ли эта ненормальность быть исправлена путемъ общаго соглашенія, по крайней мѣрѣ, тѣхъ партій, которыя признаютъ принципъ всеобщаго и равнаго права голоса? Нѣкоторые публицисты «Товарища» искренно хлопочутъ именно объ этомъ. Они пытаются убѣдить кадетовъ, что тѣ, какъ *демократы*, обязаны будутъ слегка посторониться и дать дорогу представителямъ пролетаріата даже въ томъ случаѣ, если наша выборная система сдѣлаетъ ихъ, кадетовъ, господами положенія въ петербургской или московской коллегіи выборщиковъ.

Кто знакомъ съ вычислениями тов. Лосицкаго, тотъ знаетъ, какое возмутительно неравенство создаетъ избирательная система 6 авг.—11 дек. Больше всего ограбленъ пролетаріатъ, слѣдовательно въ наихудшія условія поставлена социалдемократія.

Сенатскія разъясненія, въ свою очередь, всей тяжестью обрушились на пролетаріатъ и крестьянство. Можно съ увѣренностью сказать, что кадеты, какъ отдѣльная *партія*, а не какъ составная часть оппозиціи, во многихъ случаяхъ прямо выиграли отъ сенатскихъ разъясненій, которыя въ городѣ ослабили почти исключительно социалдемократію, а въ деревнѣ — главнымъ образомъ трудовиковъ. Нѣтъ рѣшительно ничего не-

возможнаго въ томъ, что въ Петербургѣ, гдѣ Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ имѣлъ за себя не менѣе 200,000 голосовъ взрослыхъ рабочихъ, ни одному представителю пролетаріата не найдется мѣста въ Думѣ. Для этого достаточно, чтобы у кадетовъ въ коллегіи выборщиковъ оказалось относительное большинство, избавляющее ихъ отъ необходимости искать поддержки социалдемократическихъ выборщиковъ. И если-бы въ нашемъ распоряженіи не было ничего, кромѣ упованій на демократическую совѣсть кадетовъ, шансы рабочаго представительства стояли бы очень низко. Они нисколько, разумѣется, не подвинулись бы отъ благожелательнаго вмѣшательства посредниковъ изъ «Товарища», достаточно неавторитетныхъ для обѣихъ сторонъ. У насъ есть, однако, болѣе сильное средство: оно состоитъ въ *расширеніи избирательной кампаніи далеко за тѣ рамки, какія полагаетъ официальная система.* Разумѣется, мы не сможемъ проводить въ уполномоченные, въ выборщики и въ депутаты лицъ, не удовлетворяющихъ требованіямъ закона, и не сможемъ при этомъ нарушать тѣ пропорціи, какія установлены закономъ и его официальными лжетолкователями. Но то, что мы сможемъ и должны сдѣлать, это собрать вокругъ cadaго «официальнаго» выборщика и депутата какъ можно больше «неофициальныхъ» голосовъ. Рабочіе промышленныхъ предпріятій, занимающихъ меньше старукъ, лишены избирательнаго права. Мы должны привлечь ихъ къ участию въ голосованіи. Они могутъ передать свои голоса уполномоченнымъ болѣе крупныхъ предпріятій или выбирать собственныхъ уполномоченныхъ, которые разумѣется, не войдутъ въ указанные коллегіи, но которымъ, тѣмъ не менѣе, официальные уполномоченные дадутъ возможность оказать влияние на исходъ кампаніи, принявъ во вниманіе ихъ голоса при опредѣленіи выборщиковъ. То же самое съ желѣзнодорожными рабочими. То же самое съ безработными. То же самое съ торговыми рабочими, съ чернорабочими, съ извозчиками, съ прислугой. Все голоса должны быть зарегистрированы; передовые рабочіе должны призвать массу къ выработкѣ наказовъ своимъ уполномоченнымъ и выборщикамъ для перелачи депутату, и подъ этими наказами должны собираться подписи далеко за предѣлами промышленныхъ предпріятій, надѣленныхъ «правами».

Эта кампанія не должна ограничиваться только пролетарскими массами. Мѣщанство, интеллигенція, студенчество должны быть также привлечены въ лицѣ своихъ лѣвыхъ элементовъ къ голосованію за социалдемократическихъ депутатовъ. Чѣмъ шире мы развернемъ эту кампанію, тѣмъ меньше мы будемъ зависть отъ демократической снисходительности какихъ-нибудь кадетовъ. Какое значеніе могутъ имѣть доброжелательныя ходатайства литературной группки «Товарища» предъ кадетами за пролетаріатъ въ сравненіи съ давленіемъ самого пролетаріата на кадетовъ? Путемъ самостоятельной и ничѣмъ не связанной агитаціи намъ нужно слотить массы вокругъ социалдемократіи — не вокругъ «оппозиціи» вообще, а вокругъ нашей партіи, — и двери Думы раскроются предъ представителями пролетаріата. Мы противопоставимъ кадетскимъ выборщикамъ десятки тысячъ, сотни тысячъ поданныхъ за насъ голосовъ, — и пусть послѣ этого кадеты проводятъ отъ Петербурга шесть Кутлеровъ. Пусть они *попытаются* дѣлать это! Мы сможемъ очень спокойно смотрѣть на то, какъ либеральные «представители народа» полѣзутъ въ думскую щель, повернувшись спиною къ народнымъ массамъ. И если-бы оказалось, что отъ Петербурга мы не проведемъ ни одного депутата, наши выборщики передадутъ свои наказы и голоса социалдемократу, избранному отъ другого мѣста. Какъ бы ни была мала социалдемократическая фракція Думы, рабочія массы будутъ объединены вокругъ нея, и каждый изъ нашихъ депутатовъ сможетъ, какъ писалъ я въ органѣ печатниковъ, сказать: «Въ моемъ мизинцѣ больше народныхъ голосовъ, чѣмъ у десятка дворянскихъ или буржуазныхъ депутатовъ, вмѣстѣ взятыхъ».

Подвожу выводы:

- 1) Для того, чтобъ парализовать опасность реакціонныхъ выборовъ, гдѣ такая опасность существуетъ, совершенно достаточно избирательной сдѣлки чисто-практическаго характера. Чтобъ совместно съ кадетами отшвырнуть Крушевана, нѣтъ надобности выдумывать объединительныя платформы. Болѣе того: нѣтъ никакой надобности смягчать свою критику кадетовъ.
- 2) Лучше сдѣлка на второй стадіи, чѣмъ на первой. Но лучше сдѣлка на первой стадіи, чѣмъ Крушеванъ.

3) Чѣмъ шире и глубже избирательная борьба, тѣмъ легче можно произвести предварительный учетъ силъ; тѣмъ съ меньшимъ рискомъ можно отложить соглашеніе до второй стадии выборовъ.

4) Для того, чтобы хоть отчасти парализовать возмутительное неравенство избирательныхъ правъ и обезпечить въ Думѣ за пролетариатомъ если не представительство, то влияние, сколько-нибудь пропорціональное его силѣ, есть только одинъ путь: расширеніе избирательной кампаніи далеко за предѣлы официальной курии и давленіе на либеральныхъ выборщиковъ силою безправныхъ и полуправныхъ народныхъ массъ, объединенныхъ вокругъ нашего партійнаго знамени. Соглашеніе съ либералами на почвѣ общей платформы было бы поэтому съ нашей стороны добровольнымъ самоубійствомъ.

Рабочій сѣздъ.

I. Письмо П. Б. Аксельроду.

Дорогой П. Б.! Насколько можно судить по доходящимъ до насъ свѣдѣніямъ, Вы дѣятельно работаете надъ созывомъ рабочаго сѣзда. При извѣстныхъ условіяхъ, которыхъ, вѣроятно, не придется долго ждать, рабочій сѣздъ станетъ неизбежнымъ. Намъ необходимо идти навстрѣчу ему, какъ въ интересахъ революціи, такъ и въ интересахъ нашей партіи—если эти интересы можно раздѣлять. И я думаю, что Вы, П. Б., болѣе, чѣмъ кто-либо другой въ рядахъ нашей партіи, можете взять на себя *фактическое* руководство созывомъ рабочаго сѣзда, ибо для этого требуется способность пренебречь мелкими и мелочными соображеніями формально-революціоннаго или формально-партійнаго характера во имя широкой постановки дѣйствительно-революціонныхъ и дѣйствительно-партійныхъ задачъ. И, какъ Вы, вѣроятно, знаете, принималъ близкое участіе въ дѣятельности Петербургскаго Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, этой формально-безпартійной организаціи рабочихъ массъ. И я имѣлъ достат. чно случаевъ убѣдиться, какое огромное преимущество получаетъ партія, когда она можетъ въ своей работѣ непосредственно опереться на организацію сотенъ тысячъ рабочихъ. До образованія Совѣта партія висѣла надъ революціоннымъ хаосомъ, чувства и настроенія котораго она только приблизительно отгадывала: послѣ образованія Совѣта, она оказалась лицомъ къ лицу съ организованнымъ представительствомъ класса. Совѣтъ не могъ стать конкурентомъ партіи; наоборотъ, онъ сдѣлался *аппаратомъ ея вліянія*. Не формально,

но по существу Съездъ былъ организаціей нашей партіи. Уже тотъ фактъ, что за Съездомъ стояли 200.000 рабочихъ, непосредственно ставилъ предъ нимъ, а значитъ и предъ партией, большія политическія задачи, вынуждая объ фракціи отбросить въ сторону ничтожныя соображенія внутрипартійной конкуренціи. Но массовая рабочая организація не только внутренне облагораживала партію, связывая ее съ массой не принципиальной лишь, но дѣйствительной, живой, непосредственной, реальной связью, — она, эта массовая организація, создавала для насъ, кромѣ того, возможность революціоннаго сотрудничества съ той частью социалистовъ-революціонеровъ, которая, работая въ рядахъ городского пролетаріата, перерождается, наперекоръ своимъ теоретическимъ предразсудкамъ, въ направленіи рабочаго социализма.

Вопросъ о всероссійскомъ рабочемъ съездѣ выдвинулся уже въ періодъ существованія Съѣзда. Для Петербургскаго Съѣзда съездъ былъ естественнымъ выходомъ изъ противорѣчиваго положенія мѣстной организаціи, которая силою вещей вынуждена была брать на себя центральныя функціи.

Я лично былъ и остаюсь горячимъ сторонникомъ идеи съѣзда. Тѣмъ не менѣе я считалъ бы крайне нежелательной переоцѣнку его возможнаго значенія, такъ какъ при извѣстныхъ условіяхъ, такая преувеличенная оцѣнка можетъ очень вредно отозваться на судьбѣ нашей партіи.

Прежде всего, — и съ этимъ, Вы, конечно согласитесь, — рабочий съездъ можетъ имѣть значеніе лишь, какъ съездъ открытый, гласный. Для того, чтобы съездомъ интересовалась масса, нужно, чтобы депутаты выбирались на открытыхъ рабочихъ собраніяхъ; нужно, чтобы съездъ открыто засѣдалъ въ столицѣ; нужно, чтобы открытая рабочая пресса распространяла свѣдѣнія о немъ во всѣхъ углахъ. Словомъ, необходимы тѣ условія, въ которыхъ существовалъ *первый* Съездъ Рабочихъ Депутатовъ. — Съездъ, организованный подпольно, засѣдающій въ Финляндіи или Швеціи, оновѣщающій о себѣ путемъ нелегальныхъ бюллетеней или чрезъ «хронику» буржуазной прессы, не можетъ имѣть для массъ *никакого значенія*. Въ этомъ организаторы съѣзда, безъ сомнѣнія, отдадутъ себѣ ясный отчетъ, такъ что на этомъ настаивать не приходится.

Съездъ станетъ возможенъ лишь на основѣ новаго революціоннаго подъема, который создастъ, несомнѣнно, на мѣстахъ массовыя рабочія организации, совѣты депутатовъ. Весьма возможно, что самый съездъ будетъ въ значительной мѣрѣ представителемъ этихъ совѣтовъ. На этихъ техническихъ деталяхъ я, однако, не буду останавливаться. Меня сейчасъ интересуетъ другой вопросъ: какова должна быть тактика нашей партіи по отношенію къ съезду?—можетъ быть, правильнѣе было бы сказать: каково должно быть отношеніе сторонниковъ съезда къ партіи?

Выше я уже упомянулъ о возможномъ преувеличеніи въ оцѣнкѣ ожидаемыхъ результатовъ съезда. Нѣкоторые товарищи — такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ передавали — смотрятъ на съездъ, какъ на панацею, которая должна «спасти» партію. «Если рабочій съездъ не поможетъ партіи, — говорятъ они, — тогда уже ничто ей не поможетъ». Что же это значитъ? спрашиваю я себя. Развѣ партіи грозитъ гибель? Отъ какой смертельной болѣзни ее нужно спасать? И какимъ образомъ ее можетъ «спасти» рабочій съездъ? Мы все такъ часто критиковали и во многихъ случаяхъ такъ несправедливо критиковали нашу партію, что не грѣхъ выступить на ея защиту. Гдѣ признаки «внутренней органической болѣзни», тѣмъ болѣе — «разложенія» партіи? Мнѣ укажутъ на борьбу двухъ фракцій. Я ни на минуту не думаю преуменьшать ущербъ, какой наноситъ партіи эта борьба, я никому не уступаю въ ненависти къ мелочной, завистливо-тупой и фантастической при всемъ своемъ «реализмѣ» политикѣ фракціонныхъ дѣлъ мастеровъ, которыхъ слишкомъ много на обѣихъ сторонахъ. Но — во имя марксизма! — съ какого это времени борьба фракцій является симптомомъ разложенія партіи? Обѣ наши фракціи опираются на пролетариатъ, — классъ, который не раскалывается, но сплачивается историческимъ развитиемъ. Обѣ наши фракціи субъективно стоятъ на почвѣ программы международной социалдемократіи. Логика классовой борьбы пролетариата — чѣмъ дальше, тѣмъ больше, — дѣлаетъ для нихъ эту программу объективной необходимостью. Если-бы мы могли установить, что обѣ фракціи, отрываясь другъ отъ друга, сдвигаются на разныя социальные слои, мы имѣли бы право сказать: партія разлагается. Но этого нѣтъ и въ по-

минѣ. На самомъ дѣлѣ обѣ фракціи, исходя изъ однихъ и тѣхъ же принципиальныхъ основаній, борятся за влияние на пролетариатъ. Революціонный характеръ эпохи придаетъ этой борьбѣ неравновѣрный, «взрывчатый» характеръ. При каждомъ новомъ поворотѣ революціи партія оказывается предъ двумя возможностями: либо раствориться въ революціонно-классовой стихіи, утративъ свою партійную индивидуальность; либо въ борьбѣ за организаціонно-партійное самосохраненіе порвать свою связь съ жизнедѣятельностью класса. Тѣ элементы партіи, которые прежде всего видятъ первую опасность, нерѣдко склоняются къ тактикѣ формально-революціоннаго ригоризма; они слишкомъ часто игнорируютъ тѣ живыя трудности и противорѣчія, черезъ которыя историческій процессъ ведетъ насъ къ конечной цѣли. Наоборотъ, тѣ элементы партіи, которые вдохновляются стремленіемъ избѣжать второй опасности, нерѣдко обнаруживаютъ склонность выдвигать промежуточные, «предварительные» лозунги, цѣль которыхъ во что бы то ни стало «вязать партію съ пролетарской массой, даже съ общенациональнымъ движеніемъ на каждой данной ступени ея развитія». Этотъ упрощенный методъ борьбы за влияние партіи при своемъ послѣдовательномъ развитіи ведетъ къ оппортунизму. Не нужно думать, что между формально-революціоннымъ ригоризмомъ и оппортунизмомъ лежитъ пропасть. Наоборотъ, они очень родственны между собою и легко переходятъ другъ въ друга. Мнѣ незачѣмъ напоминать, что анархизмъ и реформизмъ, крайнія выраженія тѣхъ же двухъ тенденцій на Западѣ, только дополняютъ другъ друга. Я называю анархизмъ и реформизмъ—слова, которыми пестритъ наша партійная полемика,—и я тутъ же спѣшу прибавить: но достаточно сравнить обѣ наши фракціи, не по ихъ случайнымъ словамъ, а по ихъ политическимъ дѣламъ, съ европейскимъ оппортунизмомъ и европейскимъ реформизмомъ, чтобъ увидѣть, какъ ничтожна въ сущности амплитуда нашихъ разногласій. Квалифицировать тактику той или другой фракціи нашей партіи, какъ анархизмъ или реформизмъ, значить, въ сущности, говорить: если-бъ вы были до конца послѣдовательны, если-бъ въ основу всей вашей тактики вы положили то, что составляетъ вашу ошибку, то вы пришли бы неизбежно къ анархизму (или реформизму).

Такой приём полемики вполне допустимъ въ цѣляхъ выясненія известной политической тенденціи. Но было бы чистѣйшимъ безуміемъ основывать на этомъ приёмѣ строительство (или разрушеніе) партіи. Нѣтъ, сколь бы ни были болѣзненны наши внутривидовые пренія, они ни въ коемъ случаѣ не служатъ симптомомъ разложенія партіи. И тѣмъ не менѣе,—могутъ мнѣ возразить,—партіей всѣ недовольны, партію бранятъ, противъ партіи брюзжатъ, изъ партіи бѣгутъ. Я не склоненъ преувеличивать этотъ фактъ, тѣмъ не менѣе я не стану отрицать его. Но я никоимъ образомъ не соглашусь въ этомъ фактѣ видѣть признакъ разложенія партіи. Дѣйствительная причина недовольства лежитъ, на мой взглядъ, *вне* свойствъ и качествъ партіи—въ условіяхъ самой революціи, въ чередованіи ея приливовъ и отливовъ. Революціонный характеръ эпохи не позволяетъ систематически работать надъ созданіемъ широкой и устойчивой *организационной* базы партіи. Въ періодъ подъема въ движеніе вовлекается огромная масса пролетаріата. Чтобы политически овладѣть ею, партія вынуждена прибѣгать къ посредству широкихъ беспартійныхъ организаций. Ближайшей натискъ реакціи разрушаетъ эти массовыя организации и загоняетъ партію въ подземелье. Активность массъ временно прекращается. Связи партіи съ массами разрушаются. Такое положеніе естественно рождаетъ недовольство. То, что является результатомъ соотношенія силъ реакціи и революціи, вмѣняется въ ошибку революціи и въ частности партіи. Больше всего это дѣлаютъ сами социалдемократы, столь привыкшіе къ самокритикѣ, не всегда осмысленной. Кромѣ того, неопредѣленное положеніе, которое создается заминкой революціи, естественно выдвигаетъ на первый планъ партійной жизни тактическія предложенія, предположенія и планы. Чѣмъ безпредметнѣе эти планы, тѣмъ ожесточеннѣе партійныя пренія. А это, въ свою очередь, усугубляетъ недовольство партіей и нападки на нее изнутри.—Эти нападки могутъ быть справедливы или несправедливы, но по существу дѣла нѣтъ и не можетъ быть такого организационнаго секрета, который избавилъ бы партію отъ трудностей и противорѣчій революціоннаго развитія. Ожидать въ этомъ отношеніи какого-нибудь спасительнаго средства со стороны съезда было бы наивнымъ утопизмомъ. Это

лучше всего доказывается тѣмъ, что самъ съѣздъ не можетъ быть организованъ въ періодъ относительнаго революціоннаго затишья, когда правительство натянуло возжи изъ послѣднихъ силъ.

Гдѣ-же все-таки признаки разложенія партіи? Политическое вліяніе ея на пролетаріатъ неизмѣнно растетъ. Достаточно сопоставить три этапа петербургскаго, а отчасти и всероссійскаго рабочаго движенія,—9-е января, комиссію Шидловскаго и Совѣтъ Депутатовъ,—чтобы колоссальный ростъ силы и вліянія партіи ударилъ въ глаза. Тѣ товарищи, которые предсказывали, что широкая масса рабочихъ уйдетъ отъ насъ къ демократамъ—къ студентамъ, къ Гапону, къ Союзу Союзовъ, къ... Прокоповичу и богъ вѣсть къ кому,—эти товарищи, проявлявшие величайшій оптимизмъ... за счетъ буржуазной демократіи, оказывались каждый разъ посрамленными. Роль партіи въ пролетаріатѣ росла по крайней мѣрѣ въ такой же прогрессіи, какъ роль пролетаріата въ революціи.

Мнѣ могутъ сказать, что это касается лишь *политическаго* вліянія партіи; нападки же на партію имѣютъ въ виду ея *организацию*. Выше я уже сказалъ, что революціонный характеръ эпохи, столь сильно увеличивающій наше политическое вліяніе, мѣшаетъ намъ въ то же время создать прочную, широкую партійную организацию. Я этимъ вовсе не хочу сказать, что наша организациа—лучшая, какую можно создать при данныхъ условіяхъ. Но я требую, чтобы при нападкахъ на партію не игнорировали всѣхъ перспективъ, чтобы не забывали, что именно эта якобы нигуда не годная организациа дала партіи возможность завоевать огромное вліяніе.

Васъ, уважаемый П. Б., можетъ удивить, почему я въ письмѣ къ Вамъ защищаю партію отъ некритическихъ обвиненій, и Вы можете спросить, какое отношеніе имѣетъ моя защита къ вопросу о рабочемъ съѣздѣ. Отвѣчу кратко: я боюсь, что при извѣстной постановкѣ дѣла рабочей съѣздъ, прежде чѣмъ онъ успѣетъ что-либо создать, будетъ способствовать разрушенію того, что есть.

Какъ ни велико можетъ быть значеніе съѣзда, онъ во всякомъ случаѣ не способенъ пересоздать нашу партію. Самое большее, онъ войдетъ новымъ благоприятнымъ эпизодомъ въ

сложный процесс ея роста и преобразования. Этот процесс имѣеть свою инерцію,—и съ нею нужно считаться. Партія слагается, съ одной стороны, по мѣрѣ того, какъ рабочая масса въ цѣломъ приобретаетъ навыки политической дѣятельности, и, съ другой, по мѣрѣ того, какъ сознательные элементы этой массы, выдѣляясь во все возрастающемъ числѣ изъ ея среды, кристаллизуются въ политическую организацію. Это сложный и долгій процессъ. Если противорѣчія партійнаго роста принимаютъ слишкомъ болѣзненный характеръ, то выходъ изъ нихъ все-же не можетъ быть найденъ внѣ расширенія и углубленія партійной работы въ ея цѣломъ. Никакде-отдѣльное «предпріятіе» не можетъ таить въ себѣ спасенія. Вотъ почему для моего уха дико звучитъ фраза: «Если рабочій съѣздъ не поможетъ партіи, то ей уже ничто не поможетъ»... А между тѣмъ такой поистинѣ чудовищный лозунгъ становится популярнымъ среди нѣкоторыхъ элементовъ партіи.

Для того, чтобы мои опасенія стали болѣе понятными, я долженъ отойти нѣсколько назадъ. Мое первое принципиальное разногласіе съ фракціей меньшинства возникло вскорѣ же послѣ 2-го съѣзда по вопросу о методахъ дальнѣйшаго формированія партіи. Нѣкоторые вліятельные меньшевики пришли къ тому заключенію, что выходъ изъ затрудненій и злключеній партійнаго развитія состоитъ въ томъ, чтобы черезъ голову «интеллигентской партіи» непосредственно апеллировать къ пролетариату. Я никогда не могъ понять, какимъ образомъ данная существующая партія или ея половина можетъ апеллировать къ пролетариату черезъ свою собственную голову. Это такъ же невозможно, какъ съѣсть къ себѣ на колѣни. Я никогда не могъ понять, какія могутъ быть другія средства апелляции къ неорганизованной массѣ, кромѣ вовлеченія ея въ сферу партійнаго руководства. А для такого руководства необходимъ тотъ аппаратъ, который имѣется. Руководить массой, «освободившись» отъ своей матеріальной организаціи, партія не имѣеть никакой возможности. На дѣлѣ организаціонное строительство у меньшевиковъ имѣло точь-въ-точь такой же характеръ, какъ и у большевиковъ. Оно опредѣлялось небольшимъ политическимъ опытомъ партіи, полунинтеллигентскимъ составомъ ея руководящихъ организаціи, общимъ уровнемъ пролетариата, темпомъ

В

политического развитія страны. Героическое средство, силою котораго классъ сразу ставился,—конечно, только въ умозрѣнн, — на мѣсто исторически сложившейся партіи, оказалось, разумеется, непримѣнимымъ.

Партія не можетъ перескакивать черезъ естественныя фазы своего развитія. Если помните, П. Б., я упорно, хотя не всегда успѣшно, настаивалъ на необходимости бороться противъ утопической тенденціи—какимъ-то кратчайшимъ путемъ, минуя этапы партійной эволюціи, овладѣть рабочимъ классомъ, я старался доказать, что эта тенденція очень мало поможетъ намъ связаться съ рабочей массой, но зато создастъ въ нашихъ собственныхъ рядахъ неуваженіе къ партіи, къ ея накопленному опыту, къ ея политической культурѣ.

Вѣдь въ этомъ варварскомъ неуваженіи къ завоеваніямъ и къ традиціямъ партіи состоялъ основной грѣхъ 2-го съѣзда. Онъ тоже хотѣлъ кратчайшимъ путемъ перейти отъ естественно сложившихся политическихъ группъ къ партіи. Онъ тоже апеллировалъ черезъ голову этихъ группъ къ еще не существовавшей партіи. Партія такимъ образомъ, конечно, не создалась, но кружки, концентрировавшіе въ себѣ идейный капиталъ социал-демократіи, оказались разрушены. Къ такому же результату мы придемъ, если, во имя рабочаго съѣзда, повернемся теперь спиною къ партіи.

Повернуться спиною къ партіи—это не мое выраженіе. Говорятъ, что нѣкоторые энтузіасты рабочаго съѣзда этими словами отвѣчаютъ на вопросъ: какъ быть, если партія, въ лицѣ своихъ двухъ фракцій, не придетъ къ единообразному рѣшенію относительно рабочаго съѣзда? Повернуться спиною къ партіи,— вотъ выходъ изъ противорѣчій партійнаго развитія. Если-бъ все дѣло состояло въ томъ, что кто-нибудь изъ социалдемократовъ усталъ отъ трудностей развитія своей партіи и хочетъ уйти изъ нея, оставалось бы только пожелать ему счастливаго пути. Но вопросъ гораздо серьезнѣе: повернуться спиною къ партіи—это условный лозунгъ дѣлаго теченія въ рядахъ «меньшинства», какъ прямое продолженіе прежняго плана: черезъ голову партіи апеллировать къ классу. *Въ широкомъ историческомъ* смыслѣ всякое новаторство въ партіи, всякая борьба противъ партійной колености и рутинѣ есть апелліція отъ пар-

ти къ классу: политическое развитіе путемъ сложныхъ противорѣчій отбираетъ тѣ методы, которые отвѣчаютъ интересамъ классового развитія. Но простое голосованіе класса въ каждый данный моментъ вовсе не рѣшаетъ вопроса объ этихъ методахъ.

Когда оцдился Совѣтъ, въ рядахъ партіи возникли двѣ формально-противоположныя точки зрѣнія на него. Одна требовала, чтобъ Совѣтъ призналъ программу партіи или упразднился. Другая настаивала на томъ, чтобъ «интеллигентская» партія отстранилась предъ Совѣтомъ, какъ подлиннымъ представительствомъ рабочаго класса. Я беру объ точки зрѣнія въ ихъ крайнемъ выраженіи. Дѣйствительное положеніе вещей не сложилось ни по одному изъ этихъ рецептовъ. Совѣтъ оставался безпартійнымъ, но партія въ его составѣ составляла самостоятельную силу, которой принадлежало руководство.

Совѣтъ былъ разрушенъ. Одновременно съ нимъ были разрушены открытыя демократическія организациі партіи. Но сама партія перенесла разгромъ и снова возстановилась—подъ своимъ классовымъ знаменемъ, со всеми своими сильными и слабыми сторонами, въ томъ числѣ—съ ожесточенными фракціонными конфликтами. На рабочемъ съѣздѣ партія въ лицѣ обѣихъ фракцій должна представлять собою единодушную группу, проводящую одни и тѣ же рѣшенія въ предѣлахъ партійной программы и партійныхъ резолюцій. Попытка вынести разногласія между меньшинствомъ и большинствомъ на рабочій съѣздъ была бы преступленіемъ. Вліяніе партіи чрезвычайно понизилось бы, и самый съѣздъ былъ бы парализованъ внутренней деморализаціей. Прежде чѣмъ выступать на рабочемъ съѣздѣ, *партія должна прийти къ обязательному для обѣихъ частей соглашенію*. Какъ бы компромиссна ни была тактика партіи на самомъ съѣздѣ, въ результатѣ такого соглашенія, она дастъ неизмѣримо лучше и больше плоды, чѣмъ междоусобная борьба двухъ фракцій за вліяніе на съѣздъ.

Нельзя вѣрнѣе скомпрометировать идею рабочаго съѣзда, какъ сдѣлавъ его предпріятіемъ одной фракціи. А мнѣ представляется, что дѣло это, можетъ быть, независимо отъ доброй воли его организаторовъ, складывается именно такимъ образомъ. Я знаю, что на это мое опасеніе организаторы съѣзда могутъ отвѣтить такъ: мы организуемъ рабочій съѣздъ, какъ рабочій

съѣздъ.—потому что онъ необходимъ въ политическихъ интересахъ рабочаго класса; никакимъ фракционнымъ соображеніямъ здѣсь нѣтъ мѣста; всякій, кто понимаетъ важность съѣзда, будетъ нашимъ желаннымъ сотрудникомъ; если въ партіи не найдется чувства ответственности, чтобы во имя такого большого дѣла отшвырнуть въ сторону все фракціонныя дрязги, тогда что-же? тогда дѣйствительно только и останется повернуться спиною къ партіи. Историческіе интересы рабочаго класса выше условныхъ интересовъ нашей партійной организаціи.

Этотъ отвѣтъ звучитъ убѣдительно, но это отвѣтъ чисто формальный. Прежде всего потому, что повернуться спиною къ партіи не такъ легко. Если-бъ лично Вы, П. Б., пришли къ выводу о необходимости уйти изъ стараго зданія и закладывать фундаментъ на новомъ мѣстѣ (а я не могу допустить этого относительно Васъ, ибо такой выводъ рѣзко противорѣчалъ бы Вашимъ общимъ представленіямъ о путяхъ и методахъ партійнаго развитія.—представленіямъ, которымъ мы все столь многимъ обязаны),—если-бъ, говорю я, Вы пришли къ такому выводу, логика фракціонной борьбы привела бы немедленно къ тому, что половина партіи подхватила бы Вашъ выводъ: *повернуться спиною къ партіи*. Лозунгъ, который Вы выдвинули бы противъ фракціонной свары, немедленно превратился бы во фракціонный лозунгъ. Повернуться спиною къ партіи означало бы на дѣлѣ повернуться спиною къ большевикамъ. «Апелляція къ рабочему классу» означала бы просто на просто пронаганду партійнаго раскола. Итти съ этимъ лозунгомъ на рабочій съѣздъ значить итти съ намѣреніемъ, хотя бы и несознаннымъ, расколоть его. И въ результатѣ новаго раскола оказалось бы, что ни одна изъ фракцій не овладѣла пролетариатомъ, что за обѣими стоятъ десятки тысячъ организованныхъ рабочихъ, что обѣ топчутся на одной и той же территории, что объемъ разногласій не позволяетъ, несмотря на все желаніе, повернуться другъ къ другу спиною. Неужели такъ трудно предвидѣть этотъ неизбежный результатъ?...—Что же дѣлать? Нужно непременно превратить рабочій съѣздъ изъ предпріятія фракціоннаго въ предпріятіе партійное. Должна быть создана *спеціальная партійная комиссія* изъ представителей обѣихъ фракцій для подготовки съѣзда. Одновременно

должна вестись подготовка къ *партийному съезду*, который долженъ предшествовать рабочему. *Партийный съездъ* долженъ выработать общеобязательную тактику по отношенію къ рабочему съезду. Всѣ члены партіи въ составѣ рабочаго съезда образуютъ социалдемократическую фракцію, которая единообразно выступаетъ по всѣмъ основнымъ вопросамъ.

Это мѣры техническія, которыя могутъ быть, разумеется, изменены такъ или иначе, но цѣль которыхъ—сдѣлать рабочий съездъ действительно партийнымъ дѣломъ—должна остаться неизменной. Помимо всего и прежде всего долженъ быть измененъ самый тонъ агитаціи по поводу съезда. Чѣмъ больше мы будемъ противопоставлять его партіи, какъ апелляціонную инстанцію, тѣмъ меньше онъ окажется способенъ сыграть эту роль. Чѣмъ меньше мы будемъ прямо и непосредственно заниматься организацией внутривнутрипартийной революціи, тѣмъ легче и безболѣзненно она совершится. Подъ непріятельскимъ огнемъ не занимаются рискованной реорганизацией арміи. Нельзя мѣнять лошадей, говоритъ американская поговорка, когда переѣзжаешь черезъ быстрый потокъ.

Дорогой П. Б.! Несмотря на то, что почти вся партія, по крайней мѣрѣ, формально, раздѣлена между двумя фракціями, я же лично не вхожу ни въ одну изъ нихъ, я былъ и остаюсь неискрашиваемымъ оптимистомъ и патриотомъ партіи. Я питаю большое довѣріе къ объективной логикѣ революціоннаго развитія,—только бы обѣ половины партіи не становились попережь его пути со своей субъективно-фракціонной логикой. Раскола я боюсь въ настоящій моментъ гораздо больше, чѣмъ оппортунизма или формальнаго революціонизма. «*Повернуться спиною къ партіи*», этотъ лозунгъ кажется мнѣ гораздо болѣе вреднымъ, чѣмъ десятки «якобинскихъ» или «оппортунистическихъ» фразъ. *Единство партіи ни основъ фактически складывающегося единства классовой борьбы,—единство во что бы то ни стало!* «На этомъ я стою, иначе я не могу»... Я глубоко убѣжденъ, что въ отвѣтъ на призывъ какой-нибудь группы экспериментаторовъ повернуться спиною къ партіи, огромное большинство ея членовъ изъ обѣихъ фракцій сплотится вокругъ знамени съ надписью:

„*Да здравствуетъ Партія!*“

И я твердо увѣренъ, что рука нашего учителя П. Б. Аксельрода первая протянется къ этому знамени.

Всецѣло преданный Вамъ *Н. Троцкий*.

12 сентября, 1906 г.

II. Письмо тов. Ю. Ларину.

Уважаемый товарищ! Прежде, чѣмъ я имѣлъ возможность ознакомиться съ Вашей брошюрой «Широкая рабочая партія и рабочій съѣздъ», *) до меня дошли отзывы о ней, которые я никоимъ образомъ не могу назвать благоприятными. Мнѣ передавали, что, несмотря на посвященіе Вами вашей брошюры С.-Д. Партіи—«съ любовью и преданностью»,—Вы на самомъ дѣлѣ судите партію судомъ Лянча и общаете посредствомъ рабочаго съѣзда создать взамѣнъ ея какую-то колоссальную организацію рабочихъ массъ. Говорили, что Ваша предварительная партійная смѣта вмѣщаетъ миллионъ человекъ, причемъ Вы требуете только, чтобъ была снята «вывѣска» той самой Російской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи, которой Вы такъ почтительно посвящаете вашу книжку. Дантоновскій эпиграфъ, который Вы предпослали изложенію — «смѣлость, смѣлость и смѣлость!» — отнюдь не увеличилъ моего довѣрія къ Вашей работѣ, ибо у меня уже было достаточно основаній полагать, что «смѣлость» Ваша устремляется главнымъ образомъ противъ нашей партіи,—само собою разумѣется, во имя новой партіи, преимущества которой совершенно неопредѣлимы, но которую Вы только еще намѣреваетесь создать. Очевидно, этому Вашему намѣренію отвѣчаетъ другой взятый Вами эпиграфъ: «каждый шагъ дѣйствительнаго движенія важнѣ дюжины программъ». Итакъ, заключая я, тов. Ларинъ присоединяетъ, по видимому, къ старой дюжинѣ—тринадцатую программу «дѣйствительнаго шага».

*) Изд. «Новый Міръ». Москва, 1906.

За всё́мъ тѣмъ я долженъ сказать, что книжка Ваша оправдала мои дурныя предчувствія лишь отчасти. Болѣе того,— она представляетъ на мой взглядъ, несомнѣнный интересъ. Вашъ анализъ революціоннаго развитія страны и политическаго формировапія партіи даетъ много мѣткихъ и поучительныхъ отдѣльныхъ замѣчаній; Вашъ здоровый революціонный оптимизмъ опирается на большой запасъ довѣрія къ объективному развитію, и лично мнѣ гораздо болѣе симпатиченъ, тѣмъ безпредметныя жалобы нѣкоторыхъ товарищей, заунывныя, какъ погребальная пѣсня эскимоса. И тѣмъ не менѣе *Ваши тактическіе выводы*,—особенно въ той части, которая относится къ «созданію» массовой партіи,—*никуда не годятся*. На этихъ выводахъ я остановлюсь подробнѣе, воспользовавшись тѣмъ, что у Васъ хватило, съ одной стороны, «смѣлости» развить до конца нѣкоторые типическіе предрасудки, а съ другой — умѣнія связать эти предрасудки съ довольно реалистической оцѣнкой состоянія партіи.

Прежде всего я совершенно согласенъ съ Вами, что называть въ настоящее время нашу партію «интеллигентской» значитъ просто говорить неправду. Можно жаловаться на то, что рабочіе еще не успѣли выдвинуть серьезнаго штаба вождей изъ собственной среды, вслѣдствіе чего въ руководящихъ организаціяхъ преобладаютъ интеллигенты; можно жаловаться на то, что эти руководящія организаціи условіями подполья оторваны отъ широкихъ пролетарскихъ *соціалдемократическихъ* слоевъ, составляющихъ реальное тѣло партіи; но утверждать будто русская соціалдемократія — это интеллигентская организація, оторванная отъ стихійныхъ рабочихъ массъ, значитъ съ большимъ запозданіемъ повторять то, что было *до известной степени* справедливо ко времени втораго съѣзда (1903 г.).

Большое количество у насъ соціалдемократической интеллигенціи объясняется общими соціально политическими причинами и прежде всего—огромной революціонной ролью пролетаріата въ нашей запоздалой буржуазной революціи. Руководящая роль интеллигенціи въ партіи и въ рабочемъ движеніи вообще объясняется, съ одной стороны, тѣми соціальными преимуществами, которыми владѣетъ интеллигенція (образованіе, досугъ), съ другой—политической молодостью русскаго проле-

таріата. Этотъ фактъ не можетъ быть устраненъ какимъ-нибудь искусственнымъ приемомъ, онъ долженъ быть исторически изжитъ. И ничто такъ не способствуетъ этому процессу, какъ большое количество социалистической интеллигенціи. Среди нѣкоторой части социалдемократовъ, почти исключительно интеллигентовъ, развилась привычка изображать наши партійныя отношенія «по Дюрингу»: пришелъ вооруженный интеллигентъ и подчинилъ себя безоружнаго пролетарія. Выводъ отсюда такой: пора намъ посторониться и дать мѣсто самодѣятельности рабочимъ. «Лучше организованная масса безъ социалдемократіи, — пишетъ одинъ товарищъ, — чѣмъ социалдемократія безъ массы» *). Само собою разумѣется, что наше самоотстраненіе понизило бы только культурно-политическій уровень рабочаго движенія и несколько не увеличило бы самодѣятельности и организованности массъ. Многочисленные кадры интеллигентныхъ социалистическихъ инструкторовъ — это колоссальный плюсъ въ дѣлѣ развитія политической самостоятельности пролетаріата. Странно даже настаивать на этомъ, но почти дантоновская «смѣлость» нѣкоторыхъ товарищей въ критикѣ партіи и ея отношенія къ классу доходить до нарушенія всякихъ историческихъ перспективъ. Разсуждаютъ совершенно внѣ времени и внѣ пространства. Разсуждаютъ такъ, будто имѣютъ подмышкой готовое классовое движеніе со столь же отчетливыми лозунгами, какъ сейчасъ, но руководимое исключительно рабочими вождами. Философствуютъ такъ, точно партія — не живой процессъ, а теоретическая спекуляція, которой можно противопоставить другую, болѣе совершенную теоретическую спекуляцію...

Выходъ изъ партійнаго кризиса Вы видите въ рабочемъ съѣздѣ. Но, въ отличіе отъ многихъ горячихъ сторонниковъ этой идеи, Вы придаете ей вполне законченный и отчетливый видъ. Для Васъ конгрессъ пролетаріата всей страны не просто внушительная политическая демонстрація и даже не временный рабочій парламентъ, выносящій рѣшенія по очереднымъ

*) В. А. Щегло. «О рабочемъ съѣздѣ». СПБ. 1906, стр. 14.

вопросамъ классовой политики, для Васъ—это *учредительный съездъ широкой рабочей партіи*. Въ полномъ согласіи съ этой цѣлью Вы достаточно точно очерчиваете тотъ кругъ пролетаріата, который долженъ быть представленъ на съѣздѣ. Вы ставите съѣзду цѣль—охватить передовые активные элементы рабочаго класса, представляюще собою вмѣстѣ съ тѣмъ организационныя единицы сколько-нибудь замѣтной величины. Подъ это опредѣленіе, пишете Вы, одинаково подойдутъ всѣ мѣстныя политическія организаци рабочаго класса всѣхъ социалистическихъ партій, достигающія тысячи человѣкъ, всѣ профессиональные союзы съ неменьшимъ числомъ членовъ, центральныя учрежденія социалистическихъ партій, которыя могутъ представлять собою всѣ меньшія организаци каждой партіи, мѣстныя центральныя бюро профессиональныхъ союзовъ, которыя представляли бы собою мелкіе профессиональные союзы и, наконецъ, крупныя заводы съ 2—3 тысячами рабочихъ и выше, такъ какъ каждый изъ нихъ представляетъ собою нѣчто цѣльное и сплоченное. Таковъ Вашъ планъ. Существующія социалистическія фракціи не могутъ, по Вашему мнѣнію, ни охватить широкой слой политически-активныхъ, но неорганизованныхъ рабочихъ, ни закрѣпить свою связь съ профессиональными союзамъ, ибо революціонная рабочая масса, удовлетворяющаяся признаніемъ принципа классовой борьбы, относится весьма безразлично не только къ распрямъ большевиковъ съ меньшевиками, но и къ разногласіямъ между социалдемократіей и с.-р. Для организационно-политическаго сплоченія всей этой массы необходима, по Вашимъ словамъ, такъ сказать «безпартійная партія»—Ваше собственное выраженіе! Вы затрудняетесь предопредѣлить организацию учрежденной на съѣздѣ беспартійной партіи, но на мѣстахъ Вы представляете себѣ «слияніе всѣхъ политическихъ организациіи каждого города и представительство крупныхъ заводовъ въ мѣстныхъ центральныхъ бюро, причемъ всѣ партійныя комитеты составлялись бы изъ представителей и профессиональной и политической организациіи*»). Такъ какъ каждый шагъ дѣйствительнаго движенія важнѣе дюжины программъ, то вопросъ о программѣ будущей

*) «Шир. раб. партія», стр. 52—53.

партіи, повидимому, не причиняетъ Вамъ безсонныхъ ночей. Вы представляете себѣ достаточно широкую программу, которая исчерпывалась бы признаніемъ социализма, какъ конечной цѣли, и классовой борьбы, какъ пути; конечно, и классовая борьба должна быть сформулирована достаточно широко, чтобы ее могли вмѣстить с.-р. (NB. Извѣстно, что с.-р., наперекоръ общимъ представленіямъ объ емкости тѣла, вмѣщаютъ только «широкія» вещи и совершенно не вмѣщаютъ узкихъ».) Вы отговариваетесь, что не имѣете въ виду организовать такимъ образомъ весь рабочій классъ. Нѣтъ, если вся девятимилліонная масса,—пишете Вы,—можетъ чувствовать острую потребность въ классовой парламентѣ лишь въ особые моменты, то «кругъ передовыхъ активныхъ элементовъ—900 тысячъ—уже сейчасъ можетъ быть прочно сплоченъ въ классовую лабораторію, въ политическую партію европейскаго типа».) Девятьсотъ тысячъ человѣкъ! Превосходная цифра! Она почти равняется суммѣ русской и японской армій подъ Мукденомъ. Вотъ что намъ долженъ дать рабочій съѣздъ!

Итакъ, профессиональные союзы, передовые заводы и фабрики, организаціи социалдемократовъ, организаціи социалистовъ-революціонеровъ, организаціи безпартійныхъ—все соединяется въ одинъ гигантскій хороводъ «рабочей партіи».—Но точно ли это будетъ политическій хороводъ? Получите ли Вы дѣйствительно партію, хотя бы и «безпартійную»? Не будетъ ли это просто, такъ сказать, скопище мало чѣмъ связанныхъ группъ и индивидовъ?—«скопище», впрочемъ, не слишкомъ замѣтно на пространствѣ въ 5 милліоновъ квадратныхъ километровъ. На чемъ основана увѣренность, что такое хаотическое образование не распадется немедленно послѣ рабочаго съѣзда, а дѣйствительно преобразуется въ самостоятельную партію пролетаріата? Есть ли необходимость—и почему именно теперь?—*фиксировать* политическій уровень передового рабочаго милліона? Будетъ ли эта широкая база достаточно устойчивой для того, чтобы опереть на нее планомѣрно развивающуюся партію? Не затормозимъ ли мы дѣйствительное формированіе социалдемократической партіи, программно и организаціонно закрѣпивъ по-

*) «Шир. раб. партія», стр. 49.

литическую примитивность широких масс? Не свяжемъ ли мы инициативу дѣйствительно-соціалистическихъ элементовъ, поставивъ ихъ въ организаціонную зависимость отъ элементовъ отсталыхъ? Я не говорю, что эти вопросы заранѣе убиваютъ Вашу идею. Но они во всякомъ случаѣ естественны въ устахъ каждаго члена социалдемократіи. И они требуютъ отвѣта, очень убѣдительнаго отвѣта, который разрушилъ бы всѣ сомнѣнія и позволилъ бы социалдемократіи спокойно утопиться въ миллионной рабочей партіи. Вы отвѣчаете на всѣ эти основные вопросы оптомъ и весьма кратко, причемъ отвѣтъ вашъ такъ характеренъ, что я приведу его дословно. «*Пути исторіи*, — пишете Вы, — ведутъ русскій пролетаріатъ на дорогу широкаго здороваго социалдемократизма, и образованіе широкой партіи, которую условия и опытъ заставляютъ быть и дѣлаться все больше социалдемократической въ цѣломъ, по духу и поведенію, лежить на этомъ пути. Ничего бояться, — ободряете Вы насъ, — что если вы теперь снимете выѣску и широко пустите въ партію подлинныя дѣйствительныя силы рабочаго класса, — нечего бояться, что они (онѣ) тогда принизятъ движеніе или совлекутъ его съ вѣрнаго классового пути. Вѣдь рѣчь идетъ объ авангардѣ, о цвѣтѣ рабочаго класса, — на что же намъ, социалдемократамъ, еще надѣяться, какой расписки еще требовать у судьбы, кромѣ *гарантіи неизбѣжнаго хода вещей* *). Вся суть Вашего мышленія сосредоточена въ этихъ строкахъ: марксистскій объективизмъ Вы замѣнили какимъ-то абстрактнымъ соціально-революционнымъ фатализмомъ. Вы надѣетесь на «пути исторіи» и на «объективный ходъ вещей». Но что Вы собственно называете «путями исторіи»? Объективный ходъ вещей ведетъ капиталистическія страны къ социализму, а социализмъ въ качествѣ своей политической предпосылки требуетъ самостоятельной партіи пролетаріата, какъ класса, способнаго взять въ руки власть. Нѣтъ сомнѣнія, что такая партія сложится *въ конечномъ счетѣ* и у насъ. Но *какъ* она сложится? Что именно мы должны для этого сдѣлать сейчасъ? Какъ облегчить процессъ сплоченія великой партіи будущаго? На эти конкретные вопросы голая апелляція къ «путямъ исто-

*) «Широкая раб. партія», стр. 20—21, курс. мой.

ри» совершенно не отвѣчаетъ. Конечно, какъ-бы значительны ни были наши ошибки, какими бы фактическими планами мы временно не задавались,—въ концѣ концовъ мы придемъ къ правильной тактикѣ классовой партіи. Но это вовсе не дѣлаетъ лишней работу партійной мысли надъ устраненіемъ ошибокъ и ложныхъ шаговъ. Я думаю, что моя мысль слишкомъ ясна, чтобъ стоило подробно развивать ее. Всѣ «пути исторіи» ведутъ въ Римъ социализма, но есть пути болѣе короткіе и болѣе длинныя; человѣку же данъ разумъ, чтобы выбирать. Вы же—кальвинистъ марксизма: пути исторіи—для Васъ пути провидѣнія, причѣмъ, какъ и всякій фаталистъ, Вы увѣрены, что провидѣніе указываетъ каждый разъ тотъ именно путь, какой избираете Вы. Нѣтъ болѣе высокоумнаго субъективизма, чѣмъ фатализмъ!

Это, впрочемъ, не ваша индивидуальная особенность. Хотя Вы и отмежевываетесь тщательно отъ массы русскихъ социалдемократовъ, противопоставляя имъ Плеханова и Аксельрода, какъ европейцевъ—варварамъ, тѣмъ не менѣе — такова сила некультурной среды!—Вы, европеецъ, раздѣляете со многими изъ русскихъ товарищей самое «азиатское» качество: фатализмъ. Эту нашу черту замѣтила и отмѣтила т. Роза Люксембургъ. Въ предисловіи къ русскому изданію своей брошюры о всеобщей стачкѣ, она говоритъ: «русскіе товарищи въ своемъ безграничномъ упованіи на «историческій процессъ» и его благія намѣренія по отношенію къ социалдемократіи доходятъ до такихъ результатовъ, какіе въ Германіи были бы совершенно невысказанными и непонятными для любого социалдемократа *)».

Оптимистическій фатализмъ есть отраженіе условій революціонной эпохи. Съ нимъ можно еще мириться, какъ съ настроеніемъ; съ этой чисто-психологической стороны онъ, какъ и уже сказалъ, мнѣ лично гораздо симпатичнѣе той привившейся среди нѣкоторыхъ элементовъ партіи «самокритики», психологія которой подчасъ такъ живо напоминаетъ блаженной памяти интеллигента, вѣчно занимающагося «самоусовершенствованіемъ» безъ всякихъ, впрочемъ, результатовъ. Но настроеніе, хотя бы и симпатичное, нельзя полагать въ основу тактики,—Вы

*) «Всеобщая забастовка и нѣмецкая с.-д.», Кіевъ, стр. XIV.

сами это слишком часто повторите на протяжении всей Вашей брошюры... Задача совсѣмъ не въ томъ, чтобы на слѣхъ построить огромный балаганъ изъ досокъ и веревокъ, а также лоскутовъ, вырванныхъ изъ знаменъ нашей партіи. Такое сооруженіе, несмотря на свои щели и прорѣхи, въ теченіе всей революціи будетъ собирать въ своихъ стѣнахъ много народа; это несомнѣнно.—Ну, а при ликвидаціи революціи? Не боитесь ли вы, что съ нашимъ сооруженіемъ произойдетъ, то же, что съ балаганами при окончаніи ярмарки: зданіе опустѣетъ и пойдетъ на сломъ. И намъ съ Вами, уважаемый товарищъ, придется собирать лоскуты нашихъ старыхъ знаменъ, сшивать ихъ и водружать на революціонномъ пенелищѣ...

Вы, конечно, знаете, что я не пессимистъ. О, нѣтъ! Не даромъ же столько критическихъ воробьевъ чирикало на крышахъ о моемъ безнадежномъ утопизмѣ. Я считаю, что побѣдоносное развитіе русской революціи, въ силу внутренняго строенія націи, ведетъ насъ къ рабочему правительству, опирающемуся черезъ пролетаріатъ на народныя массы; и если рабочее правительство самымъ фактомъ своего существованія и всѣми тѣми силами, которыми она будетъ располагать, толкнетъ передовыя страны Европы на путь социалистической революціи, то это крайне сократитъ этапы политическаго развитія русскаго пролетаріата и упроститъ его социальную-революціонную борьбу *). Если-бы рабочее правительство было для меня абстрактнымъ лозунгомъ, который я старался бы навязать движенію; если-бы перманентная революція была для меня отвлеченной идеей, которую я старался бы предположить нашей тактикѣ; словомъ, если-бы я дѣйствительно былъ метафизикомъ-утопистомъ, какимъ меня хотятъ ославить вышеозначенные воробьи, — тогда я обѣими руками ухватился бы за Вашу идею широкой рабочей партіи. Ибо рабочее правительство несомнѣнно должно будетъ опираться на широкіе политическіе клубы пролетаріата, которые въ своей совокупности дадутъ рѣзко выраженную классовую организацію, на первыхъ порахъ безъ опредѣленной партійной программы. Но и

*) См. статью «Итоги и перспективы» въ сборникѣ «Наша революція», изд. Н. Глаголева.

«окраска» скоро придет при условии социалистической революции на Запад. В таких обстоятельствах роль российской социалдемократии, той «узкой» партии, к которой мы с Вами принадлежим, будет совершенно незначительна, и у нас не будет оснований опасаться последствий ее растворения в широкой организации класса. Вы, насколько я могу понять, совершенно отрицаете возможность такой перспективы. Я же считаю ее весьма вероятной, — неизмеримо более вероятной, чем перспектива коалиционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства («большинство») или буржуазно-демократической диктатуры с пролетариатом в оппозиции («меньшинство»). Если при всех этих существенных разногласиях я считаю вполне возможной работу рука об руку с меньшевиками и с большевиками, — в чем Вы теперь со мною совершенно сходитесь, — так это потому, что нашу сегодняшнюю тактику мы должны выводить из сегодняшних отношений, а не из более или менее вероятного прогноза дальнейшего хода исторических событий. По мере того, как эти события будут на нас надвигаться, они будут стирать разногласия, основанные на переоценке одних сил и недооценке других. Но наша тактика должна быть построена так, чтобы она обеспечила за нами максимум сил при всяких условиях. А они могут сложиться даже и так, что в построенной нами огромной партии нам с Вами не окажется места.

В самом деле: возьмем сравнительно благоприятную перспективу, вытекающую из точки зрения тех меньшевиков, которые полагают, что наша революция не будет по своим плодам простым воспроизведением 48-го года. Буржуазная революция развивается «до конца». У власти — революционная мелкобуржуазная демократия. Происходит полная ликвидация социального варварства и политической азиатчины. Широкая аграрная реформа чрезвычайно увеличивает емкость внутреннего рынка. Застоявшиеся производительные силы страны развиваются лихорадочным темпом. Каково при таких условиях будет настроение пролетариата? Быстрый рост капиталистического производства толкнет его на путь профессиональных организаций и экономических завоеваний. Успешная борьба на этом пути в атмосфере общенационального

✓ подъема сдѣлаетъ широкіе круги квалифицированныхъ рабочихъ скляонными къ либерально-демократической идеологии. Оппортунисты, которые теперь сидятъ по щелямъ и угрюмо сосутъ лапти собственнаго «критическаго» плетенія, выльзутъ на свѣтъ божій и найдутъ свою аудиторію въ рабочихъ рядахъ. При такихъ условіяхъ «широкая рабочая партія» можетъ оказаться избирательнымъ аппаратомъ стоящей у власти буржуазной демократіи. Вы мнѣ отвѣтите, что эта картина вѣсь нисколько не пугаетъ, ибо, какъ опьяненіе кончается состояньемъ похмѣлья, такъ и расцвѣтъ капитализма приводитъ къ промышленному кризису, — слѣдовательно, къ обостренію классовой борьбы и разрушенію національно-демократической идеологии. О, несомнѣнно! *Въ концѣ концовъ*, пролетаріатъ найдетъ себя. Но вѣдь это утѣшеніе чисто формальное. Реальная задача, которую мы себѣ ставимъ, — помочь пролетаріату прийти къ самопознанію *кратчайшимъ путемъ*. И я думаю, что въ обстановкѣ, охарактеризованной выше, мы поймемъ, какую огромную ошибку мы сдѣлали, растворивъ социалистическую организацію въ широкой массѣ. Намъ ничего не останется какъ снова собирать единомышленниковъ въ «узкую» партійную организацію, если, разумѣется, мы сами, при отсутствіи идейно-партійной связи, не растеряемъ нашихъ социалистическихъ убѣжденій.

«Когда волны революціоннаго потопа опадутъ, — говоритъ Роза Люксембургъ въ уже цитированномъ мною предисловіи, — и выступать наружу неприглядныя скалистыя очертанія «нормальнаго» классоваго господства буржуазныхъ классовъ, тогда и въ Россіи «историческій процессъ» перестанетъ подносить социалдемократіи готовые плоды, и у нея въ результатъ окажется *приобрѣтеннымъ лишь столько силы и вліянія, сколько она сумѣла закрыть за собой въ революціонную эпоху сознательнымъ и открытымъ воздействиемъ на рабочую борьбу*» *).

Этого мы не должны забывать, какъ бы мы себѣ ни представляли дальнѣйшій ходъ революціи.

*) Р. Люксембургъ. «Всеобщ. забастовка и нѣмецкая с.-д.», стр. XV.

Вамъ кажется, что широкая рабочая партія не только включить въ свой составъ многочисленный слой безпартійныхъ рабочихъ и профессиональные союзы, но и ассимилируетъ враждующія нынѣ социалистическія фракціи. Но представляете ли Вы себѣ сколько-нибудь реально, въ чемъ выразится эта ассимиляція и что именно представить изъ себя новая партія на другой день послѣ сѣзда? Надъ этимъ стоить подумать.

Разумѣется, никакой рабочей сѣзду не отучить насъ съ Вами отъ марксизма, не такъ-ли? Недаромъ же Вы сообщаете въ цѣляхъ своей реабилитаціи, что уже написали двѣ брошюры противъ с.-р. и общаете написать третью. Я даже думаю, что третью вы именно начнете писать послѣ сѣзда, подъ влияніемъ непосредственнаго общенія съ новыми товарищами по партіи. Разумѣется с.-р. не останутся въ долгу. Какъ та, такъ и другая партія, стремясь къ самосохраненію внутри «безпартійной партіи», будутъ со всею ревностью поддерживать внутреннюю, фракціонную связь и дисциплину — какъ всегда, за счетъ общепартійной. Открытое образование массовой партіи мыслимо лишь при относительной политической свободѣ, слѣдовательно, въ то время у насъ снова будетъ богатая социалистическая пресса; неизбежная фракціонная полемика будетъ идти по всей линіи. Агитаторы—с.-р. и агитаторы—с.-д. попрежнему будутъ бороться за влияние на безпартійныхъ членовъ «партіи». А фракціонная борьба внутри социалдемократіи? Можетъ быть, она потеряетъ свою остроту? На чѣмъ основаны такія ожиданія? Вотъ Вы лично для того, очевидно, чтобъ показать, какъ нетрудно объединиться съ с.-р.-ами, называете Чернова товарищемъ (т.). Я лично ничего противъ этого не могу возразить. Но жаль, что въ той же самой брошюрѣ Вы называете «большевика» Лидина, дѣйствительно безнадежнаго въ своемъ фракціонномъ консерватизмѣ докринара, не товарищемъ (т.), а господиномъ (г.). Можетъ быть, это, впрочемъ, опечатка? Можетъ быть, можетъ быть... Но какая провиденціальная опечатка! Я боюсь, что кор-

ректоры будущей широкой партіи превратить эту опечатку въ норму.

Фракціонная борьба останется со всѣми своими тяжелыми послѣдствіями. И это въ сущности счастье: ибо какъ-никакъ фракціи представляютъ собою органическія образованія, тогда какъ внезапно учрежденная партія въ миллионъ головъ будетъ совершенно механическимъ соединеніемъ группъ и лицъ. Такимъ образомъ,—я вношу поправку къ сказанному выше,—если мы не придемъ къ печальной необходимости начинать сначала, такъ это только потому, что Ваша массовая партія все оставитъ по-прежнему; она будетъ почти такъ же бессильна на зло, какъ и на добро.

Надѣяться, что рабочій парламентъ, созданный не для временнаго руководства текущей практической борьбой класса, а для выработки общихъ нормъ политическаго поведения, сможетъ регулировать борьбу фракцій и партій, значить витать въ царствѣ фикцій.

Вы спросите т. Череванина,—онъ вамъ ясно и точно скажетъ, чего ему въ этомъ отношеніи нужно отъ съѣзда.

«Разъ партія бессильна дѣйствовать въ пролетаріатѣ, какъ единое цѣлое, и въ то же время бессильна расколется на самостоятельныя части,—это отвѣтъ Череванина, — *апелляція ко всему пролетаріату въ лицѣ рабочаго съѣзда становится единственнымъ выходомъ*».

«Масса рабочихъ,—жалуется Череванинъ,—имѣть чрезвычайно смутное представленіе не только о разногласіяхъ, раздѣляющихъ нашу партію, но и о разногласіяхъ раздѣляющихъ социалдемократовъ отъ эсеровъ».

«Не тушить наши разногласія на рабочемъ съѣздѣ мы должны, какъ предлагаютъ намъ нѣкоторые,—заявляетъ Череванинъ,—а, напротивъ, *развернуть ихъ посредствомъ съѣзда передъ широкой массой*» *).

Вы видите, какъ обстоитъ дѣло? Оказывается, что реальная политическая жизнь, вовлекшая въ свой водоворотъ рабочія массы, не предъявляла до сихъ поръ большого спроса на наши

*) «Политическое положеніе и тактическія проблемы». Москва, 1906, стр. 153 и сл.

фракціонныя разногласія, а такъ какъ извѣстно, что не разногласія существуютъ для жизни, а жизнь должна служить матеріаломъ для разногласій, то естественно, что мы должны воспользоваться рабочимъ съѣздомъ, чтобъ развернуть наши фракціонныя достоинства въ ихъ полномъ объемѣ. Вы, можетъ быть, спросите, товарищъ, окажется ли съѣздъ, отражающій уровень пролетаріата въ данный моментъ, сколько-нибудь воспримчивымъ къ тѣмъ фракціоннымъ качествамъ, которыя до сихъ поръ такъ мало ассимилировались сознаниемъ массы въ процессѣ всей ея политической практики? О, пустяки! Если на съѣздѣ хорошенько поработать локтями и колѣнями, то можно будетъ, наконецъ, вдавить въ сознание рабочихъ депутатовъ представленіе объ «истинной», «последовательной» и «выдержанной» социалдемократіи. Разумѣется, при одномъ условіи: если съѣздъ, который соберется во имя политическихъ задачъ, не разбѣжится задолго до окончанія нашего фракціоннаго самоопредѣленія или—что гораздо вѣроятнѣе—не выброситъ за дверь десятокъ фракціонныхъ маніаковъ.

Вы, конечно, совершенно не раздѣляете плановъ Череванина и, можетъ быть, съ нѣкоторымъ сочувствіемъ читаете эти строки. Вамъ, вѣроятно, даже кажется, что Вы съ Вашимъ Левиафаномъ «широкой рабочей партіи» отличаетесь отъ фракціонниста-раскольника Череванина, какъ небо отъ земли. Но истинно говорю Вамъ: Вы гораздо ближе къ вашему антиподу, тѣмъ предполагаете. Васъ тѣсно объединяетъ совершенно *не-марксистское* представленіе о путяхъ партійнаго развитія. Сложная внутренняя механика этого процесса вамъ обоимъ совершенно чужда.

Я понимаю, что говорю дерзость,—особенно по отношенію къ т. Череванину, который считаетъ себя принадлежащимъ къ небольшой, но избранной «*кучкѣ* интеллигентовъ и рабочихъ, усвоившихъ себѣ правильную социалдемократическую тактику» *). Но тѣмъ не менѣе я стою на своемъ. Сужденія Череванина насквозь пропитаны рационализмомъ. Онъ, повидимому, никогда не цѣловалъ въ уста прекрасную фею діалектическаго мышленія.

*) «Полит. полож. и такт. проблемы», стр. 154.

Для Череванина «правильная социалдемократическая тактика» это совокупность нѣсколькихъ принциповъ, усвоенныхъ «кучкой интеллигентовъ и рабочихъ».

Когда же онъ становится лицомъ къ лицу съ тѣмъ реальнымъ процессомъ, который, путемъ цѣлаго ряда притворѣній, превращаетъ принципы въ живую тактику, онъ оказывается совершенно терроризованнымъ; онъ видитъ только путаницу, ошибки, уклоненія,—и совершенно не замѣчаетъ реального остова, на которомъ эти ошибки вырастаютъ,—именно формирующейся партіи. И испуганный муками претворенія слова въ дѣло, онъ призываетъ кучку избранныхъ покинуть это зачумленное мѣсто и демонстрировать подлинныя, настоящие принципы предъ дѣйственнымъ сознаниемъ широкихъ въпартійныхъ рабочихъ круговъ. Онъ не понимаетъ одного: какъ только его принципы будутъ усвоены, выступятъ наружу всѣ тѣ противорѣчія, отъ которыхъ онъ собирается бѣжать. Поистинѣ трагедія: вѣдь это борьба духа съ своею собственною плотью!

Но, дорогой товарищъ, и Вы нисколько не лучше. Ваше безуміе только болѣе красиво. Череванинъ надѣется, что полемическая дискуссія на рабочемъ съѣздѣ дастъ побѣду правильнымъ принципамъ. Вы надѣетесь не на удачно сформулированные принципы и не на фракціонную полемику на рабочемъ съѣздѣ, а на «объективный ходъ вещей». Но вы тоже поворачиваетесь спиною къ тому живому политическому достоянію, которое у насъ есть: къ нашимъ фракціямъ, которыя въ своей борьбѣ и въ своемъ сотрудничествѣ, въ сложномъ взаимодействіи съ массой, въ непрерывныхъ треніяхъ и уклоненіяхъ творятъ «последовательно социалдемократическую массовую партію». И повѣрьте, что именно эта работа составляетъ добрую долю того объективнаго хода вещей, который ведетъ пролетаріатъ на путь социалистическаго самопредѣленія. А Вы, какъ метафизикъ, этого не учитываете и, какъ утопистъ, желаете однимъ героическимъ жестомъ «Левіафана на удѣ вытащить на брегъ».

Для т. Череванина революція наполнена множествомъ «соблазновъ». Мелкобуржуазно-анархо-бланкистскіе бѣсы подстере-

гаютъ нашу партію за каждыяъ инемъ, за каждой старой гнилой колодой. «Истинному послѣдовательному социалдемократу» поздно вечеромъ прямо-таки рискованно выходить изъ дому.

Выработка «истинной» классовой тактики встрѣчаетъ тысячи препятствій. Сатана буржуазнаго революціонизма принимаетъ все новые и новые образы. Только-что вытѣснили социалистовъ-революціонеровъ изъ среды пролетаріата, какъ они немедленно возродились въ лицѣ «большевиковъ». Т. Череванинъ готовъ былъ бы расколотся съ «большевиками» и объявить ихъ внѣ социалдемократіи, но его останавливаетъ сомнѣніе: не возродится ли «большевистское» теченіе въ средѣ самого меньшинства на другой день послѣ раскола?.. Картина получается удручающая. И если т. Череванинъ все-же не опускаетъ рукъ, и если онъ все-же питаетъ нѣкоторую надежду на созданіе «настоящей, послѣдовательной, выдержанной» социалдемократіи, то этимъ онъ обязанъ не своему анализу, совершенно обезкураживающему, а исключительно бодрости своего социалистическаго духа. Откуда исходятъ все эти соблазны и трудности? Т. Череванинъ не прибавляетъ по этому вопросу ничего къ тому, что имѣется въ литературѣ «меньшинства»—и прежде всего въ статьяхъ т. Аксельрода. Именно: русскому пролетаріату приходится складываться въ партію, когда буржуазія еще не стоитъ у власти, когда буржуазная нація еще только борется революціоннымъ образомъ за государственную власть. Это создаетъ вокругъ пролетаріата атмосферу единства революціонныхъ интересовъ націи и толкаетъ «народъ» подъ гегемонію революціонныхъ представителей «общества». Отсюда же выростаеъ и опасность чисто-якобинскихъ методовъ политики въ средѣ самой социалдемократіи.—Противъ этого анализа,—если видѣть въ немъ изображеніе *одной изъ тенденцій* революціоннаго развитія,—ничего нельзя возразить; наоборотъ, его всегда необходимо имѣть въ виду при повѣркѣ общаго направленія нашей политики. Но это именно анализъ. А т. Череванинъ дѣлаетъ изъ него готовое чучело и это чучело ставитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ ему хотѣлось бы видѣть границу «выдержанной» социалдемократіи.

Вытѣснили бланкизмъ въ лицѣ социалистовъ-революціонеровъ, жалуется Череванинъ,—и онъ немедленно обернулся въ боль-

шевиковъ. Я вовсе не стану отрицать, что въ средѣ большевиковъ всплываютъ время отъ времени тенденціи, приближающіяся къ с.-р.-ству. Но составляютъ ли эти тенденціи *сущность* политической работы большевиковъ? Череванинъ ссылается на нѣкоторыя статьи и резолюціи большевиковъ—по поводу партизанскихъ дѣйствій, экспроприаціи и пр.—и заканчиваетъ восклицаніемъ: можно ли съ ними жить въ одной партіи? Если составить о большевикахъ представленіе по Череванину, то невольно возникнетъ вопросъ: чѣмъ же эти господа отличаются отъ максималистовъ-экспроприаторовъ, анархистовъ-коммунистовъ и пр. Я лично очень мало сочувствовалъ тѣмъ тенденціямъ, по поводу которыхъ Череванинъ ставитъ вопросъ о расколѣ. Но для меня большевики—не пара статей и не пара резолюцій, хотя-бы анархическихъ, а значительная часть социалдемократической партіи. И когда я стараюсь отдать себѣ отчетъ въ опасностяхъ «большевизма», то я беру его не въ его особенности, а въ живой связи съ другой фракціей, со всей партіей и, черезъ нее, со всѣмъ рабочимъ движеніемъ. Поэтому я безъ всякаго отчаянія встрѣтилъ тѣ статьи и заявленія, въ которыхъ несомнѣнно отразилась анархическая сторона революціи; мое представленіе о партіи говорило мнѣ, что литературно-анархическій налетъ, отвѣчающій эксцессамъ отдѣльныхъ группъ загнанной въ подполье революціонной массы, будетъ снесенъ новымъ политическимъ подъемомъ; что связь большевиковъ съ массами слишкомъ велика, движеніе пролетаріата слишкомъ опредѣленно, политическія тенденціи слишкомъ сильны, чтобы многотысячной фракціи нашей партіи грозила опасность превратиться въ группы партизановъ-экспроприаторовъ. Разумѣется, партійная критика вредныхъ тенденцій была необходима. Но ставить по этому поводу вопросъ о расколѣ значитъ обнаруживать весьма сомнительную политическую зрѣлость.

Тенденцію Череванинъ превращаетъ въ *фактъ*, а материалистическій анализъ замѣняетъ *примѣркой* къ шаблону. Соціалисты-революціонеры для него какъ-бы образецъ бланкизма, и стоитъ установить между ними и большевиками сходство, если не тождество,—и вопросъ рѣшенъ. А между тѣмъ т. Череванинъ совершенно проглядѣлъ то перерожденіе, которое претерпѣваютъ сами соціалисты-революціонеры. Не только депу-

таты-рабочіе, прошедшіе с.-р-скую школу, но и официальные представители этой партіи, съ которыми намъ пришлось работать въ Петербургскомъ Совѣтѣ, очень далеко ушли отъ того архаическаго типа, который былъ представленъ въ свое время «Вѣстникомъ Русской Революціи» и многими статьями «Революціонной Россіи». Стоить только припомнить прежнее огульное отрицаніе классовыхъ «перегородокъ» въ «единомъ» революціонномъ движеніи, признаніе за земской оппозиціей не только демократическаго, но и социалистическаго (!) характера, чтобы увидѣть, какъ сильно приблизились социалисты-революционеры, работающіе въ городахъ, къ классовому социализму. Правда, ихъ точка зрѣнія сильно отстаетъ отъ ихъ политической практики; но и теперь уже оказалось невозможнымъ дальнѣйшее пребываніе въ партіи «народныхъ социалистовъ», съ одной стороны, и «максималистовъ» съ другой. Соціалдемократическая критика была вполнѣ права, когда вскрывала въ с.-р-ствѣ двойственную тенденцію къ анархизму и къ мѣщанскому политическому радикализму. Нашей критикѣ пришлось на помощь политическое развитіе и положило начало неизбежной дифференціи. Въ высокой степени замѣчательно, что однородное перерожденіе переживаетъ теперь польская социалистическая партія (P. P. S.), во многомъ близкая нашимъ социалистамъ-революционерамъ и состоящая съ ними въ соглашеніи. На дняхъ только отъ P. P. S. откололось бланкистско-націоналистическое крыло партіи, и заявленіе Центрального Комитета объ этомъ расколѣ показываетъ, какъ быстро приближается эта часть польской рабочей демократіи къ дѣйствительно классовому социализму. И въ этомъ случаѣ не малую роль играетъ критика польской социалдемократіи. Но рѣшающее значеніе принадлежитъ фактамъ революціи...

Но не будемъ отвлекаться. Тенденція въ сторону якобинскаго (почтительно-высокомѣрнаго) третированія массы несомнѣнно создается буржуазной революціей. Но на перерѣзъ идутъ другія силы и вліянія: высокій социальный типъ нашего индустріальнаго пролетаріата, который десятью головами выше санюлотовъ 1789—93 г.г. и подмастерьевъ 48 г.; значительное число сознательныхъ социалистовъ въ рабочей средѣ; примѣръ и вліяніе классовой борьбы Запада и пр. и пр. И я ду-

маю, что всякій социалдемократъ, если онъ только наблюдаетъ жизнь не прокурорскими глазами фракціоннаго сектанта, признаетъ, что объективное развитие не только не стремится оторвать большевиковъ отъ социалдемократіи и перебросить ихъ въ лагерь «анархо-бланкизма», но, наоборотъ, многое уже сдѣлалъ для того, чтобы приблизить даже и соц.-революціонеровъ, по крайней мѣрѣ, ихъ городскіе элементы, къ программѣ и тактикѣ классовой борьбы. Досадно, что Череванину некогда заниматься такими наблюденіями: онъ мечтаетъ о расколѣ партіи, какъ о средствѣ спасти праведниковъ социалдемократіи отъ потопа буржуазной революціи.

Но замѣтили ли Вы, товарищъ, какъ одностороненъ пессимизмъ Череванина? Это ярко проявилось въ полемикѣ по поводу избирательныхъ соглашеній съ либеральной буржуазіей Публицисты «большинства», какъ извѣстно, указывали и указываютъ, какую опасность для ясности классового сознанія представляютъ соглашенія на «первой стадіи». Череванинъ совершенно отказывается видѣть эту опасность. (Оппозиціонная Дума—въ интересахъ политической свободы; политическая свобода—въ интересахъ пролетаріата; соглашенія съ кадетами способствуютъ образованію оппозиціонной Думы,—какимъ же образомъ выясненіе условий, благоприятствующихъ классовымъ интересамъ пролетаріата, можетъ затемнять его классовое сознаніе? Вотъ схема разсужденій Череванина. Но вѣдь мы кое-что знаемъ объ европейской практикѣ соглашеній, которая имѣетъ свою внутреннюю логику, ведущую къ политикѣ «блока» рабочихъ съ радикальными буржуа. Европа—другое дѣло, отвѣтитъ намъ т. Череванинъ, тамъ буржуазія уже стоитъ у кормила, а у насъ приходится еще только тащить ее къ кормилу за шиворотъ.—Прекрасно, но вѣдь раньше мы слышали, что именно это наше отличие отъ парламентской Европы создаетъ опасность подчиненія пролетаріата оппозиціонно-политическому руководству буржуазіи. Неужели же т. Череванинъ не понимаетъ, что соглашенія съ либеральной оппозиціей идутъ на встрѣчу этой тенденціи? Или онъ думаетъ, что только идея «диктатуры пролетаріата и крестьянства» можетъ затемнить сознаніе рабочихъ, а практика политическихъ соглашеній не чревата никакими опасностями? Но въ такомъ случаѣ почему

она называется «меньшимъ зломъ»? Наивно думать, что намъ угрожаетъ только «анархо-бланкизмъ»,—по мѣрѣ того, какъ мы врѣзываемся въ парламентарныя условія, мы идемъ навстрѣчу вульгарнѣйшему оппортунизму. То, что для насъ при извѣстныхъ условіяхъ «неизбѣжное зло», для оппортунистовъ основа всей политической мудрости. Стоить только вспомнить, какъ ухватились ревизионисты изъ «Товарища» за знамя «блока», какъ они стараются оторвать меньшевиковъ отъ большевиковъ и утопить этихъ послѣднихъ въ лужѣ газетной воды, —и станеть ясно, что все это дѣлается не для того, чтобы спасти пролетаріатъ отъ «анархо-бланкизма», а для того, чтобы перетянуть социалдемократію на путь «реальной» политики, т. е. привить ей жалкій реформаторскій утопизмъ. Я вовсе не думаю, что все и вся, чему симпатизируютъ ревизионисты, подлежитъ уже тѣмъ самымъ гееннѣмъ огненной. Наоборотъ, я стою за соглашенія. Но я позволяю себѣ думать, что сочувствіе ревизионистовъ и кадетовъ такъ же характерно для всякаго отклоненія въ сторону оппортунизма, какъ и сочувствіе социалстовъ-революціонеровъ—для каждаго проявленія бланкистскихъ тенденцій. Опасности есть на обѣихъ сторонахъ, и потому социалдемократъ долженъ глядѣть «въ оба». А т. Череваничъ слегка косить на правый глазъ. Будемъ, однако, надѣяться, что это не создастъ ему никакихъ неудобствъ въ его дальнѣйшей политической дѣятельности.

* *

Предлагая намъ совершить головокружительный скачекъ въ неизвѣстное, Вы считаете необходимымъ опереться на историческіе прецеденты. Съ одной стороны Вы указываете на Англію, гдѣ пролетаріатъ «оформилъ классовую борьбу образованіемъ широкой партіи» съ другой стороны—на Бельгію, гдѣ рабочая партія сложилась путемъ сѣзда социалдемократическихъ рабочихъ организацій. На Бельгію—собственно не на Бельгію, а на 20 строкъ въ книгѣ Вандервельда—ссылается, подобно Вамъ, другой сторонникъ внезапной широкой партіи, т. Щегло. Англія и Бельгія—съ какихъ поръ эти двѣ страны стали для насъ образцами политическаго развитія?

Въ Англии Вы берете за образецъ Комитетъ Рабочаго Представительства, который, однако, ни въ какомъ случаѣ не можетъ претендовать на роль центрального комитета рабочей партіи. Это спеціальнй органъ, выдвинутой главнымъ образомъ трэдъ-юніонами, въ цѣляхъ самостоятельнаго рабочаго представительства въ парламентѣ. Побѣда Комитета на послѣднихъ общихъ выборахъ имѣеть, безспорно, огромное симптоматическое значеніе. Англійскій пролетаріатъ, впавшій въ летаргію послѣ пораженія чартизма, снова пробуждается къ политической жизни. Но отсюда еще очень далеко до того, чтобъ видѣть въ Комитетѣ Рабочаго Представительства партію пролетаріата, по образцу которой намъ нужно строить свою! Это безъ труда пойметъ всякій, кто приметъ во вниманіе, что *англійская социалдемократія не вступила въ эту парламентскую организацію рабочихъ союзовъ и группъ*. Я прямо-таки изумляюсь, какъ это Вы, социалдемократъ, ни единымъ словомъ не упоминаете объ этомъ обстоятельстве, рекомендуя намъ новую англійскую «партію» въ качествѣ примѣра. Вы, конечно, не обязаны соглашаться съ тактикой англійскихъ социалдемократовъ. Но Вы обязаны во всякомъ случаѣ принять во вниманіе и взвѣсить ее. Надо думать, они достаточно компетентны въ оцѣнкѣ англійскихъ условій, достаточно заинтересованы въ созданіи широкой рабочей партіи, и если, тѣмъ не менѣе, не примкнули къ Комитету Представительства, то имѣли на это серьезныя основанія.

Кромѣ трэдъ-юніоновъ къ этому Комитету принадлежатъ: Фабианское Общество, насчитывающее 900 членовъ, и Независимая Рабочая Партія, въ которую входитъ 16.000 членовъ. Это несомнѣнно *лѣвое* крыло парламентской организаціи англійскаго пролетаріата. А между тѣмъ социалдемократическая федерація на послѣднемъ своемъ съѣздѣ въ Бредфордѣ (на Пасхѣ 1906 г.) отклонила мысль о сляніи даже и съ Независимой Рабочей Партіей, принявъ по этому поводу резолюцію Гайдмана. Васъ эти «мелочи», разумѣется, совершенно не интересуютъ. Вашимъ взорамъ предносится партія въ миллионъ человѣкъ, тогда какъ я отклоняю Ваше вниманіе въ сторону социалдемократіи, насчитывающей какихъ-нибудь два десятка тысячъ членовъ. Тѣмъ не менѣе смѣю Васъ завѣрить, что начинающееся политическое

самоопредѣленіе англійскихъ рабочихъ массъ многимъ обязано неутомимой пропагандѣ немногочисленной англійской социал-демократіи. И теперь, когда послѣ многолѣтнихъ, наполовину бесплодныхъ усилій, предъ ней отърываются, повидимому, широкіе горизонты, она предпочла не связывать себя организаціонной дисциплиной съ все еще пропитанной буржуазными предрасудками массой трэдж-юніонистовъ, сохраняя свою независимость для дѣла критики и пропаганды. Фактъ вступленія тридцати независимыхъ рабочихъ депутатовъ въ палату общинъ, какъ уже сказано, очень знаменателенъ; но поведеніе этихъ депутатовъ далеко не всегда отвѣчаетъ требованіямъ классової политики. Центральному органу англійской социал-демократіи, «Justice», приходилось по разнымъ поводамъ спрашивать, «когда же, наконецъ, Рабочая Партія пойметъ, что въ ея задачи вовсе не входитъ составлять неотдѣлимую часть нынѣшней парламентской машины?» Можно быть увѣреннымъ, что политическое развитіе англійскаго пролетаріата пойдетъ отнынѣ быстрыми шагами, — социально-политическія условія крайне благоприятны, — но англійская социалдемократія гораздо больше внесетъ въ этотъ процессъ, если останется самостоятельнымъ авангардомъ, сознательнымъ и бодрствующимъ, чѣмъ если растворится въ огромной, но дѣтски-безпомощной рабочей «партіи».

Итакъ, изъ Вашей неожиданной экскурсіи въ Великобританію Вы, если-бъ только Васъ не ослѣпяла предвзятая мысль, должны были бы извлечь выводы, совершенно разрушающіе Ваши метафизическія конструкціи:

1. Несмотря на то, что пролетаріатъ объективными условіями своего существованія направляется въ сторону социальной революціи, именно примѣръ Англии показываетъ, что политическое развитіе рабочаго класса далеко не всегда оказывается планообразнымъ восхожденіемъ къ социализму; «заминки» простираются иной разъ, какъ видите, на нѣсколько десятилѣтій. Слѣдовательно, «судьбы исторіи» отнюдь еще не могутъ служить непосредственной гарантіей нашихъ прыжковъ въ неизвѣстное и непредѣльное.

2. Именно примѣръ Англии показываетъ, что социалдемократія, даже оставаясь въ силу неблагоприятныхъ историческихъ условій узкой и почти сектантской организаціей, можетъ

совершать свою работу, подготовляя, съ одной стороны, многочисленных социалистических инструкторов и способствуя, съ другой стороны, отмежеванію внѣ ся организованныхъ рабочихъ массъ отъ буржуазныхъ партій.

3. Именно примѣръ Англии показываетъ, что даже послѣ образованія самостоятельной широкой рабочей партіи, социал-демократія—при извѣстныхъ условіяхъ—можетъ оказать наибольшую услугу этой партіи, не растворяясь въ ней, а сохраняя за собой полную свободу дѣйствій для критики и пропаганды.

Вотъ какъ обстоитъ дѣло съ Англійей. Я боюсь, что Вы задаете мнѣ вопросъ: но развѣ наши социально-политическія условія такъ же неблагопріятны для быстрого сплоченія массовой социалдемократіи, какъ условія Англии? О, нѣтъ, отвѣчу я, ничего подобнаго! Но только зачѣмъ же Вы берете за образецъ страну, которая намъ не можетъ служить образцомъ, и опытъ которой доказываетъ скорѣе прямо-противоположное тому, что вы хотите доказать?

Кромѣ Англии, Вы привлекли еще къ дѣлу и Бельгію. Исторія бельгійской рабочей партіи въ Вашемъ изложеніи какъ-бы специально создана намъ на поученіе. Партія образовалась въ 1885 г. на рабочемъ съѣздѣ, представлявшемъ какъ политическія, такъ и экономическія организаціи пролетаріата. «Немедля началась,—разсказываете Вы,—оживленная борьба за всеобщее избирательное право... Теперь партія имѣетъ въ парламентѣ 34 депутата...» *). Выходитъ, что все произошло «немедля» и крайне просто, благодаря тому, что 5 апрѣля 1885 г. съѣхалась сотня рабочихъ, представлявшихъ 59 ассоціацій. На самомъ дѣлѣ все это совершенно невѣрно.

Начать съ того, что къ моменту учредительнаго рабочаго съѣзда въ Бельгii не было политической рабочей организаціи, которую хоть въ самой отдаленной мѣрѣ можно было бы сопоставить съ русской социалдемократіей; были разрозненные кружки и группы—кооперативы, профессиональные союзы, общества взаимопомощи, социалистическія организаціи; было вполнѣ естественное тяготѣніе къ единству, вызывавшееся между прочимъ и потребностями борьбы за всеобщее избирательное право,

*) «Широкая раб. партія», стр. 54.

которая началась вовсе не «немедля» послѣ съѣзда 1885 г., а за нѣсколько лѣтъ до того, вскорѣ послѣ образования такъ называвшейся «Бельгійской Соціалистической Парти» (въ 1879 г.), если ужъ не считать движенія 1866 г. Съѣздъ 1875 г. не былъ предпріятіемъ какой-нибудь значительной національной организаціи соціалистическаго пролетариата, онъ былъ выраженіемъ объединительныхъ тенденцій разрозненныхъ рабочихъ кружковъ. Учрежденная на этомъ съѣздѣ партія была, внѣ всякаго сомнѣнія, гораздо слабѣе нашей нынѣшней социал-демократіи—и ничуть не походила на ту всеобъемлющую организацію, которую Вы думаете создать у насъ путемъ скоропріятельныхъ приемовъ. Незачѣмъ и говорить, что объединеніе раздробленныхъ ассоціацій было огромнымъ шагомъ впередъ; но если-бы въ Бельгіи въ 1885 г. была высоко-стоящая національная социалдемократія, возникшая путемъ подбора, *учредительный* съѣздъ рабочихъ ассоціацій былъ бы излишнимъ, ибо это въѣдъ не единственный методъ созданія партіи. Не единственный—и не непременно лучший: такъ, послѣ 1885 г. бельгійская рабочая партія далеко не скоро пришла къ выработкѣ планомерной тактики. Не говоря о томъ, что въ нѣкоторыхъ кругахъ своихъ она переплеталась съ либеральной партіей, среди многихъ ея экономическихъ организацій царилъ полное равнодушіе къ политикѣ и социализму. На этой почвѣ уже въ 1887 г. новая партія *раскололась* на двѣ части: на Рабочую и на Республиканско-соціалистическую партіи. Въ 1889 г. на конгрессѣ Рабочей Партии было внесено предложеніе о переименованіи ея въ «Партію работниковъ» (Parti des travailleurs) и о раздѣленіи ея на четыре совершенно автономныя организаціи: профессиональные синдикаты, общества взаимопомощи, кооперативы и политическіе союзы. Это предложеніе имѣло своей цѣлью расширеніе партіи. Но такъ какъ оно, по словамъ Вандервельда, способно было привести къ *ослабленію цѣльности* партіи и уменьшенію *вліянія социалистическаго духа*, то конгрессъ отвергъ его *подавляющимъ большинствомъ* *). Это показываетъ, что какъ только образова-

*) Э. Вандервельдъ и Ж. Дестрѣ. «Соціализмъ въ Бельгіи» Москва, 1906, стр. 103.

лась національная рабочая партія, достигшая известнаго политическаго уровня, она сочла необходимымъ отказаться отъ примитивныхъ методовъ организациі, выражающихся въ чисто механическомъ включеніи рабочихъ группъ въ формальныя границы партіи.

Такимъ образомъ, съ Бельгіей дѣло обстоитъ не многимъ лучше, чѣмъ съ Англійей. Но если даже закрыть глаза на факты и придать Вашимъ примѣрамъ то истолкованіе, которое Вамъ нужно, все-же останется несомнѣннымъ, что какъ бельгійская рабочая партія 1885 г., такъ и англійская рабочая партія 1905 г. возникли на основѣ добровольныхъ ассоціаций пролетаріата, какъ кооперативы, tradъ-юніоны, политическіе союзы. Но, насколько мнѣ известно, еще никому не приходило въ голову включать въ партію сплошь цѣлые заводы, — только потому, что они насчитываютъ свыше 2.000 рабочихъ! Это уже совершенно самобытное творчество, не имѣющее никакихъ прецедентовъ—даже въ Вашемъ свободномъ истолкованіи европейскаго опыта.

* * *

Еще два слова въ заключеніе этого растянувагося письма. Вы о себѣ говорите въ Вашей брошюрѣ, какъ о бывшемъ членѣ петербургской группы партіи. Это даетъ мнѣ право надѣяться, что Вы помните, какъ далека была группа — и, можетъ быть, Вы сами?—полтора года тому назадъ отъ широкихъ плановъ, которые Вы теперь лелѣете. Тогда не только не было рѣчи о слияніи всѣхъ социалистическихъ и профессиональныхъ ручейковъ въ безбрежномъ океанѣ рабочей партіи, но, наоборотъ, считалось, что въ самомъ ручейкѣ вода должна быть не иначе, какъ строго профильтрованной. Можетъ быть, Вы сами, товарищъ, чувствовали тогда склонность къ такому фильтрованію?— Я считаю умѣстнымъ рассказать здѣсь слѣдующій эпизодъ, который я живо вспоминаю. Въ петербургской организациі «меньшинства», къ которой Вы принадлежали и съ которой у меня были личныя связи, состояло нѣсколько человекъ, не вполне раздѣлявшихъ официальную точку зрѣнія группы на новыя въ то время вопросы о временномъ правительствѣ, участіи въ немъ и пр. и пр. Одинъ изъ «ответственныхъ представителей»

меньшинства—это Вашъ терминъ, товарищъ,—внесъ предложеніе, силою котораго изъ группы должны были удалиться тѣ члены ея, которые не соглашались съ составленными на-сѣхъ резолюціями по вопросамъ о возстаніи и временномъ правительствѣ. Я не помню судьбы этого предложенія, но хорошо помню свою бесѣду съ ответственнымъ его авторомъ. Я прежде всего позволилъ себѣ выразить сомнѣніе въ томъ, достаточно ли у группы основаній считать себя настолько авторитетной, чтобы составлять впродъ обязательныя резолюціи по спорнымъ вопросамъ, отнюдь еще не стоящимъ на очереди. И затѣмъ, спросилъ я «ответственнаго представителя», что же сдѣлають товарищи, изгнанные изъ группы? Перейдутъ изъ центра въ организационную периферію, не такъ-ли? Такимъ путемъ, въ интересахъ поддержанія «единства» въ руководящей коллегіи вы превратите районныя организационныя мѣста ссылки для всѣхъ инако-мыслящихъ. Не боитесь ли вы въ такомъ случаѣ, что между вами, абсолютно однороднымъ центромъ, и рабочей массой возникнетъ еретическое средостѣніе?—Ответственный представитель отвѣтилъ мнѣ, что лица, отступающія отъ «политической платформы» группы не могутъ быть терпимы и въ периферіи. Имъ остается либо уходить къ «большевикамъ», либо строить самостоятельную организацию. Но, позвольте, — возразилъ я, признаюсь, въ нѣкоторомъ ужасѣ, — вѣдь это тѣ самые чисто-механическіе, оперативные методы строительства, которыми столь печально ознаменовался періодъ перехода отъ кружковъ къ общепартійной организационной формѣ! Вѣдь меньшинство, какъ таковое, возникло и сложилось именно на почвѣ протеста противъ организационнаго деспотизма «однородныхъ» правящихъ коллегій! Вѣдь острыя формы оппозиціи меньшинства оправдывались именно необходимостью отстаивать свободу партійнаго мышленія и, если угодно, свободу фракціонныхъ заблужденій отъ уравнивательныхъ методовъ раслуценія, исключенія и разгона?—На это «ответственный представитель» отвѣтилъ мнѣ буквально слѣдующее: «Все это такъ, но теперь выдвинулись программно-тактическія разногласія, которыя гораздо важнѣе принциповъ организационной политики; положеніе таково, что въ борьбѣ за чистоту своего направленія меньшинство вынуждено само примѣнять тѣ методы, которые оно вмѣняло

• большевикамъ въ преступленіе». Вы, можетъ быть, помните этотъ отвѣтъ, какъ помните, вѣроятно, то обстоятельство, что «ответственнымъ представителемъ», авторомъ оперативнаго предложенія и моимъ собесѣдникомъ были Вы сами, уважаемый товарищъ... Съ тѣхъ поръ прошло полтора года. За это время много воды утекло подъ петербургскими и иными мостами. Прожитое время ни для кого изъ насъ не пропало даромъ. И я съ удовольствіемъ вижу изъ Вашей брошюры, что Вы усвоили себѣ цѣлый рядъ элементарныхъ истинъ партійной мудрости, на которыя я обращалъ Ваше вниманіе во время нашего разговора. Это, однако, не все. Изъ той же Вашей брошюры я лишній разъ убѣждаюсь, что не только общественное, но и личное развитіе совершается путемъ противорѣчій и крайностей. Отъ искусственнаго организационнаго отбора «строго выдержанныхъ меньшевиковъ» (!) Вы перешли къ пропагандѣ растворенія всей социалдемократіи въ огромной независимой рабочей партіи; отъ предложенія выключить изъ фракціонно-партійной организациі единомышленниковъ Парвуса и Троцкаго, вы пришли къ предложенію включить въ партійную организацию сторонниковъ Чернова и Пыиехонова.

Простите, товарищъ, но я думаю, что Вы еще не нашли необходимаго организационнаго равновѣсія. Эволюція партіи Васъ слишкомъ раскачала. Вамъ еще необходимо прийти къ болѣе упорядоченному, болѣе синтетическому представленію о путяхъ и средствахъ сплоченія партіи. Вы такъ независимо и пронизательно мыслите по существу, что, — я лично не сомнѣваюсь въ этомъ, — Вы сумѣете отказаться отъ тѣхъ сенсационныхъ парадоксовъ, которые свидѣтельствуютъ не о «смѣлости» мысли, а только объ ея... неуравновѣженности. Ваши всеобъемлющіе плапы — только формальная антитеза фракціонному консерватизму и фанатизму. Въ развитіи вашего личнаго политическаго мышленія это, вѣроятно, необходимый эпизодъ. Но для партіи было бы безумной роскошью продѣлывать этотъ бурный эпизодъ вмѣстѣ съ Вами.

Примите мой товарищескій привѣтъ.

Н. Троцкий.

1 декабря 1906 г.

Въ защиту партіи.

«Если только не хотятъ изгнать борьбу изъ литературы и политики, — а изгнать ее значило бы убить всякую литературную и политическую жизнь, — то приходится мириться съ фактомъ, что на войнѣ все именно и ведется, какъ на войнѣ... Законность такой борьбы растеть въ той мѣрѣ, въ какой она задѣваетъ *лицо ради дѣла*; но чѣмъ больше она въ лицѣ видитъ только дѣло, тѣмъ больше нарушаетъ она личныя права этого лица.»

(Фр. Мерингъ, «Ист. герм с.-д.», т. II.)

«Привыклимы крапивою звать крапиву И глупостью — глупцовъ дѣла.»

(Шекспиръ, «Коріолянъ».)

1. По поводу моихъ «полемическихъ приемовъ».

«Если я васъ убью, такъ это пустяки, но если вы убьете меня, — клянусь Георгіемъ! — это убійство». (Констэбль изъ Понча — чартисту).

Въ числѣ моихъ критиковъ есть г. Прокоповичъ, ревизионистъ, слѣдовательно «критикъ» изъ чести и по профессіи.

Свою статью обо мнѣ («Товарищъ», № 108) г. Прокоповичъ выразительно назвалъ «Партійная безцеремонность», давая тѣмъ, очевидно, понять, что самъ онъ стоитъ за безцеремонность *безпартійную*.

Г. Прокоповичъ предпосылаетъ своей критикѣ нѣсколько совершенно новыхъ и блестяще-формулированныхъ мыслей на тему о томъ, что есть «полемика и полемика»; что «идейная полемика имѣетъ огромное политическое значеніе»; что антагонистомъ ея является «полемика личная, заключающаяся въ по-

ношении личности противника, въ забрасываніи его грязью», и затѣмъ заявляетъ, что именно я, Тредкій, полемизирую въ этомъ недостойномъ родѣ, «инсинуирую по чужимъ адресамъ безъ всякой мѣры» и «выбрасываю изъ тюрьмы брань». Г. Прокоповичъ, однако, примѣровъ моей брани и моихъ инсинуацій не приводитъ. Онъ заявляетъ лишь, что не послѣдуетъ за мной въ моей манерѣ вести полемику и сдѣлаетъ попытку—трудную, въ виду моей «интеллектуальной физиономіи»—перевести вопросъ на почву идейнаго спора.

Инсинуаціи и брань безспорно дурное дѣло. Но и ложь, по моему, никогда никому украшеніемъ не служила. А я долженъ сказать, что всё исполненное высокаго негодованія рѣчи г. Прокоповича насчетъ того, будто я занимаюсь въ своей книгѣ инсинуаціями, поношеніемъ личности противниковъ и забрасываніемъ ихъ грязью, представляетъ просто злую ложь. На трехстахъ страницахъ своей книги я полемизирую со многими лицами. Моя полемика можетъ показаться пристрастной, невѣрной, придирчивой, рѣзкой, бездарной, но это всегда—принципиальная полемика, это всегда—политическая критика, это всегда—идейная борьба. На добро или на худо—политика дѣлается живыми людьми. И то, что я считаю неправдой, заблужденіемъ или глупостью въ политической жизни, всегда стоитъ предо мною, какъ живой противникъ или врагъ. Я нападаю на него, если я считаю, что дѣло, которому я служу, требуетъ этого. Мои нападки могутъ быть несправедливы, грубы или неуклюжи. Но никогда я не «поношу» личность противника ради нея самой, никогда не «инсинуирую», не «забрасываю грязью». И если г. Прокоповичъ говоритъ противное, онъ говоритъ неправду.

На тѣхъ двухъ страницахъ своей книги, гдѣ я говорю о русскихъ «ревізюнистахъ», ушедшихъ изъ партіи пролетаріата и не вступившихъ въ партію буржуазіи, безсильныхъ на добро и на зло, получившихъ возможность своего литературнаго выраженія только благодаря тому, что либеральное общество охотно мирится съ ихъ «критическимъ социализмомъ», направленнымъ не противъ либерализма, а противъ фактически существующей социалдемократіи,—на этихъ двухъ страницахъ, которыя имѣютъ въ виду г. Прокоповичъ и которыя сейчасъ раскрыты предо мною, нѣтъ ни одной строки, которая была бы

направлена против *моральной* фizioномi г. Прокоповича, против *чистоты и безкорыстiя* его намѣренiй и против *искренности* его ошибокъ.

Но такъ какъ эти двѣ страницы показались г. Прокоповичу несправедливыми и рѣзкими, то онъ, писатель, знающiй только идейную полемику, прежде всего занялся розыскомъ, какiя *личныя* причины могли быть у меня для моей критики.

«Г. Троцкiй,—такъ пишетъ мой оппонентъ,—съ особеннымъ усердiемъ набрасывается на меня и другое лицо, *хотя!* ни въ нашихъ прежнихъ писанiяхъ, ни въ журналѣ «Безъ Заглавiя», на который г. Троцкiй *почему-то* особенно сердить, его фамилiя рѣшительно ни разу не упоминалась,—просто за ненадобностью: нашъ журналъ вель только идейную полемику.» (Курс. мой) Да я, Троцкiй, знающiй только личную полемику, брань и инсинуацiи, считаю себя въ правѣ быть «сердитымъ» и «набрасываться» въ тѣхъ случаяхъ, когда я лично ничѣмъ не задѣтъ,—и этимъ моя *личная* полемика отличается отъ *идейной* полемики г. Прокоповича, который немедленно производитъ розыскъ насчетъ намѣренiй своего оппонента и, противопоставивъ моимъ двумъ страницамъ три газетныхъ столбца, ни словомъ не упоминаетъ о качествѣ моей полемики противъ *другихъ* лицъ: что-жь, г. Прокоповичъ, моя книга сплошь инсинуацiя—или во всѣхъ другихъ случаяхъ я выступаю, какъ честный журналистъ?

Нѣтъ, повидимому, нѣтъ. Ибо г. Прокоповичъ пишетъ, что имя мое ни разу не появлялось въ его журналѣ «Безъ Заглавiя» *именно потому*, что я негодный противникъ для идейной полемики. Какъ жаль, что для такого рѣшительнаго утвержденiя г. Прокоповичъ произвелъ недостаточно точное разслѣдованiе. Въ его журналѣ «Безъ Заглавiя» упоминалось мое имя,—и хотя рѣчь шла о моемъ памфлетѣ противъ Струве, гдѣ ужасныя свойства моей полемики должна были сказаться во всей своей наготѣ, сотрудникъ «Безъ Заглавiя» отзываясь о моей брошюрѣ очень сочувственно, называя ее «интересной и талантливой» (№ 12, стр. 494). Если-бъ я хотѣлъ искать *личныя* причинъ этой оплошности редактора покойнаго журнала, я долженъ былъ бы предположить, что г. Прокоповичъ не зналъ, кто скрывается за псевдонимомъ *Л. Тахоцкiй*, и только

потому допустилъ похвалу по адресу полемической брошюры журналиста, замѣняющаго честную полемику инсинуаціей и бранью.

Замѣчательное, однако, дѣло! Г. Прокоповичъ въ началѣ своей статьи прямо говоритъ, что только *предисловіе* къ моей книгѣ является «образчикомъ» личной полемики, а нѣсколькими строками ниже онъ уже съ возмущеніемъ говоритъ о моей «интеллектуальной физиономіи» вообще. Въ своей книгѣ я полемизирую съ абсолютизмомъ, съ реакціей, съ либерализмомъ всѣхъ отбѣнковъ, наконецъ съ нѣкоторыми теченіями внутри нашей собственной партіи. Обо всей этой полемикѣ г. Прокоповичъ не упоминаетъ ни словомъ и всю мою «интеллектуальную физиономію» приурочиваетъ къ *двумъ страничкамъ* предисловія, на которыхъ упоминается его имя. Если-бъ мой обличитель не предупредилъ насъ, что онъ рыцарь идейной полемики, можно было бы подумать, что г. Прокоповичъ отбѣниваетъ интеллектуальную физиономію публициста исключительно въ зависимости отъ того, какъ этотъ послѣдній относится *къ нему лично*.

Замѣчательное дѣло! Я отвѣчалъ когда-то «Нашей Жизни» въ «Началѣ». Тонъ этой моей статьи г. Прокоповичъ называетъ «вполнѣ приличнымъ». А между тѣмъ въ полемическомъ отношеніи мое предисловіе не содержитъ ничего такого, чего не было бы уже въ моей «вполнѣ приличной» статьѣ. Въ этой послѣдней я говорилъ о своихъ оппонентахъ, какъ о «тайпственннхъ «марксистахъ», притаившихся на запяткахъ конституціонно-демократической газеты». Этими словами я старался охарактеризовать *политическое* положеніе русскихъ ревизионистовъ. Этому же вопросу посвящены двѣ злополучныя странички моего предисловія, и онъ не заключаютъ въ себѣ ничего болѣе рѣзкаго, чѣмъ приведенныя строки изъ «вполнѣ приличной» статьи. Нужно, однако, указать, что въ статьѣ г. Прокоповичъ не былъ названъ, тогда какъ въ предисловіи имя его упомянуто. Конечно, конечно, это не имѣетъ никакого значенія,—но какъ все-таки хорошо, что г. Прокоповичъ сразу отрекомендовался идейнымъ публицистомъ,—иначе ему положительно можно было бы приписать психологію пончкаго констабля.

Однако, замѣчательное дѣло! Г. Прокоповичъ, какъ мы уже знаемъ, говорить, что я «почему-то *особенно сердитъ*» на журналъ «Безъ Заглавія», въ которомъ мое имя не упоминалось-де ни разу. Постѣднее, какъ мы видѣли, невѣрно. Но зато вѣрно, что о журналѣ «Безъ Заглавія» я не говорю *ни одного слова*. Я упоминаю только о группѣ ревизионистовъ «безъ имени, безъ заглавія» — характеризуя названіемъ журнала межеумочное положеніе русскихъ ревизионистовъ. Но что я сердитъ, да еще «особенно» сердитъ на журналъ, о которомъ не говорю ни слова и на который нисколько не «сердитъ», это г. Прокоповичъ просто выдумалъ. Нѣтъ, положительно не легко бываетъ иной разъ отличить моральный пафосъ идейнаго полемиста отъ неряшливой деклараціи обиженнаго филистера!

Десятки подобныхъ мелочей, пустыхъ уколовъ, фальшивыхъ полемическихъ grimасъ заслуживали бы разсмотрѣнія, если-бъ я ставилъ своей цѣлью характеристику полемической физиономіи моего оппонента. Но такъ какъ я далекъ отъ этой цѣли, то я не буду останавливаться на томъ, какъ г. Прокоповичъ со снисходительной безцеремонностью — конечно, *безиртійной* — и «горячимъ», хотя и непрошеннымъ «сочувствіемъ» оцупываетъ мои нервы, разстроенные «продолжительнымъ сидѣніемъ, процедурой суда и ссылкой въ перспективѣ», съ какимъ благороднымъ жестомъ онъ заявляетъ, что «все-же» не можетъ признать за мной *права (!)* «выбрасывать изъ тюрьмы брань», — хотя нигдѣ въ своей книгѣ я не говорю ни о тюрьмѣ, ни о судѣ, ни о ссылкѣ, ни о своихъ нервахъ. Но довольно! Смѣю увѣрить всѣхъ Прокоповичей, что мои нервы достаточно хороши для того, чтобъ я могъ безошибочно отличить противника, въ которомъ говорить настоящій и безкорыстный полемическій гнѣвъ, отъ журналиста, который пинетъ лимфой уязвленнаго самолюбія.

Вотъ все, что я считаю нужнымъ сказать пока по части моихъ полемическихъ приѣмовъ.

Что касается «принципіальной» части статьи г. Прокоповича, то она, какъ мы дальше увидимъ, представляетъ рядъ попытокъ укусить партію за икры. При этомъ г. «критику» по необходимости приходится принимать горизонтальное положеніе, которое пагубнымъ образомъ отражается на его пер-

спективныхъ представленіяхъ. Не ради г. Прокоповича, но ради самого дѣла мы попытаемъ возстановить дѣйствительныя очертанія партіи и характеризовать ея революціонную роль. Само собою разумѣется, что въ этой работѣ мы съ читателемъ будемъ сохранять вертикальное положеніе.

2. Злопахательное безпристрастіе г. Прокоповича.

Я предполагаю въ читателѣ общее знакомство [съ исторіей нашей партіи и потому считаю себя въ правѣ не держаться хронологическаго порядка въ своемъ разборѣ обличеній г. Прокоповича и ниже—г-жи Кусковой *).

Чтобъ сразу войти въ курсъ этихъ обличеній и опредѣлить ихъ принципиальную цѣнность, мы начнемъ съ отзыва г. Прокоповича о тактикѣ социалдемократіи по отношенію къ петербургскому Совѣту Рабочихъ Депутатовъ.

Рабочіе совѣты, по мнѣнію критика нашей партіи, были «по идеѣ» явленіями огромной важности. «Но тѣ социаль-демократы,—пишетъ онъ,—вашего (т. е. моего) направленія, которые въ это время были въ Петербургѣ, не поняли этой легшей въ основаніе Сов. Раб. Деп. идеи, и на первыхъ же порахъ ихъ жизни яростно набросились на «хрусталевищину». Хрусталева,—продолжаетъ г. Прокоповичъ,—не принадлежалъ и вашему направленію, но именно онъ сдѣлалъ большое дѣло тѣмъ, что уловилъ правильную идею и со свойственной ему изумительной энергіей реализовалъ ее въ жизни. Но вы то, вы то, г. Троцкій, причемъ-же тутъ «вы»?»

Само безпристрастіе, очевидно, водило здѣсь рукою г. Прокоповича. Начать съ того, что г. Прокоповичъ пристаетъ лично ко мнѣ съ вопросами о моей роли,—тогда какъ я говорилъ лишь о роли партіи. Это, однако, деталь, которая лишь харак-

*) Читателю, не знакомому съ исторіей нашей партіи мы настоятельно рекомендуемъ краткій «Очеркъ исторіи социалдемократіи въ Россіи» Н. Батурина, Москва, 1906 г., 126 стр., ц. 25 к. Мы впервые встрѣчаемъ въ партийной литературѣ имя Батурина, брошюра котораго представляетъ выдающееся явленіе. По сжатости изложенія и точности языка она должна быть причислена къ лучшимъ произведеніямъ нашей рабочей литературы.

теризуетъ стремленіе моего критика переносить полемику съ «личной» почвы на «принципіальную». Гораздо важнѣе то, что онъ говоритъ объ отношеніи между партіей и Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ. Вѣдь изъ словъ г. Прокоповича вытекаетъ, будто Совѣтъ возникъ и развился, во-первыхъ, по инициативѣ отдѣльнаго лица,—во-вторыхъ, противъ воли партіи. Такъ какъ я не хочу думать, что г. Прокоповичъ сознательно искажаетъ исторію Совѣта и предполагаю, что онъ не имѣетъ объ ней никакого понятія, я считаю своимъ правомъ отослать его къ книгѣ, написанной ближайшими участниками Совѣта *) и въ томъ числѣ т. Хрусталевымъ. Здѣсь же я могу сказать только слѣдующее. Совѣтъ былъ организованъ по инициативѣ одной изъ двухъ существовавшихъ тогда въ столицѣ социал-демократическихъ организаций (т. н. петербургской группы). Печатный призывъ выбирать депутатовъ былъ изданъ группой. На первомъ собраніи Совѣта предсѣдательствовалъ членъ группы. На второмъ собраніи по предложенію представителя группы предсѣдательство было поручено т. Хрусталеву, который впервые явился на второе засѣданіе. Но это все, въ сущности, моменты чисто формальнаго характера. Гораздо большее значеніе имѣетъ та работа, которую на всѣхъ заводахъ и фабрикахъ вели агитаторы партіи, призывая рабочихъ къ созданію Совѣта, разъясняя его задачи и цѣли, формулируя его лозунги. Огромный аппаратъ былъ приведенъ въ движеніе для созданія Совѣта, и это былъ аппаратъ нашей партіи. Я не знаю, на какихъ политическихъ задворкахъ г. Прокоповичъ подобралъ сплетню о «хрусталевщинѣ»,—я лично это слово въ первый разъ встрѣтилъ въ газетѣ «Россія» по поводу выборгскаго воззванія и второй разъ въ статьѣ г. Прокоповича. Для партіи Совѣтъ никогда не былъ и не могъ быть окрашенъ личнымъ цвѣтомъ т. Хрусталева, ибо Совѣтъ былъ дѣломъ самой партіи.

Г. Прокоповичъ упоминаетъ о социалдемократахъ моего направленія, какъ о врагахъ Совѣта. Но развѣ я говорю о специальныхъ заслугахъ какой-либо фракціи? Я говорю о роли социалдемократіи въ ея цѣломъ. А затѣмъ, что это за социал-

*) «Исторія Совѣта Рабочихъ Депутатовъ», статьи Н. Троцкого, А. Кузовлева, Г. Хрусталева-Носаря и др., изд. Н. Глаголева.

демократы моего направления? Я таких не знаю. Меншевики? Большевики? Я лично одинаково близокъ и къ тѣмъ и къ другимъ, я работаю рука объ руку съ тѣми и съ другими, и я одинаково горжусь всякимъ революціоннымъ дѣломъ, совершеннымъ партией, независимо отъ того, какая изъ фракцій сыграла въ немъ руководящую роль. Товарищи, которые работали со мной, знаютъ, что я говорю не фразу. Но дѣло не во мнѣ. Какіе это социалдемократы «яростно набросились» на Совѣтъ? Конечно, не меньшевики, которые его организовали. Значитъ, большевики? Но слышалъ ли г. Прокоповичъ что-нибудь о роли г. Петрова-Радына, официального представителя въ Совѣтъ отъ организаціи большинства? Слышалъ ли онъ имя г. Нѣмцова, одного изъ самыхъ популярныхъ депутатовъ Совѣта? Если не слышалъ, пусть прочтаетъ обвинительный актъ по дѣлу Совѣта. Онъ узнаетъ тогда, что эти «большевики» были преданы суду и осуждены не за то, что «яростно напали» на Совѣтъ, а за то, что дѣятельно и энергично работали въ его составѣ съ самаго возникновенія Совѣта. Г. Прокоповичъ, конечно, пойметъ, почему я не называю многихъ другихъ именъ. Правда, между двумя фракціями, какъ и внутри обѣихъ фракцій, были разногласія въ оцѣнкѣ Совѣта, его возможной роли и его связи съ партией. Было бы удивительно, если-бъ въ виду новаго громаднаго явленія, какимъ былъ Совѣтъ, такія разногласія не возникли. Но по всѣмъ важнѣйшимъ политическимъ вопросамъ обѣ фракціи выступали въ Совѣтъ совершенно солидарно, и политическія предложенія, вносившіяся въ Совѣтъ отъ имени партіи, всегда принимались Совѣтомъ. Какую огромную поддержку оказывала Совѣту партійная пресса! «Новая Жизнь», «Начало» и особенно «Русская Газета», распространеніе которой въ рабочихъ кварталахъ было колоссально, комментировали каждый шагъ Совѣта и создавали вокругъ него ту атмосферу гласности и довѣрія, внѣ которой онъ не могъ бы существовать. Партія, организовавшая Совѣтъ, сразу поставила къ его услугамъ нѣсколько десятковъ профессиональных агитаторовъ, которые помогали Совѣту проводить въ жизнь каждое его рѣшеніе. «Извѣстія» Совѣта обслуживались литературными партіи. Но, можетъ быть, важнѣе всего этого то, что партія своей долгой подпольной работой воспитала обширные

кадры сознательных рабочих, из среды которых пролетариат Петербурга выбирал своих депутатов. Известен ли г. Прокоповичу, что большинство этих депутатов либо прямо принадлежали к партийной организации, либо прошли партийную выучку? Известно ли г. Прокоповичу, что из 50 членов Совета, *наугад* вырванных прокуратурой, было по крайней мере 35 социалдемократов? Я не могу понять психологию г. Прокоповича, который, совершенно игнорируя эту огромную работу, совершенную партией до Совета, в Совете и вокруг Совета, счел приличным и умственным напугаться, чтобы поднять какую-то ничтожную сплетню о «хрусталевищине» и противопоставить ее моему утверждению, что партия сделала великое дело.

«Но разве вы участвовали в жел. дор. союзѣ,— нападает на меня г. Прокоповичъ,—вы лично и люди вашего направления? А между тѣмъ этотъ союзъ сказалъ рѣшающее слово въ октябрьскіе дни». Нѣтъ, я не участвовалъ въ желѣзнодорожномъ союзѣ, отвѣчаю я съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ: разве я что нибудь говорилъ о своемъ участіи въ желѣзнодорожной забастовкѣ? Участвовали ли въ Союзѣ люди «моего направленія»? Т.-е. социалдемократы, работники нашей партіи? Еще-бы! Они принимали въ немъ огромное участіе; во многихъ мѣстахъ они играли руководящую роль. Но гораздо важнѣе всего этого опять-таки та долгая подготовительная работа, которую совершила партія въ средѣ желѣзнодорожнаго пролетаріата. Желѣзнодорожныя мастерскія всегда были цитаделями партіи. Во многихъ мѣстахъ рабочіе желѣзнодорожныхъ мастерскихъ сыграли въ проведеніи забастовки рѣшающую роль, «снимая» колеблющихся служащихъ правленія и задерживая на станціи поѣзда. Мыслима ли была бы октябрьская желѣзнодорожная забастовка безъ всей предшествующей многомѣсячной стачечной эпопеи, въ которой социалдемократія играла огромную роль даже по признанію г. Струве: не даромъ же онъ обвинялъ ее въ томъ, что она вызывала массовыя стачки въ политическихъ интересахъ. Мыслима ли была бы всеобщая забастовка безъ университетскихъ митинговъ, чрезвычайно поднявшихъ общее настроеніе и сообщившихъ всему дальнѣйшему движенію единство политическаго лозунга, которое въ октябрѣ замѣняло недоста-

ющее организационное единство. Но, может быть, г. Прокопович знает, что университеты были открыты для митингов? по инициативе нашей партии и что на этих митингах почти безраздельно господствовали ораторы-социалдемократы? Приписывать октябрьскую стачку железнодорожному союзу может только прокурор, которому нужны зачинщики преступления, а не факторы события. Но железнодорожный союз не был в сущности и зачинщиком; известно, что он проектировал стачку только в январь, ко времени предполагавшегося созыва Думы. Октябрьская стачка возникла помимо воли какой-бы то ни было организации. Но из всех организаций, способствовавших прямо или косвенно ее возникновению и развитию, социалдемократия занимала бесспорно первое место.

О предшествовавших событиях 1905 г. г. Прокопович говорит так: «9 января прошло без социалдемократии». Дальше, когда перейдем к г-же Кусковой, мы покажем, что это неправда. «Первомайский крах партии дал силу оппозиции». Какой крах? Неудача первомайской демонстрации в Петербурге, затянута одной из двух местных организаций—это крах партии? Значит, каждая неудачная местная стачка означает крах общегосударственного профессионального союза? «Под влиянием одного старого рабочедельца в Петербурге началась, сначала слабо, потом сильнее, работа по организации профессиональных союзов». Как просто! И те социалдемократы, которые теперь вездь и всюду руководят молодыми профессиональными союзами, очевидно, также наскоро приготовлены за последние месяцы «одним старым рабочедельцем»? А этот «рабочедelecъ», очевидно, был воспитан в «Союзе Освобождения» и организовывал профессиональные союзы в борьбе с социалдемократией? Какой смысл противопоставлять мне рабочедельца, члена одной из партийных фракций, когда я говорил о заслугах социалдемократии?

Но вдь «вы имете в виду бланкистское направление», возражает мне г. Прокопович. Нтъ, нисколько. Не вдаваясь пока в рассмотрение того, что г. Прокоповичу угодно понимать под бланкистским направлением, я говорю: моя мысль оперирует с нашей действительно существующей партией; с той самой, которая первоначально возникла, как

Группа Освобождения Труда; которая развилась в многочисленные кружки социалистической пропанды; которая сделала в 1898 году значительную попытку, опираясь на эти кружки, провозгласить единство социалдемократической партии, как выразительницы единства классово́й борьбы пролетариата; которая перешла к широкой экономической агитации и руководству безчисленными стачками; которая развернула огромную политическую агитацию, сообщавшую единство лозунговъ всѣмъ революціоннымъ выступленіямъ пролетариата; которая создала подпольный централизованный аппаратъ для руководства этими выступленіями; которая выработала в 1903 г. свою программу. Я имѣю въ виду эту партію со всѣми ея внутренними отгѣнками и теченіями, съ ея разногласіями и фракціонными тенденціями, ошибками и крайностями развитія, со всѣми болѣзнями ея политическаго роста. Я имѣю въ виду «пропагандистовъ», «экономистовъ», «рабочедѣльцевъ», «бундистовъ», «искровцевъ», «большевиковъ» и «меньшевиковъ», или, вѣрнѣе, я не имѣю въ виду специально ни тѣхъ, ни другихъ, а то реальное общее дѣло, которое превращаетъ всѣ эти теченія и фракціи въ отдѣльные этапы сложнаго процесса слиянія социализма съ массовымъ движеніемъ пролетариата. Внутри этой партии я въ каждый данный моментъ занимаю опредѣленную позицію. Я отстаиваю то, что считаю правильнымъ, и борюсь противъ того, что считаю ошибочнымъ. Но въ своей внутривъ партійной борьбѣ я всегда чувствую подъ ногами почву общепартійнаго опыта, опираясь на завоеванія и на традиции партии, и не согласенъ вычеркнуть ни одного изъ періодовъ ея развитія. Я, «бланкистъ», по опредѣленію г. Прокоповича, претендую на достаточно широкій партійный патріотизмъ и на нѣсколько болѣе сложное представленіе о путяхъ развитія социалдемократіи, чѣмъ то, которое я вижу у моего оппонента. И это мое представленіе говорить мнѣ: неправда, будто октябрьское стачечное возстаніе было создано при абсентеизмѣ социалдемократовъ небольшой организацией, называвшейся желѣзнодорожнымъ союзомъ; неправда, будто въ созданіи и развитіи рабочихъ совѣтовъ рѣшающее значеніе имѣла энергія одного лица; неправда, будто образованіе профессиональныхъ союзовъ пошло отъ какого-то отдѣльнаго «рабочедѣльца». Трикраты неправда,

будто все это совершилось при противодѣйствіи нашей партіи. Если-бъ все это сказалъ какой-нибудь Кутлеръ, узнавшій объ этихъ вопросахъ отъ кадетовъ только вчера и еще не успѣвшій отереть канцелярскій потъ съ своего политическаго чела, можно было бы улыбнуться и добродушно покачать головой. Но когда это говоритъ политическій публицистъ, «соціологъ», «критическій социалистъ», прикосновенный нѣкогда къ нашей партіи, приходится заключить, что только долго сдерживаемая влопочущая злоба заштатнаго политика, отравленная ненависть безсилія къ политической силѣ можетъ внушить такія карикатурныя утверждения, такія наглядныя несообразности.

Но «зачѣмъ вы поучаете меня, — восклицаетъ нашъ оппонентъ, что дѣло социалдемократіи—великое дѣло? Вѣдь ревизионизмъ одно изъ направлений социалдемократической мысли, а на Западѣ—одно изъ крыльевъ партіи... Очевидно, вы хотите сказать другое. Вы хотите сказать, — поправляетъ онъ меня, — что именно бланкистское направленіе социалдемократіи, къ которому вы принадлежите и которое идетъ сейчасъ на убыль, сдѣлало великія дѣла».

Я хотѣлъ сказать только то, что я сказалъ—не больше и не меньше. «Дѣло социалдемократіи—великое дѣло», эта такая общая мысль, которая почти лишена содержанія. Подъ ней поднишется даже и г. Струве, кадетъ праваго крыла, по официальному положенію, и мирнообновленецъ по взглядамъ. Остается еще выяснитъ, въ чемъ же состоитъ «дѣло» социалдемократіи? Ибо роковымъ образомъ оказывается въ каждой странѣ — въ Россіи, въ Финляндіи, въ Германіи, во Франціи, — что то конкретное дѣло, которое выполняеть существующая социалдемократія, имѣеть очень мало общаго съ тѣмъ «дѣломъ», которое ей приписываетъ къ выполненію національная буржуазная демократія. Нѣтъ, въ «Предисловіи», на которое нападаетъ г. Прокоповичъ, я выразилъ болѣе опредѣленную мысль; я сказалъ, что російская социалдемократія, *та, которая фактически существуетъ*, та, въ которой русскіе ревизионисты не нашли себѣ мѣста, совершила огромное историческое дѣло.

3. Вѣрно ли, что мы—интеллигентская партія?

Два «опредѣленія» нашей партіи стали за послѣднее время въ буржуазныхъ газетахъ крылатыми словами: русская социал-демократическая партія *интеллигентская* по составу и *бланкистская* по тактикѣ. Однимъ изъ первыхъ такую характеристику пустилъ въ оборотъ г. Струве: Она привилась. И теперь всѣ поденщики и кули либеральной прессы говорятъ о нашемъ бланкизмѣ съ такимъ апломбомъ, что наивный читатель можетъ повѣрить, будто они въ самомъ дѣлѣ понимаютъ, чѣмъ марксизмъ отличается отъ бланкизма. Нужно, однако, сказать, что буржуазные публицисты извлекли эти два опредѣленія изъ нашей же внутри-партійной полемики. Съ достаточнымъ ли правомъ? Мы попробуемъ бѣгло отвѣтить на этотъ вопросъ.

Вѣрно ли, что наша партія *интеллигентская*?

Впрочемъ, имѣется ли вообще въ Россіи социалдемократическая партія? Совѣмъ недавно г. Петръ Струве съ рѣшительностью, которая характеризуетъ всѣ его выступления противъ противниковъ слѣва, заявилъ, что социалдемократической партіи у насъ не существуетъ. «Политическихъ партій въ истинномъ смыслѣ,—говоритъ онъ въ «Рѣчи»,—наѣво отъ партіи народной свободы нѣтъ. Онѣ, *можетъ быть*, сложатся, но это дѣло будущаго» (№ отъ 10 ноября, курсивъ нашъ). Въ свою очередь «Товарищъ» съ свойственнымъ ему «товарищескимъ» сочувствіемъ (къ Петру Струве или къ социалдемократіи?) перепечаталъ эти строки.

Итакъ, *наѣво* отъ кадетовъ политическихъ партій, нѣтъ, и даже еще вопросъ сложатся ли онѣ. Очевидно, что *направо* такія партіи существуютъ. Очевидно, что союзъ русскаго народа или союзъ 17 октября, или общество мирнаго обновленія, или всѣ они обладаютъ свойствами и качествами политической партіи, какихъ нѣтъ у русской социалдемократіи.

Мы позволяемъ себѣ нѣсколько иначе смотрѣть на политическую физиономію нашей страны и думаемъ, что если въ Россіи есть политическая формация, относительно которой можно съ увѣ-

ренностью сказать: вот партия, которая несомненно существует и за которой история обеспечила завтрашний день, такъ это только социалдемократія.

Если взять формальные признаки партии—программа, тактика, дисциплина,—социалдемократія займетъ здѣсь безспорно первое мѣсто. Традиции, опытъ, способность вести работу при всякихъ условіяхъ, эта незамѣнимая способность, обуславливающаяся глубокой преданностью дѣлу со стороны членовъ партии,—развѣ кадеты могутъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ конкурировать съ партией пролетариата? Число членовъ? Кадеты насчитываютъ ихъ до ста тысячъ, наша партия — полтораста тысячъ. Важнѣе всего, однако, социальный составъ партии. Что въ этомъ отношеніи можно сказать о конституціонной демократіи? На кого она опирается? На всѣхъ и ни на кого. Партия народной свободы, по словамъ Струве, «должна быть и дѣйствовать въ самой гущѣ нашей демократіи». Она должна, какъ иронизировалъ Герценъ надъ планами Бакунина, объединить помѣщиковъ, крестьянъ, священниковъ, генераловъ, женщинъ, птицъ и пчелъ. Но на кого кадеты съ полной увѣренностью могутъ опереться сейчасъ? На кого они рассчитываютъ опереться завтра? Партия насчитываетъ какихъ-нибудь 15 мѣсяцевъ существованія, слишкомъ короткий срокъ, чтобы можно было серьезно говорить объ ея жизнеспособности. Правда, на первыхъ выборахъ она одержала шумную побѣду. Но развѣ это ея завоеваніе, ея заслуга? Развѣ она подготовила эту побѣду? Нѣтъ, побѣда обрушилась на нее и сразу сломала ей спинной хребетъ: отъ остова партии отдѣлились земскіе элементы, опора и надежда, и передвинулись въ лагерь «конституціонной» реакціи. Кадеты оказались предъ таинственной «гущей демократіи», которая дала имъ свои голоса только потому, что они оказались единственной оппозиціонной урной. «Гуща» демократіи! Но какъ овладѣть ею? Какіе элементы ея можно закрѣпить за собой? Пока-что кадеты лишь гадаютъ объ этомъ на кофейной «гущѣ» своихъ передовыхъ статей. Вы не встрѣтите у нихъ и намека на дѣйствительный социальный анализъ русскаго общества. На что же опираются горделивые утвержденія г. Струве? Можетъ быть, его открываетъ судьба прусскихъ прогрессистовъ, съ которыми кадеты имѣютъ такъ много общаго? Но это, какъ из-

вѣстно, не веселая судьба. Германская социалдемократія развивалась въ борьбѣ съ германскими кадетами, и въ настоящее время отъ этихъ послѣднихъ остались только рожки да ножки. Находятся ли русскіе кадеты въ болѣе благопріятномъ положеніи? Не думаемъ. 8 лѣтъ тому назадъ г. Струве такъ отзывался о судьбахъ русскаго либерализма: «Чѣмъ дальше на востокъ Европы, тѣмъ въ политическомъ отношеніи слабѣе, трусливѣе и *подтѣ* становится буржуазія, тѣмъ большія культурныя, политическія задачи выпадаютъ на долю пролетаріата». Уже будучи редакторомъ «Освобожденія», онъ предсказалъ русскому либерализму «прусскую» участь, если только послѣдній задумаетъ развиваться въ борьбѣ, а не въ «сотрудничествѣ» съ русской социалдемократіей. И вотъ теперь оказывается, что русской социалдемократіи вовсе не существуетъ. А «Товарищъ» съ молчаливой почтительностью приводитъ эту экспертизу либеральнаго Меньшикова.

Нѣтъ, вопреки достовѣрнымъ свидѣтельствамъ нѣсколькихъ перебѣжчиковъ, русская социалдемократія существуетъ. И если научный анализъ общественнаго развитія и политическій опытъ Европы имѣютъ какое-нибудь значеніе, то наша партія можетъ не бояться за свой завтрашній день. Вѣрно ли, однако, что сейчасъ наша партія—интеллигентская? Странно даже ставить этотъ вопросъ. Доказывать, что россійская социалдемократія—пролетарская партія не только по своей программѣ, но и по своему социальному составу, также трудно, какъ доказывать всякую вообще очевидность. Объ этомъ кричатъ всѣ факты, имѣющіе какое-либо отношеніе къ жизни партіи и пролетаріата. Произведите статистику заключенныхъ въ тюрьмахъ и вы увидите, какой процентъ среди нихъ представляютъ рабочіе—социалдемократы. Вспомните процессъ Совѣта Депутатовъ, показанія рабочихъ—свидѣтелей о политическихъ взглядахъ петербургскаго пролетаріата. Вспомните выборныя рабочія делегации въ комиссіяхъ Шидловскаго, Коковцева, Философова, вспомните совѣтъ безработныхъ, и эти факты гораздо ярче, чѣмъ голая статистика членовъ партіи, дадутъ представленіе о роли и значеніи социалдемократіи въ рабочей средѣ. Если рѣчи объ «интеллигентскомъ» характерѣ партіи чѣмъ-нибудь оправдываются, такъ это тѣмъ, что огромное и несокрушимое *поли-*

тическое влияние социалдемократии в среде пролетариата не имеет еще соответственного выражения в *организационной надстройке* партии: интеллигенция пользуется слишком большим влиянием в комитетах партии, на съездах, в прессе и пр. В какой мере это верно и насколько в этом виновна сама партия, а не внешние условия, — об этом мы сейчас говорить не станем. Здесь мы подчеркиваем лишь то, что самый вопрос о чрезмерно «интеллигентском» характере партии возник в нашей партийной литературе, как отражение несоответствия между организационным механизмом партии и огромными пределами периферии, на которую распространяется ее прямое и непосредственное влияние. Это вопрос внутренней структуры партии, а не ее социально-политических чертаний, — и потому здесь буржуазным публицистам дѣлать совершенно нечего. Интереснее всего, однако, что в болтовне об интеллигентском характере социалдемократии упражняются господа кадеты, которые устроили у себя при партии канцелярию по рабочему вопросу, работающую не в большей связи с пролетариатом, чем соответственная комиссия Столыпинского министерства.

4. Правда ли, что мы — бланкистская партия?

Подъ перомъ какого-нибудь «теоретика» изъ «Рѣчи» или «Товарища» этотъ терминъ — бланкисты — не означаетъ ничего, — потому что означаетъ слишкомъ много. Для кадета — бланкистъ или якобинецъ всякій, кто не кадетъ. Якобинцы справа, якобинцы слѣва и конституционно-демократическій центръ — вотъ кадетская схема нашей политической жизни. Для «критическихъ социалистовъ» изъ «Товарища» якобинцемъ является всякій марксистъ, всякій революціонный социалдемократъ, — поэтому, если вѣрить ихъ діагнозу, вся наша партия, въ лицѣ всѣхъ своихъ теченій, заражена проказой бланкизма.

Можно было бы не останавливаться на этомъ грозномъ діагнозѣ, который нисколько не характеризуетъ нашей партии, но достаточно опредѣленно характеризуетъ умонаправленіе оппортунистическихъ реформистовъ. Дѣло, однако, въ томъ, что обвиненіе въ бланкизмѣ тоже извлечено господами критиками

изъ нашей внутрипартийной полемики, и это происхождение какъ-бы сообщаетъ ему нѣкоторую печать основательности. Нетрудно, однако, убѣдиться, что это печать фальшивая.

За послѣдніе три года въ нашей партіи борются и поочередно господствуютъ двѣ фракціи, которыя, за недостаткомъ какихъ-либо подходящихъ политическихъ наименованій, носятъ довольно неуклюжія названія «большевиковъ» и «меньшевиковъ». Poleмическая литература обѣихъ фракцій очень богата, — слишкомъ богата. Я тѣмъ спокойнѣе могу это признать, что въ первое время самъ принималъ въ ней участіе. По разнымъ поводамъ и случаямъ большевики обвиняли меньшевиковъ въ оппортунизмѣ, въ бернштейнианствѣ; въ свою очередь меньшевики обличали большевиковъ въ яkobинизмѣ или въ анархобланкизмѣ. Я вовсе не хочу сказать, что эти взаимныя обвиненія были лишены всякаго основанія; бывали, конечно, и такіе случаи, — что совершенно неизбѣжно, разъ существуютъ двѣ фракціи; но въ общемъ для меня несомнѣнно, что подъ этой внутрипартийной полемикой, не всегда соблюдавшей необходимой политической пропорціи, кроются вполне реальныя противорѣчія нашего партийнаго развитія.

Русская социалдемократія формируется въ совершенно безпримѣрныхъ условіяхъ: будучи по самому существу своему партией массы, она вынуждена жить въ подпольѣ; будучи классовой партией пролетариата, она должна приспособлять свою тактику къ буржуазной революціи; наконецъ, стоя предъ такими сложными задачами, она опирается на массы, лишь недавно пріобщившіяся къ политической культурѣ. Въ зависимости отъ этихъ условій партийное развитіе создавало различныя опасности, иногда реальныя, иногда воображаемыя.

Тяжелая необходимость считаться въ партийномъ строительствѣ съ такой реальной величиной, какъ политическая полиція, враждебно сталкивалась съ необходимостью превратить партийный аппаратъ въ демократическую организацію самостоятельной массы. Необходимость принципиальной тактики требовала стройнаго и гибкаго партийнаго аппарата; между тѣмъ взрывчатый характеръ революціонныхъ событій, выступленіе новыхъ народныхъ слоевъ, чередованіе бури и затишья, все это крайне затрудняло работу по созданію оформленной партийной орга-

низации. Опасность оторваться от массы противостояла опасности раствориться в массе. Социалдемократическая тактика невозможна вне противопоставления пролетариата всему буржуазному обществу. Между тем, потребности «национальной» революции требовали объединения действий пролетариата и буржуазной демократии. Потребность во законченной тактике по отношению к либерализму встречала препятствие в хаотической природе самого либерализма, еще не завершившего цикла своего развития. Искусственно форсировать политическое выражение классовой борьбы значило дать революции обратный ход. Притуплять противоречия значило жертвовать классовыми интересами пролетариата и опять-таки тормозить революцию с другого конца. «Опасности» на каждом шагу. Отдельные запросы политического развития формулировались в виде фракционных платформ, которые враждебно сталкивались друг с другом. Отсюда антитезы: экономизм—политицизм; демократизм—централизм; преклонение пред стихийностью—якобинизм; оплотунизм—анархо-бланкизм; и т. д., и пр.

Отдельные запросы движения с разной силой выступают в разные периоды. Самые периоды, благодаря революционному характеру эпохи, сменяются с крайней быстротой. Иногда приходится перевооружаться в 24 часа. От руководства стачками—к политической агитации; от агитации—к руководству уличными демонстрациями. Год кампании по поводу войны. Стаечная эпопея. Период могучей открытой организации масс. Задачи массовых выступлений. Задачи парламентаризма. Снова вопросы массовых выступлений. Снова вопросы парламентаризма. Конечно, во всем этом есть внутренняя связь. Но она вскрывается не иначе, как путем противоречий. Гегемония в партии захватывает фракция, более способная, по своим особенностям, удовлетворить запросы текущего периода. Уже один тот факт, что в течение трех бурных лет, создавших столько новых групп и партий, две фракции социалдемократии продолжают существовать, не будучи в силах поглотить одна другую, достаточно ясно показывает, что ни одна из них не выражает потребностей рабочего движения в полном объеме. Введение организации в массы, накопленные опыты, выработка вождей, словом формирование рабочей

партіи происходит не путемъ планомѣрнаго извлеченія выводовъ изъ теоретическихъ посылокъ программы, а путемъ живой «междоусобной» борьбы фракцій и теченій. Нѣтъ спора, это очень «неэкономный» методъ развитія. Но предъ другими онъ имѣетъ то преимущество, что этимъ методомъ *фактически* создается наша партія. Поэтому, когда мы говоримъ о социал-демократіи, противопоставляя ее демократіи буржуазной, мы мыслимъ ее не какъ просто соединеніе фракцій, не какъ арифметическую сумму большевиковъ съ меньшевиками, а какъ живое органическое цѣлое.

Расположивъ хронологически всѣ лозунги, утвержденія и заявленія обѣихъ фракцій, можно въ нихъ безъ труда найти рядъ противорѣчій. Да это уже не разъ и дѣлалось полемистами обѣихъ фракцій. Но эти противорѣчія не имѣютъ ничего общаго съ безпринципностью. Они происходятъ оттого, что каждая изъ фракцій, отстаивая въ каждый данный моментъ путемъ полемики и борьбы опредѣленные запросы рабочаго движенія, придаетъ имъ въ силу своей фракціонной позиціи категорическое, абсолютное выраженіе. Мы не будемъ приводить примѣры такихъ «метафизическихъ» противорѣчій, такъ какъ всякому, кто размышлялъ надъ развитіемъ социалдемократіи, сказанное намъ ясно само собой; а тому, кто не задумывался надъ этими вопросами, два-три примѣра ничего не скажутъ.

Само собою разумѣется, эти общія соображенія, позволяющія намъ съ полнымъ довѣріемъ взирать на дальнѣйшія судьбы партіи, не избавляютъ насъ отъ обязанности въ каждую данную минуту анализировать лозунги, выдвигаемые той или другою фракціей, и оцѣнивать ихъ подъ угломъ зрѣнія классовой политики пролетариата. Болѣе того. Такая оцѣнка всегда предполагаетъ сведеніе тактическихъ ошибокъ къ неправильному тактическому принципу. Какъ-бы ни былъ малъ уголъ разногласія, мы всегда можемъ мысленно протянуть его стороны до безконечности и сказать нашему противнику: «смотрите, вы уклонились отъ направленія социалдемократической политики; если вы и дальше пойдете по тому же пути, то придете неизбежно къ бланкизму, оппортунизму, анархизму, либерализму» и пр. и пр. Такая полемическая операція будетъ не только методологически правильна, но и практически плодотворна.

Партизанскую борьбу съ ошибочными шагами она возводитъ на степень принципиальной борьбы съ ошибочными методами— и тѣмъ облегчаетъ побѣду. Такимъ путемъ можно показать, какъ односторонняя борьба за созданіе и сохраненіе централизованной революціонной организаціи, борьба, игнорирующая цѣлый рядъ глубокихъ запросовъ движенія, въ своемъ логическомъ развитіи приводитъ къ перенесенію методовъ бланкизма (внутри партіи пролетаріата. Можно показать, какъ односторонняя забота о поддержаніи единства «національной» революціи вынуждаетъ игнорировать внутреннюю классовую механику этой революціи и ведетъ нашу тактику на путь оппортунизма и либерализма. Отсюда ясно, что такія опредѣленія въ нашей фракціонной полемикѣ, какъ *бланкизмъ* или *оппортунизмъ*, имѣютъ очень условное значеніе. Поскольку въ нихъ не приходится видѣть простыхъ попытокъ акустически терроризировать противника, что тоже неизбѣжно во всякой фракціонной борьбѣ,—они означаютъ не больше и не меньше, какъ слѣдующее: если такіе-то ошибки, уклоненія или предразсудки возвести на степень принципа, если этотъ принципъ положить въ основу всей тактики, если эту тактику охранить отъ вліянія идей марксизма, то мы получимъ бланкистскую или оппортунистическую тактику. Разумѣется, на такой вполне законной конструкціи всегда вырастаетъ много лишнихъ наслоеній въ результатѣ фракціоннаго ожесточенія, полемическаго темперамента и всего того, что относится къ категории *Menschliches*, *allzu Menschliches* (человѣческое, слишкомъ человѣческое). Но дѣйствительные размѣры отклоненій въ ту и другую сторону видны изъ того, что обѣ фракціи не только опираются на одно и то же классовое движеніе, но и остаются въ рамкахъ общей партійной организаціи, на почвѣ общей программы, причѣмъ въ своихъ теоретическихъ столкновеніяхъ обѣ оперируютъ съ оружіемъ марксизма. Такимъ образомъ, *бланкизмъ* и *анархизмъ*, какъ термины нашей внутрипартійной полемики, имѣютъ крайне ограниченный и весьма условный смыслъ. Что же они означаютъ, когда буржуазная критика направляетъ ихъ противъ всей нашей партіи? Ничего. Или, если угодно, лишь то, что буржуазные публицисты недоброжелы партіей пролетаріата и хотѣли бы видѣть ее преобразованною—какъ?—несомнѣнно, по ихъ собственному образу и подобию.

5. Критическіе социалисты милостію кадетовъ.

Мой оппонентъ достигаетъ высоту комизма, когда заявляетъ, что *«то направление социалдемократіи, которое было до послѣднихъ времени господствующимъ, не имѣетъ никакихъ основаній кичиться успѣхами своей тактики и гордиться ими передъ нами, критиками»*. Я печатаю эти строки курсивомъ, ибо онѣ поистинѣ заслуживаютъ такого отличія. Я затрудняюсь возразить этому оппоненту просто по той причинѣ, что не знаю, совершенно не знаю, съ какими «успѣхами» критиковъ нужно сравнивать успѣхи нашей тактики. Говорю совершенно серьезно. Я вспоминаю о г. Струве, лидерѣ «критиковъ». Конечно, я не смѣю оспаривать его успѣховъ, но, насколько я понимаю, успѣхи эти относятся къ совершенно постороннему вѣдомству: для того, чтобы дѣлать то дѣло, которое дѣлаетъ Струве, нѣтъ надобности быть «критическимъ социалистомъ», совершенно достаточно быть Кутлеромъ. Г. Туганъ-Барановскій, г. Булгаковъ? Но вѣдь это ошань-таки кадеты. Кто-же еще остается? Г. Прокоповичъ да еще пара журналистовъ изъ «Нашей Жизни»? Но гдѣ-же искать ихъ политическихъ успѣховъ? Еще очень недавно эта группа критиковъ преобывала въ «Союзѣ Освобожденія», а затѣмъ когда онъ преобразовался въ кадетскую партію, они ушли изъ нея. Это очень веселая исторія о томъ, какъ проникательныя критическія куры изъ освобожденскихъ яицъ высидывали буржуазныхъ гусей,— и когда высидѣли, сами испугались, захлопали крыльями, поднялись на литературный насѣсть, нахохлились и съ тѣхъ поръ не сходятъ съ него. Имѣетъ ли г. Прокоповичъ въ виду успѣхи критическихъ социалистовъ по части созданія буржуазно-либеральной партіи? Но тогда зачѣмъ онъ самъ бѣжалъ отъ этихъ успѣховъ? Допустимъ, однако, что побѣгъ г. Прокоповича отъ успѣховъ освободенской тактики есть дѣло его личного вкуса. Оставимъ это. И за всѣмъ тѣмъ мы спросимъ: можно ли сравнить нашу социалистическую работу въ рядахъ пролетариата съ работой тѣхъ «социалистовъ», которые повернулись къ пролетариату спиною и занялись обслуживаніемъ земской оппозиціи.

Если-бы социалдемократическая интеллигенція въ свое время усвоила эту простую «критическую» тактику, у насъ было бы теперь больше на двадцать или на тридцать тысячъ кадетовъ, но политическое сознание пролетаріата стояло бы на несравненно болѣе низкомъ уровнѣ.—Г. Прокоповичъ мнѣ, можетъ быть, возразить, что онъ имѣетъ въ виду не эту работу, въ которой по существу нѣтъ ни критики, ни социализма, а есть вульгарный либерализмъ. Но тогда что же онъ имѣетъ въ виду? Что именно онъ противопоставляетъ нашей партіи?

О той части критиковъ, которые политически не приспособились, мы писали въ нашемъ предисловіи: «безъ партіи, безъ программы, безъ тактики, безъ вліянія, безъ имени, «безъ заглавія», они пріютились на литературномъ тычкѣ, на отлетѣ у кадетовъ, питаются крохами съ кадетскаго стола, брюзжатъ противъ своихъ либеральныхъ милостивцевъ и въ то же время высокомерно критикуютъ социалдемократію за ея революціонный утоцизмъ». Прочитывая часть этой фразы и пригнувъ для убѣдительности, будто онъ «опускаетъ бранныя (?) слова», г. Прокоповичъ разсуждаетъ дальше такъ: «Мы безсильны.—Кто такіе эти «мы»? Политическая партія? Но *политической партіи ревизионистовъ въ Россіи не существуетъ*. Литературное направленіе? Но зачѣмъ литературному направленію политическая тактика? Очевидно, г. Троцкий принялъ насъ за то, чѣмъ мы никогда не были. Конечно, *у несуществующей политической партіи не можетъ быть ни силы ни вліянія*» (курс. нашъ). Все это очень убѣдительно и очень краснорѣчиво. Но позвольте: вѣдь только-что намъ сказали, что у социалдемократовъ нѣтъ никакихъ основаній гордиться предъ критиками успѣхами своей тактики. Теперь оказывается, что у самихъ критиковъ нѣтъ не только никакихъ успѣховъ, но нѣтъ и самой тактики, и даже надобности въ ней не представляется. Какъ хотите, это странно. Очевидно, что какъ-бы ни были малы успѣхи социалдемократіи, у нея есть достаточно основаній гордиться тѣмъ обстоятельствомъ, что она не заняла позиціи ревизионизма, которая—по условіямъ времени и мѣста—не только не награждаетъ тактическими успѣхами, но даже не предъявляетъ на нихъ никакого спроса. Вѣдь социалдемократія, господа, это не газетная редакція, не семейно-политическій клубъ, это—партія.

А затѣмъ—что это за пустяки вы спрашиваете: «зачѣмъ литературному направленію политическая тактика?» Развѣ мы говоримъ о направленіи въ области литературной эстетики? Нѣтъ, мы говоримъ о *политическомъ* направленіи, которое въ васъ находитъ своихъ литературныхъ выразителей. И если этому литературно-политическому направленію нѣтъ мѣста среди фактовъ жизни, это значитъ только, что оно *безжизненно*. Или вы сами принимаете какія-нибудь превентивныя мѣры, чтобъ отъ соприкосновенія вашего литературнаго направленія съ живыми силами жизни не зародилось ничего живого? Странное политическое мальтузианство! Не потому ли, если такъ, было прекращено изданіе «Безъ заглавія», что его литературный успѣхъ грозилъ превратить ревизионизмъ въ политическую силу? Нѣтъ, господа литературное направленіе, я васъ ни на минуту не «принималъ за то, чѣмъ вы никогда не были»,—я принялъ васъ за листъ газетной бумаги—не болѣе и не менѣе. Но г. Прокоповичъ намекаетъ на то, что этотъ листъ газетной бумаги имѣетъ какое-то большое «литературное» значеніе. «Если мы и какъ литературное направленіе безсильны и неважнѣльны,—пишетъ онъ,—тогда, конечно, положеніе наше весьма тяжелое». Мы, конечно, не станемъ отрицать вліянія «Нашей Жизни», особенно въ до-«конституціонный» періодъ ея существованія, но мы полагаемъ, что это было вліяніе политическое, а не литературное,—и какъ таковое, оно цѣлкомъ шло на службу буржуазному либерализму. «Наша Жизнь» имѣла въ извѣстномъ смыслѣ свою «тактику»—тактику концентрации интеллигенціи вокругъ земскаго знамени. Въ періодъ первыхъ выборовъ «Наша Жизнь» была органомъ кадетской избирательной агитаціи. Все это означаетъ, что *объективно* г. критические социалисты имѣли вліяніе только, какъ либералы, что они фактически питались политическими крохами съ кадетскаго стола. Либералы ихъ милостиво терпѣли и терпятъ въ сферѣ своего вліянія,—почему? да потому, что «социализмъ» г. Прокоповича образовывалъ для нихъ прикрытіе на лѣвой границѣ; своей критической стороною онъ направленъ всецѣло противъ социалдемократіи, а не противъ либерализма.

6. Сенсациі г-жи Курдюковой дань л'эстранже.

«...Уроки жизни поразительно совпадают съ тѣмъ, что мы говорили 6—8 лѣтъ назадъ... Не мы читаемъ нотацію социалдемократамъ, а жизнь безжалостно учитъ ихъ. Мы только регистрируемъ эти уроки и радуемся побѣдамъ жизни надъ мертвой догмой».

Я почти сожалью, что взялся за эту работу. Приходится возиться въ мусорѣ маленькихъ разрозненныхъ мыслей, которыя стремятся прицѣпиться къ вѣрнымъ или невѣрнымъ, но несомнѣнно серьезнымъ критическимъ мыслямъ, идущимъ изнутри нашей собственной партіи. Всесторонняя партийная полемика есть одна изъ формъ, и вовсе не маловажная, гласной борьбы. Партія наша въ настоящее время лишена ежедневной прессы, которая отвѣчаетъ на ударъ ударомъ, а иногда—двумя и тремя ударами. Между тѣмъ либеральная пресса изо дня въ день занимается критикой нашей партіи, критикой безъ системы и метода, какимъ-то газетнымъ браконьерствомъ, проницательными намеками, пренебрежительными словечками и вылазками, внѣшняя корректность которыхъ подчасъ тѣмъ безупречнѣе, чѣмъ возмутительнѣе ихъ внутренняя фальшь. Я почти сожалью, что взялся за эту работу. Но не дѣлать ея нельзя. Партія не можетъ жить увѣренностью, что фальшивыя нападки сами собой износятся, что глубокомысленныя подмигиванія, за которыми нѣтъ никакого глубокомыслія, неизбежно потеряютъ кредитъ, и что такимъ образомъ—«все минется, одна правда останется». Да, въ концѣ концовъ, все это неизбежно совершится. Но сейчасъ, въ эту минуту, паутина и мусоръ либеральныхъ и «ревизионистскихъ» подмигиваній, поученій, примѣчаній и наставленій не могутъ не осѣдать въ сознании такихъ элементовъ, которые мы хотимъ удержать за собою или только еще завоевать. Этого мало. Безпринципная критика либеральной прессы, не встрѣчая необходимаго отпора, не только задерживаетъ внѣшній ростъ партіи, но и тормозитъ ея внутреннее развитіе. Въ нашей партіи самокритика всегда занимала огромное мѣсто и служила незамѣнимымъ орудіемъ ея развитія.

Но теперь, прежде чѣмъ та или другая критическая мысль получить спокойную оцѣнку, буржуазная пресса—при отсутствіи прессы социалистической — успѣваетъ скомпрометировать ее своей сочувственной или недоброжелательной передачей. Она вырываетъ ее изъ живого контекста нашей партійной мысли, дробитъ на части и затѣмъ эти осколки, украшенные либеральными бубенцами и погремушками, волочитъ по своимъ столбцамъ. А затѣмъ является безсмертная *m-me de Kourdukoff* и излагаетъ свои «сенсации и замѣчанія» въ формѣ окончательныхъ постановленій.

Вотъ журналъ «Былое». Это органъ *безпартійный*, какъ онъ самъ себя рекомендуетъ; издается подъ редакціей бывшаго марксиста В. Богучарскаго,—слѣдовательно, какъ разъ подходящее мѣсто для злостныхъ вылазокъ противъ социалдемократической партіи. Здѣсь, подъ видомъ рецензіи на спокойный и чисто-дѣловой докладъ т. Дана Амстердамскому конгрессу, г-жа Кускова шипящими и свистящими звуками описываетъ мрачныя и кровавыя преступленія злонамѣреннаго сообщества социалдемократовъ,—преступленія, совершенныя не то противъ пролетаріата, не то противъ г-жи Кусковой. Эта писательница подвергаетъ безпощадному разсмотрѣнію исторію нашей партіи и приводитъ къ выводу, что всѣ наши бѣды произошли отъ нашего невниманія къ указаніямъ самой г-жи Кусковой. «Мы когда-то сдѣлали эту наивность (попробовали «учить» русскихъ социалдемократовъ),—пишетъ въ свою очередь г. Прокоповичъ,—но это было очень давно: въ концѣ 90-хъ гг... Мы скоро убѣдились въ бесполезности этого занятія—и ушли». Что же случилось послѣ того? Жизнь дала этимъ господамъ полное удовлетвореніе. Такъ говоритъ г. Прокоповичъ,—ибо строки, приведенныя въ началѣ этой главы, написаны имъ.

Чему учили и что предсказывали эти господа 6—8 лѣтъ тому назадъ? Вотъ чему они учили:

«Линія наименьшаго сопротивленія (въ рабочемъ движеніи) у насъ никогда не будетъ. *Игра зена въ сторону политической дѣятельности.* Невозможный политическій гнетъ заставитъ много говорить о немъ, именно на этомъ вопросѣ сосредоточивать вниманіе, но никогда не заставитъ *снѣ практически дѣйствовать*».

«...Слабыя силы русских рабочих... стоятъ предъ стѣной политическаго гнета и не только не имѣютъ практическихъ путей для борьбы съ нимъ, а, слѣдовательно, и для своего развитія, но даже систематически душатся ими и не могутъ пу- скать даже слабыхъ ростковъ».

«Если прибавить къ этому, что рабочій классъ нашъ не получивъ въ наслѣдіе того организаціоннаго духа, какимъ отли- чались борцы Запада,—то картина получится удручающая и способная *повернуть въ уныніе самого оптичистическаго марксиста*»...

«Разговоры о самостоятельной рабочей политической партіи суть не что иное, какъ продуктъ переноса чужихъ задачъ, чужихъ результатовъ на нашу почву».

Вотъ что они предсказывали и вотъ чему они учили 6—8 лѣтъ тому назадъ, и вотъ какія ихъ предсказанія жизнь ве- ликокопно подтвердила!

Мы привели выше дословно выводы такъ называемаго «Средо», написаннаго г-жей Кусковой. Мы опустили за нена- добностью теоретическія предпосылки автора и соображенія о ходѣ рабочаго движенія въ Западной Европѣ,—ученыя сообра- женія, которыя до чрезвычайности напоминаютъ «сенсации и замѣчанія» воспѣтой нѣкогда Мятлевымъ г-жи Курдюковой «за границей, данъ л'этранже». Сама г-жа Кускова въ рецензіи на книжку Дана приводитъ изъ «Средо» нѣсколько сравнительно не- винныхъ, хотя достаточно безграмотныхъ въ своемъ родѣ мѣствъ и заявляетъ: «Выводить изъ «Средо» буржуазный либерализмъ можетъ лишь тотъ, кто читалъ «Средо» не для идей, а... для ругательства». Г-жа Курдюкова! «Буржуазный либерализмъ»— не ругательство, а названіе опредѣленнаго общественнаго дви- женія. Если этого не можетъ вмѣстѣть какой-нибудь самобыт- ный пошехонскій «соціалетъ», вроде г. Пѣшехонова, то Богъ его проститъ, какъ и мы его прощаемъ. Но стыдно этого не знать «критическому» соціалисту, обревизовавшему судьбы про- летаріата данъ л'этранже! А затѣмъ мы позволимъ себѣ поста- вить на видъ столь сердитому критику, что изъ «Средо» нѣтъ никакой надобности *выводить* буржуазный либерализмъ,—со- вершенно достаточно процитировать слѣдующій основной вы- водъ, сдѣланный самимъ авторомъ:

«Для русского марксиста исходъ одинъ: участіе, т.-е. *помощь экономической борьбѣ пролетаріата и участіе въ либерально-оппозиціонной дѣятельности*».

Либерально-оппозиционная дѣятельность, это—синонимъ буржуазнаго либерализма; и кто зоветъ русскихъ марксистовъ отказать отъ фантастическихъ надеждъ на созданіе рабочей партіи и принять участіе въ либерально-оппозиціонной дѣятельности, тотъ, очевидно, зоветъ ихъ въ лагерь буржуазнаго либерализма. Правда, г-жа Кускова рекомендовала сверхъ того еще «помощь экономической борьбѣ пролетаріата»; но такая помощь не только не исключается буржуазнымъ либерализмомъ, наоборотъ, предполагается имъ. Развѣ конституціонно-демократическая буржуазія не горитъ желаніемъ оказать «помощь» профессиональнымъ союзамъ пролетаріата?

Правда, всѣ ея попытки въ этомъ направленіи представляютъ покушенія съ негодными средствами; но вѣдь и средства г-жи Кусковой тоже оказались никуда не годными. Правда, призывая русскихъ марксистовъ въ лагерь буржуазнаго либерализма, г-жа Кускова руководилась самыми лучшими чувствами къ пролетаріату, но кому какое дѣло, позвольте спросить, до лучшихъ чувствъ г-жи Кусковой, развѣ практически она сама переселилась и другихъ съ собой звала въ лагерь буржуазнаго либерализма. Вѣдь это же, наконецъ, фактъ! Вѣдь это же не только въ «Credo» напечатано. Вѣдь это же и въ дѣйствительности совершилось: изъ соц'алдемократіи г-жа Кускова ушла и вступила въ буржуазно-демократическій «Союзъ Освобожденія». Чѣмъ же объяснить развязное утвержденіе, будто выводить изъ «Credo» буржуазный либерализмъ можно только «для ругательства»? Неужели простымъ стыдомъ за прошлое? Ахъ, г-жа Курдюкова!.. Нехорошо!.. Простите, но я вспоминаю мораль пѣсни: если умѣлъ воровать, умѣй и отвѣтъ держать.

Это тѣмъ болѣе обязательно, что изъ «Credo» г-жи Кусковой, какъ и изъ тогдашнихъ писаній г. Прокоповича, и нельзя было сдѣлать никакого другого вывода, кромѣ призыва марксистской интеллигенціи въ ряды буржуазной оппозиціи. Развѣ до наступленія (какимъ путемъ?) политической свободы не могло быть и рѣчи объ организаціи самостоятельной рабочей партіи и даже о политической агитаціи среди широкихъ пролетарскихъ

массъ, то всякій марксистъ, который не хотѣлъ быть Донъ-Кихотомъ и въ то же время не расположенъ былъ лежать на печи, *долженъ* былъ вступать на ту единственную почву, которая давала возможность политической дѣятельности—на территорию буржуазнаго либерализма. Такой выводъ былъ совершенно обязательенъ, и грѣхопаденіе ревизионистовъ не въ томъ, что они сдѣлали этотъ правильный практическій выводъ, а въ томъ, что они наивно принимали внушенія коротенькаго «здраваго смысла» за надежныя предпосылки реалистической политики. И вмѣсто того, чтобы стыдиться правильного вывода,—ложное чувство, сударыня!—г-жѣ Кусковой слѣдовало честно отказаться отъ мысли о невозможности нелегальной политической дѣятельности въ широкихъ рабочихъ массахъ,—предразсудоеъ, столь великолѣпно поправный ходомъ событій. Но именно этого-то и не дѣлаетъ г-жа Кускова. Съ упрямствомъ, которое было бы почти трогательнымъ, если-бъ не было такимъ комичнымъ, она доказываетъ, что событія пошли именно по тому пути, какой предсказали гг. М. М., N.N., Петръ Ивановичъ Бобчинскій и Петръ Ивановичъ Добчинскій, въ 1900 г., проживая за границей, данъ л' этранже. Но въ сущности тутъ нѣтъ ничего трогательнаго: просто мелочная попытка увѣрить кого-то, что за эти шесть лѣтъ социалдемократія не дѣлала ничего, кромѣ глупостей, и что поэтому m-me de Kour dukoff оказала пролетаріату истинное благодѣяніе, состоя въ ординарцахъ при либеральной земщинѣ. Ахъ, сударыня, исторію нельзя обмануть!

О самомъ «Средо» которое мы выше цитировали, г-жа Кускова уютнымъ голосомъ, отнюдь не свистящими и не шипящими звуками, рассказываетъ очень-очень милую сказочку въ стилѣ Андерсена. Знаете ли, жили за границей два человѣка: N. N. и M. M. Разсуждали объ ортодоксальномъ марксизмѣ и о похоронныхъ кассахъ. Пожили и домой поѣхали. На границѣ N. N. былъ арестованъ: это случается и съ ревизионистами. А M. M. пріѣхалъ въ Петербургъ и тутъ продолжалъ бесѣдовать на «острыя темы марксизма». «Однажды къ M. M. обратились съ просьбой формулировать свои взгляды на спорные вопросы, чтобы удобнѣе было въ спорѣ опереться на что-либо стройное и цѣльное». И тогда M. M.—«одинъ, безъ всякихъ соучастниковъ (!)»—но, повидимому, съ явнымъ разумѣніемъ совершае-

маго—изложилъ свои взгляды «на бумаженкѣ» (какъ на грѣхъ, подъ руками не оказалось ни пергамента, ни папируса). М. М. совсѣмъ и забылъ о своей «бумаженкѣ», анъ эта копеечная бумаженка обернулась въ «Средо», вызвала много шума и стала въ нѣкоторомъ родѣ «историческомъ документомъ». Наконецъ, въ завершенье всего прочаго, выясняется, что авторомъ «Средо» былъ не какой-нибудь коварный и опасный врагъ пролетаріата, а просто г-жа Кускова. «Вотъ какъ дѣлается исторія», милые дѣти,—такова мораль этой трогательной до слезъ сказочки...

Тутъ же г-жа Кускова курсивомъ жалуется на то, что Плехановъ опубликовалъ ея *частныя* письма въ своемъ *Vademecum*ѣ. Возможно, что это было очень нескромно со стороны Плеханова: но вѣдь письма-то эти были все-таки написаны г-жей Кусковой, и то обстоятельство, что они были частныя, нисколько не дѣлаетъ ихъ умнѣе. Вообще нужно сказать, что жалобы г-жи Кусковой на чрезмѣрную знаменитость ея частныхъ писемъ и ея программныхъ «бумаженокъ» очень напоминаютъ жалобы уже знакомой г-жи Курдюковой на Иосифа Гутенберга:

Изобрѣлъ эмпримери,—
Посудите, же ву при,
Каково его открытье!
Ужь теперь среди людей
Нѣтъ секретовъ; невозможно
Слово молвить осторожно...
Полетить, какъ окриленной,
Твой бон-мо по всей вселенной».

А потомъ, черезъ 6—8 лѣтъ, приходится доказывать, съ одной стороны, что «бон-мо» было сказано случайно и безъ соучастниковъ, а съ другой стороны, что жизнь пошла точъ-въ-точъ такъ, какъ предрекала г-жа Курдюкова, собирая политическія сенсаци и замѣчанія за границей, данъ л' этранже!

«Посудите, же ву при». легко ли это доказать?

7. Всегда въ рядахъ пролетаріата!

Можно, конечно, рассуждать такъ: но вѣдь русскіе ревизионисты ушли въ буржуазную оппозицію именно съ той цѣлью,

чтобы бороться за создание необходимых условий для развития социалдемократической партии. Таким образом, они приносили дѣлу пролетариата тяжелую жертву: во имя социализма они временно отказались от него, обкарнали даже свой демократизмъ и принудили себя дышать затхлымъ воздухомъ земскаго либерализма. Развѣ ростъ буржуазной демократіи, ради котораго поработали ревизионисты, не приноситъ прямыхъ выгодъ партиі пролетариата?

Это разсужденіе, въ общемъ, совершенно справедливо. Развитие буржуазной демократіи несомнѣнно идетъ на пользу пролетариату, но лишь постольку, поскольку оно происходитъ за счетъ темноты, отсталости или пассивности тѣхъ или другихъ группъ и классовъ, но не за счетъ социалистической демократіи. Последняя, неутомимо борясь за упроченіе своего вліянія, должна въ тоже время въ своихъ собственныхъ интересахъ способствовать поступательному движенію буржуазной демократіи, должна «толкать» ее въ спину, а не въ грудь. Когда же моя поддержка демократіи выражается въ тѣмъ, что я, хотя-бы «скрѣпя сердце», ухожу изъ формирующейся партиі пролетариата въ формирующуюся буржуазную партию и зову за собой другихъ, я тѣмъ наношу прямой и непосредственный ущербъ дѣлу социализма, хотя моя дальнѣйшая политическая дѣятельность, оставаясь по существу своему буржуазной, можетъ косвенно благопріятствовать развитію социалдемократіи. Но для того, чтобы оказывать партиі пролетариата *такую* услугу, нѣтъ никакой надобности быть «критическимъ» социалистомъ, — совершенно достаточно быть Милюковымъ или Родичевымъ. Въ концѣ концовъ, вѣдь и ростъ техники и развитіе торговаго оборота въ странѣ способствуютъ дѣлу социалдемократіи, изъ чего вовсе не слѣдуетъ, что мы, по старому совѣту народниковъ, должны заводить фабрики или открывать лавки. Далѣе, можно съ полнымъ правомъ утверждать, что созданіе всякой организациі въ аморфныхъ народныхъ массахъ, совершенно независимо отъ субъективнаго намѣренія инициаторовъ, служитъ въ конечномъ счетѣ революціи и социализму. Достаточно высказать эту мысль, чтобы тотчасъ-же вызвать воспоминаніе о зубатовщинѣ и галонадѣ. «Разъ ходъ исторіи опредѣлился, — повторимъ мы прекрасныя слова Родбертуса, — ему помогаетъ все:

истина и безуміе, справедливость и беззаконіе, благословеніе и проклятіе».

Какovy ни были намѣренія ревизионистовъ при ихъ переселеніи въ «Сюзъ Освобожденія», они не могутъ не знать, что объективный смыслъ политической дѣятельности опредѣляется ея *методомъ*, а не субъективной *целью*. Методъ выражается въ дѣйствіяхъ, въ актахъ, которые получаютъ свое объективное бытіе, и мнѣ не дано уже вырѣзать изъ жизни то, что я внесъ въ нее, хотя-бы самъ я и отказался отъ своей цѣли. Г. Струве написалъ первый манифестъ социалдемократической партіи, въ которомъ онъ, между прочимъ, говорилъ объ имманентной подлости русскаго либерализма,—и сколько-бы онъ теперь ни лгалъ на нашу партію, сколько-бы ни отрицалъ ея существованіе, написанный имъ манифестъ вошелъ неискоренимой составной частью въ ея развитіе. Методъ—это все. Въ концѣ концовъ, онъ подчиняетъ себѣ наше сознаніе, если оно находится съ нимъ въ противорѣчій, и противъ нашей воли подсовываетъ намъ новую цѣль. Социалистъ, совершающій либеральную работу ради социализма, въ концѣ концовъ обыкновенно самъ превращается въ либерала. Въ политико-философской драмѣ Лассала «Францъ фонъ-Сикингенъ» есть такія строки:

«Das Ziel nicht zeige,—zeige auch den Weg; —
Denn so verwachsen sind hinteden Weg und Ziel,
Dass Eines stäts sich ändert mit dem Andern
Und andrer Weg auch andres Ziel erzeugt...»
(Не только цѣль дай мнѣ, открой мнѣ также путь:
Срастаются такъ тѣсно цѣль и средство,
Что измѣнись одно, измѣнится другое;
Рождаетъ цѣль новую путь иной...).

Изъ этихъ четырехъ строкъ можно развернуть всю философію социалдемократической тактики, всегда революционно-принципальной и, по тому самому, наиболее реалистической. Сдѣлать цѣль своимъ субъективнымъ достояніемъ и затѣмъ предоставить собственному глазомѣру выборъ *метода* дѣйствій, отъ случая къ случаю, значить балансировать на грани, отъ которой два поватыхъ пути: одинъ—къ бланкизму, другой—

къ дипломатирующему реформизму. Между старым бланкизмом, который полагалъ центр тяжести революционной политики въ инициативѣ и рѣшительности социалистовъ-заговорщиковъ, и между нынѣшнимъ оппортунизмомъ, который переносить этотъ центр тяжести въ область реалистическихъ сдѣловъ съ агентами власти или представителями буржуазныхъ интересовъ, существуетъ самое тѣсное внутреннее сродство. Оба они—и бланкизмъ и реформизмъ—могутъ околько угодно клясться именемъ массы, но для обоихъ—суть политика, ея квинтъ-эссенція, ея поэзія, ея эстетика—внѣ массы. Въ одномъ случаѣ—*инициатива*, въ другомъ—*тактъ*; тамъ—*заговоръ*, здѣсь—*соглашеніе*; и тамъ и здѣсь всегда нужны большія кулисы, отдѣляющія «вождей» отъ массы; и тамъ и здѣсь вѣтъ пониманія, что социалистическая политика—это *масса въ дѣйствіи*. Если вы уходите отъ рабочей массы для того, чтобы въ сторонѣ что-то такое сдѣлать для ея благополучія, то мнѣ уже все равно, куда вы уходите: для того ли, чтобы бросить бомбу подъ экипажъ Плеве, или для того, чтобы воспользовавшись эффектомъ этой бомбы, хлопотать вокругъ земскаго съѣзда въ Москвѣ. Социалистическая тактика не можетъ игнорировать ни бомбы, ни земскаго съѣзда; она учитываетъ и то и другое, ни не внѣ пролетариата, а въ его средѣ. Пробуждать дремлющее классовое сознание массы, вносить организаціонныя ячейки въ ея хаотическую среду, воспитывать рабочихъ-вождей на каждой фабрикѣ, въ каждой мастерской, связывать разрозненные части великаго дѣла воедино, если можно—матеріальной организаціей, если нельзя—хотя-бы нематеріальными нитями классовой солидарности, вотъ истинно социалистическое дѣло, вотъ работа, которую наша партія честно выполняла и выполняетъ въ ужасающихъ условіяхъ самодержавной тиранніи и которую я называлъ въ предисловіи къ моей книгѣ «великимъ дѣломъ». Ницѣ духомъ пошляки и отравленные собственнымъ ничтожествомъ скептики скалили зубы по поводу моихъ словъ. Но изъ за ихъ зубовъ, оскаленныхъ ихъ глумленьемъ, проглядываетъ только ихъ золотушная филистерская душонка—и ничего болѣе!

Мы всегда считали, что каждое маленькое зерно, которое намъ удастся внести въ житницу социалистическаго сознания,

безконечно важнѣе не только большой банки динамита, но и великаго земскаго паомничества изъ Москвы въ Царское Село; важнѣе не только для нашей конечной социальна-революціонной цѣли, но и для ближайшихъ задачъ политическаго раскрѣпленія.

Было бы наивнымъ политическимъ нигилизмомъ утверждать, что внѣ пролетаріата нѣтъ мѣста политической дѣятельности, или отрицать, что земская оппозиція, а также «Союзъ Освобожденія», какъ предтеча конституціонно-демократической партіи, сыграли извѣстную роль въ освободительной борьбѣ. Но именно потому, что это такъ, социалистическая тактика должна была эту вышнюю для нея работу уметь; а для этого социалистамъ нужно было не уходить отъ пролетаріата, а оставаться въ его средѣ. Кто звалъ «русскихъ марксистовъ» къ работѣ въ средѣ либеральной оппозиціи, тотъ совершалъ преступленіе противъ пролетаріата. «Неистовая» борьба «Искры», имя которой наши ревизионисты произносятъ не иначе, какъ съ пѣной у рта, была въ первую голову направлена на то, чтобы идейно закрѣпить лучшую часть интеллигенціи за дѣломъ пролетаріата. И если тенденціи «Credo» вмѣли сравнительно незначительный успѣхъ, то этимъ наша партія въ значительной мѣрѣ обязана блестящей кампаніи «Искры» и «Зари».

«Что сдѣлано было,—допрашиваетъ меня г. Проконовичъ,— что сдѣлано было съ социалдемократическими рабочими организаціями, сложившимися подъ вліяніемъ рабочедѣльцевъ въ донскровскій періодъ?—Онѣ были уничтожены», гремитъ обличающій голосъ.

Каинъ, гдѣ братъ твой Авель?—Ты убилъ его. Объ этомъ дѣяніи социалдемократіи съ глубокимъ трагизмомъ говорить и г-жа Кускова: «черная страница исторіи», «мрачная страница исторіи»...

Высокій тонъ обличенія очень эффектенъ и производитъ почти потрясающее впечатлѣніе; но смысла тутъ все-таки немного. Искровцы уничтожили рабочія социалдемократическія организаціи. Какъ уничтожили? Какими средствами? Вѣдь вотъ полиціи же не удавалось уничтожить организаціи, хотя у нея гораздо больше силы и средствъ? Почему-же это удалось «искровцамъ»? И какимъ это образомъ организаціи, отвѣчающія потребностямъ

рабочаго движенія, могутъ быть уничтожены кучкой сумасбродныхъ интеллигентовъ,—ибо такими выходятъ искровцы въ вашемъ изображеніи? Гдѣ же тогда вообще искать гарантій дальнѣйшаго развитія партіи, если со стороны могутъ въ любой моментъ прійти десятковъ маняковъ и не оставить камня на камнѣ въ рабочихъ организаціяхъ?

Понвидимому, я долженъ вамъ объяснить, господа, что рабочія организаціи, о которыхъ вы говорите, не были кѣмъ-то механически уничтожены, а просто изжили себя въ процесѣ роста партіи и измѣненія ея задачъ. Старыя ячейки были гораздо ближе по типу къ профессиональнымъ, чѣмъ къ политическимъ союзамъ; поэтому онѣ оказались совершенно неприспособленными, когда подвинулись со стихійной силой потребности политической агитации; эти рабочія организаціи, все равно, распались бы, если-бы искровцы даже не принимали противъ нихъ никакихъ адскихъ мѣръ. Сама «Искра» была выраженіемъ политическихъ запросовъ движенія. Лозунги, которые она выдвигала, были идейнымъ знаменемъ для новыхъ организаціонныхъ образованій; сюда естественно притекали наиболѣе, приспособленные элементы изъ старыхъ ячеекъ. Какъ бы мы низко ни стали оцѣнивать политическое содержаніе, внесенное въ партійную жизнь «Искрой», несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что ея побѣда была результатомъ превосходства тѣхъ идей, которыя она представляла. Новые запросы, какъ всегда, создали фракцію. Старыя тенденціи, какъ всегда, стремились консервироваться. Побѣдило, разумѣется, прогрессивное теченіе. Въ борьбѣ фракцій, какъ всегда, было много лишнихъ треній. Но поднимать черезъ 3—4 года вопль о томъ, что варвары—искровцы «уничтожили» складывающую партію, принеся въ жертву своимъ предрасудкамъ рабочія организаціи, значитъ обнаруживать великую примитивность собственнаго мышленія.

Періодъ «Искры», какъ мы уже указали выше, вообще не даетъ спать господамъ ревизионистамъ, они изображаютъ его такъ, какъ благочестивые лѣтописцы описывали нашествіе язычниковъ: пришли, иное повырубили, иное выггли, женъ и дѣвъ подвергли сраму, младенцевъ*) избили... Теперь все это,

*) Сирѣчь «критическихъ» социалистовъ.

писать г. Прокоповичъ, принадлежить прошлому. «Теперь, напримеръ, одинъ изъ уважаемыхъ основателей русской социал-демократіи ведетъ широкую агитацію въ пользу созыва рабочаго съѣзда, въ противоположность партійному. Что это, какъ не ликвидація искровскаго періода?»

Такимъ образомъ, у г. Прокоповича рѣчь идетъ не о ликвидаціи отрицательныхъ сторонъ «искровскаго періода» — работа, давно предпринятая самими «искровцами», — а о ликвидаціи *всей партіи*, какъ недоразумѣнія, выросшаго изъ эпохи монгольскаго, то-бишь, искровскаго ига. При этомъ г. Прокоповичъ въ союзники себѣ беретъ П. Б. Аксельрода. Я позволю себѣ привести нѣсколько строкъ изъ частнаго письма т. Аксельрода, которое я получилъ*) до полемиической статьи г. Прокоповича, но которое достаточно характеризуетъ антипартійную безцеремонность этого послѣдняго. «Объ апелляціи къ пролетариату черезъ головы социалдемократической интеллигенціи, — пишетъ т. Аксельродъ, — въ данномъ случаѣ *смѣшно и неслыно говорить*; вообще для меня центръ тяжести лежитъ въ подготовительной, пропагандистской, агитаціонной и организаціонной работѣ. Я дѣлаю все зависящее отъ меня, чтобы отсрочить начало агитаціи за съѣздъ до того момента, когда *общественное мнѣніе партіи достаточно опредѣлится*, съ одной стороны, и когда, путемъ и на почвѣ литературныхъ дебатовъ и бесѣдъ въ партійныхъ кружкахъ и собраніяхъ, рефератовъ и т. д., работается персоналъ пропагандистовъ, агитаторовъ и организаторовъ, способныхъ взять на себя *отъ имени и по порученію партіи* начинъ въ дѣлѣ подготовки созыва рабочаго съѣзда.» Какъ видите, это очень далеко отъ противопоставленія класса — партіи!

Такъ какъ г. Прокоповичъ съ уваженіемъ ссылается на П. Б. Аксельрода, взгляды котораго всегда были и остаются очень авторитетными и для меня, то мы, очевидно, нашли «инстанцію», съ мнѣніемъ которой оба готовы считаться. Я приведу поэтому отзывъ т. Аксельрода о предметѣ, который не можетъ не интересовать ни г. Прокоповича, ни г-жу Бускову.

«Въ самый разгаръ увлеченія партіи узкимъ экономиз-

*) Въ отвѣтъ на свое письмо, напечатанное въ этомъ сборникѣ.

момъ, — говоритъ Аксельродъ въ своей на дняхъ вышедшей брошюрѣ, — я указывалъ на его *антисоціалдемократическую* тенденцію, направленную къ подготовленію политической гегемоніи и опеки *демократической буржуазіи надъ пролетариатомъ*. Меня за то обвиняли въ «неосновательныхъ опасеніяхъ». Но очень скоро авторы извѣстнаго «Credo» (слушайте, слушайте, авторы «бумаженки»!) подтвердили мои опасенія, выставивъ, какъ *желательную цѣль*, то, что я характеризовалъ, какъ *объективную тенденцію*.» *) Надѣюсь, эти слова не требуютъ никакихъ комментаріевъ?

8. Еще о злопыхательномъ безпристрастіи.

Упомянутый выше докладъ Дана представляетъ краткій очеркъ движенія за время 1900—1904 г.г. Авторъ ничего не прикрасиваетъ. Наоборотъ, если его можно въ чемъ обвинить, такъ это въ выдвиганіи на передній планъ недостатковъ партійной дѣятельности, иногда даже съ нарушеніемъ необходимой перспективы. Но авторъ имѣлъ въ виду читателя — социалиста, который обращается къ очерку развитія русской секціи международной социалдемократіи не для того, разумѣется, чтобы вѣшать на свою партію дохлахъ собакъ. Другое дѣло г-жа Кускова. Изъ своей рецензіи она умудрилась сдѣлать злостный пасквиль. Основной тезисъ г-жи Кусковой очень простъ: «закономѣрно развивающееся русское рабочее движеніе *не нашло* въ социалдемократіи своей руководительницы» («Былое», № 10, стр. 320). Нѣтъ ничего легче, какъ доказать это положеніе, — и притомъ не только по отношенію къ русской, но и по отношенію къ нѣмецкой социалдемократіи. Партійная организація представляетъ даже въ Германіи незначительную величину по сравненію съ численностью класса. Конечно, политическое вліяніе партіи очерчивается гораздо большимъ радіусомъ, чѣмъ ея организаціонная периферія. Но и въ Германіи имѣются еще широкіе слои рабочихъ, остающіеся внѣ непосредственнаго по-

*) П. Б. Аксельродъ. «Двѣ тактики», С.П.Б., 1907.

литического влияния социалдемократии. Наконец, в рамках своего влияния партия далеко не равномерно и далеко не полно удовлетворяет *есть* запросы рабочего движения. Этими щелями, остающимися между партией и классом, пользуются буржуазные политики, чтобы просунуть туда свой нос, а если щель достаточно широка, то и руку... Таким образом, и германская социалдемократия, гордость рабочего интернационала, не может быть названа руководительницей рабочего движения *съ абсолютномъ смыслъ этого слова*. Но можно ли вообще применять абсолютный критерий къ такимъ живымъ организмамъ, какъ политическія партии? Социалдемократия есть слияніе научнаго социализма съ массовымъ рабочимъ движениемъ. Это сложный и многообразный *процессъ*, проходящій черезъ длинный рядъ внутреннихъ процессовъ. Если мы обращаемся къ исторіи социалдемократии «для идей, а не для ругательствъ», — да простится мнѣ это не совсемъ грамотное выраженіе г-жи Кусковой, — то слѣдуетъ поставить вопросъ о роли партии въ его *исторической формѣ*: разрослась ли социалдемократия, углублялось ли ея влияние, словомъ, *приближалась ли она къ роли руководительницы массоваго рабочаго движения?* Такая постановка вопроса даетъ правильный критерій для оцѣнки прошлой дѣятельности партии; путемъ добросовѣстнаго анализа можно выяснитъ, какія изъ ея внутреннихъ тенденцій были исторически неизбежны и прогрессивны; какія должны быть отнесены на счетъ ошибокъ, ложныхъ взглядовъ, доктринерства и увлеченій. Объективный историческій анализъ даетъ мѣсто для плодотворной политической морали. Но если мы задаемся цѣлью доказать, что русская социалдемократия, какъ таковая, не является руководительницей рабочаго движения, какъ такового, — тогда задача страшно упрощается и становится доступной даже г-жѣ Кусковой: нужно подобрать десятокъ фактовъ отрицательнаго характера, примѣры ошибокъ партии, внутреннихъ раздоровъ, противорѣчій и промаховъ. Мѣсто историческаго анализа занимаетъ подборъ уликъ. Это тотъ самый методъ, какимъ апологеты православной церкви доказываютъ мерзость римско-католической ереси. Въ этомъ не только смыслъ статейки г-жи Кусковой, но и сущность всей критики, направляемой ревизионистами противъ самой партии. Такъ «дѣйстви-

еть», как мы уже видели, г. Прокоповичъ. А «критическимъ» изживеніемъ этихъ господъ живетъ вся либеральная пресса, которая по вопросамъ социализма своихъ словъ еще не имѣетъ.

Г. Прокоповичъ *противопоставилъ* партіи Советъ Депутатовъ. Г-жа Кускова останавливается на другихъ моментахъ нашей исторіи. Она говоритъ объ удачныхъ опытахъ полицейской демагогіи, о массовомъ движеніи зубатовцевъ и гапоновцевъ наряду съ организационной изолированностью социалдемократіи.

Противопоставляя нашему подпольному прозябанію шумные «успѣхи» полицейской демагогіи, нашъ критикъ забываетъ, что только наличность въ рабочей средѣ сознательныхъ элементовъ дала возможность всей массѣ съ удивительной быстротой распознать истинную суть охраннаго социализма и—перешагнуть черезъ его трупъ. Больше того. Самые событія, на видѣніи обликъ которыхъ полицейская рука наложила несомнѣнный отпечатокъ, далеко не во всемъ своемъ объемѣ были дѣломъ Зубатовыхъ, Шаевичей и Гапоновъ. Выходцы изъ участковъ, безъ всякаго опыта агитаціи, они всегда обнаруживали весьма естественный полицейскій страхъ передъ массой. Они никогда не задавались цѣлью создавать грандіозныя событія. Но масса каждый разъ могучимъ потокомъ врывается въ открытые шлюзы, къ великому ужасу полицейскихъ демагоговъ. Та неприкосновенность, которую зубатовцы создавали вокругъ вызванной ими частной стачки, взбудораживала широкіе круги рабочихъ. И вотъ тутъ-то началась работа социалдемократіи. Въ такіе моменты весь ея подпольный аппаратъ приходилъ въ движеніе и глубоко погружался въ массу. Расширеніе стачки до степени «всеобщей» всегда совершалось благодаря социалдемократіи; зубатовцамъ оно было и не по душѣ и не по силамъ. Социалдемократическіе агитаторы, интеллигенты и рабочие, приобщали къ стачкѣ все новые заводы и фабрики. Мѣстный комитетъ партіи выпускалъ десятки тысячъ листовъ, оповѣщая о ходѣ движенія и формулируя требованія. На заводскихъ и уличныхъ собраніяхъ выступали десятки ораторовъ-социалдемократовъ. Конечно, вся эта партійная работа была возможна лишь благодаря стихійному движенію самой массы; но «стихія» одинаково опредѣляла и сомнительный «успѣхъ»

зачинщиковъ-зубатовцевъ и несомнѣнные успѣхи социалдемократической организаціи. Кто хоть сколько-нибудь конкретно представляетъ себѣ *механику* массовой стачки, тотъ согласится съ нами, что только безнадежная близорукость можетъ приписывать грандіозную одесскую стачку — Шаевичу, а 9-ое января — Гапопу.

Въ частности по поводу гапонады вотъ что сообщаетъ мнѣ на основаніи собственныхъ наблюденій мой другъ П. А. Злыдневъ, спокойное безпристрастіе котораго знаютъ всѣ, сталкивавшіеся съ нимъ въ работѣ.

«Движеніе, приведшее къ «9 января», будетъ, вѣроятно, занесено на страницы исторіи русской революціи, какъ гапоновское движеніе. Однако, справедливость требуетъ указать, что это движеніе отнюдь не было исключительно гапоновскимъ. Не говоря ужъ о томъ, что оно не шло подъ какими-нибудь ясно и опредѣленно сформулированными директивами гапоновской организаціи, сами члены этой послѣдней не проявляли рѣшительности и увѣренности даже въ *расширеніи стачки и привлеченіи новыхъ силъ*, безъ чего немислимо было бы самое 9-е января.

«Вопреки утвержденіямъ либеральныхъ писателей, все предсказывающихъ и никогда не ошибающихся, социалдемократія въ этомъ движеніи играла далеко не послѣднюю роль; члены ея принимали самое дѣятельное участіе въ проведеніи стачки и въ ея расширеніи, гдѣ это только оказывалось возможнымъ. Несмотря на то, что за Невской заставой стачка началась у Семяникова, кажется, еще съ 4 января, всѣ другіе заводы продолжали работать и присоединились лишь позже. Остановка этихъ заводовъ происходила по инициативѣ и подъ руководствомъ организованныхъ социалдемократовъ. Начиная съ Обуховскаго завода, они остановили Карточную, Фарфоровый и др. фабрики и заводы.

«Этимъ дѣятельность социалдемократической партіи не ограничивалась. Она постоянно выдвигала на гапоновскихъ собраніяхъ своихъ агитаторовъ, не говоря ужъ о тѣхъ рабочихъ-социалдемократахъ, членахъ партіи, которые выступали на собраніяхъ по своему усмотрѣнію.

«Правда, отношеніе къ социалдемократіи первое время было

несочувственное, не раз кричали на собраниях «долой социал-демократов!», въ чемъ немало усердствовали сами гапоновцы, первоначальная цѣль которыхъ была скомпрометировать социалдемократію. Во всякомъ случаѣ, это имъ удалось только въ первые дни январскаго движенія. 7-го вечеромъ и 8-го социалдемократы не только выступали, какъ ораторы, рѣчи которыхъ покрывались бурными аплодисментами, но выступали оппонентами либеральнымъ ораторамъ и имѣли успѣхъ у массъ».

П. А. Злыдневъ говоритъ здѣсь о Невскомъ районѣ, жизнь котораго онъ самъ близко наблюдалъ, какъ рабочій Обуховскаго завода. Но въ другихъ районахъ роль социалдемократіи была гораздо значительнѣе; такъ, на Васильевскомъ Островѣ руководство движеніемъ было всецѣло въ рукахъ партіи. — Знаменитая гапоновская петиція содержаніемъ своихъ требованій всецѣло связана какъ предшествующей социалдемократической пропагандѣ въ рабочихъ массахъ, такъ и дѣятельности партійныхъ агитаторовъ въ январскіе дни. Послѣ 9-го января требованіе Учредительнаго Собранія вытѣсняетъ расплывчатую формулировку земскаго съѣзда и все больше становится общенароднымъ лозунгомъ. Гапонъ въ этомъ очень мало повиненъ. Это несомнѣнная заслуга социалдемократіи.

Слѣдующимъ въ хронологическомъ порядкѣ этапомъ петербургскаго, а въ значительной мѣрѣ, и всероссійскаго движенія была комиссія Шидловскаго. Вотъ что по этому поводу сообщаетъ тотъ же Злыдневъ, бывший въ числѣ выборщиковъ, слѣдовательно, непосредственный участникъ событій.

«Если 9-го января, — пишетъ онъ, — социалдемократія не была во главѣ рабочаго движенія, то въ движеніи, связанномъ съ комиссіей сенатора Шидловскаго, она занимала мѣсто безусловной руководительницы.

«Агитація среди рабочихъ во время выборовъ, организація собраній выборщиковъ по районамъ, агитація среди выборщиковъ и, наконецъ, то время стачки послѣ отказа Шидловскаго удовлетворить требованія и ареста многихъ депутатовъ, — все это дѣло рукъ социалдемократіи. Резолюція, принятая на собраніи депутатовъ, была предложена социалдемократіей. Наконецъ, вся тактика по отношенію къ комиссии была выработана и проведена партіей.

«Во всей этой работѣ социалдемократія, повторяю, играла господствующую роль. Среди депутатовъ было значительное количество социалдемократовъ, входившихъ въ партійныя организаціи. Показателемъ вліянія и авторитета партіи въ этой кампаніи можетъ служить тотъ фактъ, что многіе депутаты, раньше лишь сочувствовавшіе революціонному движенію, послѣ комиссіи Шидловскаго стали членами партіи и затѣмъ принимали участіе въ Совѣтѣ Рабочихъ Депутатовъ».

Но мало того, что г-жа Кускова сообщаетъ улики вмѣсто того, чтобъ анализировать факты, самыя улики эти оказываются почти сплошь фальшивыми. Даты перепутаны, сообщенія извращены, связи и отношенія нарушены, все искромсано въ куски, куски перемѣшаны и произвольно сшиты. Въ концѣ концовъ, партія выходитъ изъ критической лабораторіи г-жи Кусковой въ совершенно изуродованномъ видѣ: ноги подъ мышкой, носъ на затылкѣ, вмѣсто глазъ двѣ зіяющія дыры, ибо глаза собственно-ручно выцарапаны г-жей Кусковой.

Судите сами!

«Долго и упорно толковала рабочимъ социалдемократія о прибавочной стоимости, о капитализмѣ и социализмѣ, о демократической республикѣ и прочихъ нужныхъ, но холодныхъ *) абстрактныхъ вещахъ; пришелъ сыщикъ Зубатовъ и его помощникъ Шаевичъ. Заговорили они объ экономическихъ нуждахъ и широкой для ихъ защиты (для защиты нуждъ!) организаціи,—и масса встала и пошла» (стр. 323). Неужели? Ахъ, какъ это все интересно! Но только правда ли это? Нѣтъ, сударыня, все съ начала до конца неправда. Зубатовщина появилась въ самомъ концѣ прошлаго столѣтія. Крупныя проявленія ея—февральская «демонстрація» въ Москвѣ и дѣятельность Шаевича въ Одессѣ—относится къ 1902 и 1903 гг. Между тѣмъ русскіе социалдемократы уже съ середины 90-хъ годовъ переходятъ къ массовой агитаціи на почвѣ повседневныхъ нуждъ. Въ 94 году появляется брошюра «Объ агитаціи», формулирующая задачи агитаціи на почвѣ стачечной борьбы. Въ 1897 г. возникаетъ «Рабочая Мысль», очень мало толко-

*) «Нужныхъ, но холодныхъ...» По этому поводу считаемъ умѣстнымъ вообще извиниться за стиль г-жи Кусковой.

вавшая о республикѣ и другихъ «нужныхъ, но холодныхъ вещахъ», и весьма много толковавшая о «защитѣ нуждъ». Но еще до возникновения этого такъ называемаго «экономическаго» направления, петербургскій Союзъ Борьбы сыгралъ крупную роль въ знаменитой стачкѣ ткачей въ 1896 году. «Пришелъ сыщикъ Зубатовъ»,—и «масса встала и пошла». это, можетъ быть, очень картинно, но это неправда. Самъ сыщикъ Зубатовъ гораздо справедливѣе относился къ дѣятельности социал-демократовъ. Онъ вовсе не приписывалъ себѣ изобрѣтенія новаго способа воздѣйствія на массы; онъ предлагалъ лишь правительству вырвать у социалдемократовъ изъ рукъ тотъ способъ, какимъ они съ успѣхомъ пользуются. Читали вы его докладъ, написанный отъ имени тогдашняго московскаго обер-полицейстера Трепова? Прочитайте! Тамъ Зубатовъ говоритъ, что вся сила социалдемократовъ въ томъ и состоитъ, что они всю свою агитацію строятъ на почвѣ мелкихъ повседневныхъ нуждъ рабочей массы.

Вы пишете, что въ 1903 г. произошла первая всеобщая забастовка, организованная въ Одессѣ Шаевичемъ, тогда какъ социалдемократія, по вашимъ словамъ, «ни разу» не вела за собою болѣе или менѣе широкія массы. Неправда, сударыня. Знаменитая массовая ростовская стачка 1902 г., послужившая предтечей южно-русскихъ событій 1903 г., протекла исключительно подъ руководствомъ комитета нашей партіи. Неправда, далѣе, будто Шаевичъ «организовалъ» всеобщую забастовку. Поскольку она вообще была организована, роль партіи въ этомъ никакъ ужъ не была меньше одесскихъ зубатовцевъ. Наконецъ, одновременно съ одесской стачкой происходили всеобщія стачки въ Баку, Тифлисѣ, Батумѣ, Киевѣ, Николаевѣ, Екатеринославѣ, Елисаветградѣ, гдѣ зубатовцы не имѣли никакого или почти никакого вліянія. Если г-жа Кускова ничего этого не знала, она могла объ этомъ прочитать въ той самой брошюрѣ Дана, которая послужила предлогомъ для ея статьи. Но г-жѣ Кусковой надобно, чтобы глумленіе надъ социалдемократіей вышло покрѣпче. А факты?—тѣмъ хуже для нихъ!

«Передъ немногими русскими ревизионистами,—пишете вы,—стоялъ въ 1900 г. вопросъ: или биться въ сѣтяхъ большевизма и меньшевизма въ бесплодной растратѣ силъ, или же

сдѣлать дѣйствительно политическое дѣло, помогая организациі трудно-соединимых*) элементовъ буржуазной демократіи исключительно въ цѣляхъ политическихъ выступлений» (стр. 325). Правда, на слѣдующей страницѣ вы пишете, что выводить изъ «Средо» буржуазный либерализмъ можно только «для ругательства», а здѣсь вы сами подтверждаете, что авторы «Средо» именно этимъ «дѣйствительно-политическимъ» дѣломъ только и промышляли. Ну, да Богъ съ вами. А вотъ зачѣмъ вы факты калѣчите, сударыня? Вы заставляете себя заднимъ числомъ путаться въ 1900 г. въ сѣтяхъ большевизма и меньшевизма, но это дѣло невозможное, ибо не было тогда ни большевизма, ни меньшевизма. Эти фракціи возникли только во второй половинѣ 1903 г., послѣ 2-го съѣзда партіи.

Г-жа Кускова вычисляетъ силы нашей партіи, причемъ по ея счетамъ оказывается, что въ 1900 г. работало въ Россіи 63 активныхъ социалдемократовъ, а въ 1904 г. — 207 человекъ. Откуда эти удивительныя цифры? У Дана г-жа Кускова узнала, что въ 1904 г. партія насчитывала 20 комитетовъ и 11 мѣстныхъ группъ, что въ комитетѣ было въ среднемъ 5—6 человекъ,—и г-жа Кускова оказалась неспособной сдѣлать изъ этихъ чиселъ ничего, кромѣ... умноженія. Но вѣдь «комитетъ» это только верхушка организациі,—а куда-же вы дѣвали кружки рабочихъ-социалдемократовъ, пропагандистовъ, агитаторовъ, организаторовъ, техниковъ... Куда вы дѣвали партію, сударыня? Для того, чтобы округлить свои арифметическія комбинаціи, г-жа Кускова дѣлаетъ маленькій подлогъ. Данъ, упоминая о томъ, что комитетъ имѣетъ въ среднемъ 5—6 членовъ, разъясняетъ, что подъ этой верхушкой имѣется еще сложная организациі; далѣе онъ указываетъ, что наряду съ 39 комитетами существовало въ 1904 г. «11 мѣстныхъ организацій», еще не успѣвшихъ завязать настолько прочныя связи и обезпечить непрерывный ходъ работы, чтобы превратиться въ комитеты». Для своего умноженія г. Кускова дѣлаетъ «догадку»: группы, вѣроятно, имѣли вдвое менѣ членовъ, чѣмъ комитеты. Почему такое? Изъ словъ Дана ясно видно, что вовсе не разница въ числѣ членовъ (три или

*) Соединимыхъ, что-ли? И почему это они трудно соединимы?

шесть) отличает группу от комитета. Но, г-жа Кускова, для добросовѣстности нужно подсчитать и группы, а обратить внимание на дѣйствительное отличіе группъ отъ комитетовъ значить лишній смысла весь подсчетъ. Вотъ г-жа Кускова и прибѣгаетъ къ маленькому подлогу, такъ сказать, для добросовѣстности въ счетъ...

Въ началѣ своей статейки г-жа Кускова упоминаетъ, что «соціалдемократія сыграла видную роль въ движеніи 1905—6 г.» (стр. 320). Какая социалдемократія? Но вѣдь для 1904 г. въ результатѣ безошибочнаго умноженія получили всего на всего 207 человекъ социалдемократовъ. Какъ-же это они могли играть видную роль въ революціонномъ движеніи слѣдующихъ двухъ лѣтъ?

Я, однако, не намѣренъ гоняться за всѣми статистическими и хронологическими сенсаціями г-жи Кусковой, — это утомительно да и никому не нужно: ея «критическій» методъ достаточно ясенъ уже изъ тѣхъ образчиковъ, мимо которыхъ намъ пришлось пройти.

За послѣднее время г-жа Кускова много пишетъ о насъ, социалдемократахъ, и притомъ не иначе, какъ съ гримасой сожалѣнія къ нашей глупости. Можно подумать, нивѣсть какіе горизонты передъ ней открыты. А на самомъ дѣлѣ, когда читаешь ея статьи, въ которыхъ она изъясняетъ, какъ соединяла «трудно соединяемые» элементы, и какъ изъ этого собственно ничего не вышло, то начинаешь понимать, что политика и публицистика дѣло трудное, и, въ концѣ концовъ, нѣвольно вспомнишь мадамъ де Курдюковъ, которая такъ говорила о своихъ политическихъ спекуляціяхъ:

«Что политикъ различаетъ,
Дама то соединяетъ:
И я Мюнстеръ, Оснабрюкъ
Уложила въ тотъ же тюкъ».

Да, госпожа Кускова слишкомъ часто угадываетъ «въ тотъ же тюкъ» «трудно соединяемые» элементы... Отсюда собственно и происходятъ ея злоключенія.

9. «Иди и больше не грѣши!»

Чтобъ закончить свое собесѣдованіе съ господами ревизионистами, мнѣ остается еще сказать два слова объ одномъ совершенно убійственномъ аргументѣ г. Прокоповича.

Въ моемъ «Предисловіи» есть строки, которыя мимоходомъ мнѣ уже приходилось выше нѣсколько разъ затрагивать: «Да, мы дѣлали промахи, ошибки и даже преступленія,—и все-же мы совершили великое дѣло. По сравненію съ *ними* мы совершили чудеса. Мы были и остаемся барабанщиками и трубачами великаго класса, мы гордились его первыми шагами, мы никогда не сомнѣвались въ немъ, мы не покидали его въ минуты бѣдствія... И мы совершили чудеса.»*)

По поводу этихъ словъ г. Прокоповичъ пишетъ;

«Что касается утвержденія, что социалдемократы всегда были *только*(?) барабанщиками и трубачами пролетаріата, то въ данномъ пунктѣ (!) г. Троцкій уже *правильно опровергаетъ*—г. Троцкого. Одинъ г. Троцкій (обратите вниманіе! Т.) возводитъ социалдемократію въ званіе барабанщиковъ, а другой г. Троцкій (слушайте, слушайте! Т.) прямо говоритъ, что социалдемократія *руководитъ* (курс. г. Прокоповича) пролетаріатомъ. *Между генераломъ и трубачомъ—дистанція огромнаго размѣра.* Такъ что же представляетъ собою социалдемократія—генераловъ или барабанщиковъ пролетаріата?» (курс. мой) съ демоническимъ сарказмомъ спрашиваетъ г. Прокоповичъ, а затѣмъ со свойственной ему—не партійной, а совершенно индивидуальной—безцеремонностью называетъ уже меня лично «совершившимъ такъ много великихъ дѣлъ, высокочтимымъ барабанщикомъ». Вы понимаете, что все это почти убійственно. Мои самопротиворѣчія очевидны: социалдемократія выступаетъ у меня то руководительницей пролетаріата, то барабанщикомъ и трубачомъ. А «между генераломъ и трубачомъ—какъ еще выяснилъ Скалозубъ—дистанція огромнаго размѣра». Мое дѣло плохо. Нельзя ли, однако, извернуться?

*) «Наша революція», стр. XIX.

Можетъ быть, отвѣтитъ въ простотѣ полковнику, что я не мастеръ петлички отличать,—не послужитъ ли это смягчающимъ противорѣчія обстоятельствомъ?

Или не сказать ли, что социалдемократическая армія организована демократически, такъ что между генераломъ и барабанщикомъ не соблюдается никакой «дистанціи»? Или, можетъ быть, попытаться возразить, что о барабанщикахъ я сказалъ не въ прямомъ смыслѣ, что въ нашемъ партійномъ имуществѣ даже нѣтъ барабановъ, что «въ данномъ пунктѣ» я употребилъ метафору?

Метафора! Можетъ быть, мнѣ призвать на помощь Генриха Гейне, который былъ генераломъ поэзіи, а называлъ себя барабанщикомъ?

Или рискнуть на дерзость и сказать, что лучше быть «только» барабанщикомъ пролетаріата, чѣмъ... отставной козы барабанщикомъ?

Или, можетъ быть, просто покачать головой и сказать: «Иди и больше не грѣши!» Идите, г. Прокоповичъ, и больше не грѣшите... остроуміемъ! Эта не ваша «часть». Ваше дѣло—глубокій анализъ и политическія предсказанія на 8 лѣтъ впередъ.

Но прежде, чѣмъ окончательно отпустить г. Прокоповича, я долженъ со всей серьезностью сказать ему слѣдующее:

—Несмотря на то, что я въ своей книгѣ о себѣ лично и о своей политической дѣятельности не говорю ни слова по причинамъ, которыя не трудно понять, Вы на всемъ протяженіи вашей статейки назойливо теребите меня за полы, вопрошая: входилъ ли я въ желѣзнодорожный союзъ?.. сдѣлалъ ли я что-нибудь въ Совѣтѣ Депутатовъ?..—и подъ конецъ называетъ меня «барабанщикомъ, совершившимъ великія дѣла». Знаете что, почтеннѣйшій? Какъ бы ни была незначительна моя роль въ Совѣтѣ Депутатовъ, какъ бы ни было мало мое участіе въ рабочемъ движеніи,—*передъ Вами и вамъ подобными у меня нѣтъ основанія опускать голову*. Изъ насъ двоихъ не я бѣжалъ изъ социалдемократіи, принявъ свой интеллигентскій скептицизмъ за объективное свидѣтельство невозможности работать надъ созданіемъ пролетарской партіи. Не я укрывался отъ трудностей дѣйствительной работы подъ снѣгъ

«Союза Освобожденія»; и не мнѣ поэтому приходилось удирать изъ «Союза», когда маленький буржуазный поросенокъ превратился въ то, во что онъ долженъ былъ превратиться по законамъ естества: въ «конституционно-демократическую партію». Этого-то Вамъ во всякомъ случаѣ не нужно забывать.

Г. Петръ Струве или какой-нибудь Изгоевъ могутъ, конечно, высоко держать голову, ибо физиономія ихъ давно превратилась въ самовлюбленный пятакъ либерализма. Почтенный авторъ «Средо» также кажется мнѣ совершенно безнадежнымъ, ибо мышленіе его, повидимому, окончательно изъѣдено моллю комнатной политики. Но объ Вася я этого не смѣю сказать съ такой категоричностью. Возможно, что Ваша злополучная судьба снова приведетъ Вася въ ряды социалдемократіи, изъ которыхъ Вы совершили столь продолжительную и столь безрезультатную экскурсію. И если Вы придете къ намъ, Вы найдете ряды наши стократно умноженными и приобщитесь къ плодамъ долгаго и упорнаго труда. Я надѣюсь, что у моихъ товарищей хватить такта не ставить Вамъ въ упоръ вопроса: по какимъ мѣстамъ Вы путались въ самые страданные годы нашей работы? Но не забывайте же и Вы о вашемъ вѣроятномъ завтрашнемъ днѣ и въ своихъ нападкахъ на социалдемократію Вы,—пока еще кадетскій волонтеръ,—держитесь такихъ предѣловъ правды и приличія, чтобъ Вамъ не стыдно было впоследствии встрѣчаться съ нами на рабочихъ собраніяхъ.

1 декабря 1906 г.

Каутскій о русской революціи.

Въ двухъ тетрадахъ теоретическаго органа германской социалдемократіи, «Neue Zeit», Каутскій напечаталъ статью о *«Движущихъ силахъ и перспективахъ русской революціи»*. Къ тому времени, когда эти строки дойдутъ до читателя, работа самаго выдающагося изъ современныхъ марксистовъ, вѣроятно, уже успѣетъ появиться на русскомъ языкѣ. Тѣмъ не менѣе мы считаемъ умѣстнымъ дать здѣсь переводъ этой статьи, съ самыми незначительными сокращеніями эпизодическихъ мѣстъ. Это позволитъ намъ обратить вниманіе читателя—хотя бы только посредствомъ курсива—на тѣ мысли Каутскаго, которыя мы считаемъ наиболее поучительными.

«Русскую революцію,—такъ начинается первая глава: «Аграрный вопросъ и либералы»,—можно разсматривать подъ двойнымъ угломъ зрѣнія: какъ движеніе, направленное къ испроверженію абсолютизма, и какъ пробужденіе огромной массы русскаго народа къ самостоятельной политической дѣятельности». Побѣдить революцію абсолютизмъ могъ бы, только успокоивъ социальные запросы массъ. Способенъ ли онъ это сдѣлать?

«Масса русскаго народа состоитъ изъ крестьянъ. То, что приводитъ въ движеніе послѣднихъ, это—аграрный вопросъ. И вотъ все болѣе и болѣе онъ выступаетъ въ Россіи на передній планъ, какъ тотъ вопросъ, *отъ рѣшенія котораго зависитъ судьба революціи.*

«Крестьяне образуютъ въ Россіи не только безчисленную массу населенія, на которой покоится сельское хозяйство, но и все зданіе народнаго и государственнаго хозяйства. Вмѣстѣ съ сельскимъ хозяйствомъ рухнетъ и это послѣднее.

«Удовлетворить крестьянъ, поставить сельское хозяйство на здоровый экономическій базисъ, вотъ предварительное условіе, которое должно быть выполнено, прежде чѣмъ населеніе Россіи снова успокоится и оставитъ революціонные пути.

«Это теперь признають почти всѣ русскія партіи. Но, конечно, онѣ весьма отличаются другъ отъ друга въ тѣхъ средствахъ, какими они хотятъ помочь крестьянамъ.

«Либералы, подобно всѣмъ другимъ, также признають отсталость и паденіе русскаго сельскаго хозяйства». Каутскій приводитъ соответственныя свидѣтельства пр. Мануилова, и продолжаетъ: «Въ признаніи значенія этихъ фактовъ либералы и социалисты совершенно единодушны. Но либеральная половинчатость обнаруживается немедленно, какъ только рѣчь заходитъ о томъ, чтобъ вскрыть *причины* явленія и предложить средства для ихъ устраненія. Половинчатость въ этой послѣдней области вызывается ихъ классовымъ положеніемъ; но она вызываетъ по необходимости половинчатость и въ сферѣ установленія причинъ. Въ комъ нѣтъ рѣшимости радикально искоренить зло, тотъ долженъ страшиться также и обнаружить его послѣдніе корни».

Либералы видятъ главную причину сельскохозяйственнаго упадка въ обдѣленіи крестьянъ въ 1861 г. и въ дальнѣйшемъ ростѣ земельного утѣсенія. Это вѣрно, но только на половину. И въ другихъ странахъ крестьянъ грабили при уничтоженіи крѣпостнаго права. Это вело нерѣдко въ уничтоженію хозяйственной самостоятельности крестьянскихъ массъ, но не къ паденію сельскаго хозяйства вообще. Наоборотъ. На развалинахъ крестьянскаго хозяйства развивалось болѣе интенсивное капиталистическое земледѣліе. Почему же въ Россіи этотъ процессъ наблюдается въ столь незначительной мѣрѣ?

Развитіе высшихъ сельскохозяйственныхъ формъ въ Россіи всегда упиралось въ недостатокъ знаній или, вѣрнѣе, общей интеллигентности населенія и въ недостатокъ капитала. Но чѣмъ вызывался этотъ недостатокъ? Почему накопленіе капитала и развитіе инициативы подвигались съ такой медленностью? Отвѣтъ даетъ развитіе русскаго государства въ его взаимоотношеніи со странами Запада. Объ этомъ говорить вторая глава: «Русскій капитализмъ».

Съ тѣхъ поръ, какъ было открыто «окно въ Европу», Россія, какъ держава, вступила въ среду военно-политической конкуренціи европейскихъ государствъ. Но въ то время, какъ послѣднія опирались на значительно развившіяся уже производительныя силы, Россія стояла еще на краинѣ первобытномъ хозяйственномъ базисѣ.

«Экономически слабѣйшая и наиболѣе отсталая изъ европейскихъ государственныхъ организацій, царизмъ долженъ былъ, начиная съ восемнадцатаго столѣтія, все болѣе грабить свой народъ и тѣмъ преграждать ему путь къ какому-бы то ни было накопленію богатства. Къ милитаризму скоро присоединились государственные долги, чтобы еще увеличить этотъ грабежъ».

«Уплата процентовъ по государственнымъ долгамъ всегда является тяжелымъ бременемъ для населенія, платящаго налоги, но она можетъ стать средствомъ обогащенія класса капиталистовъ въ своей странѣ, если эти послѣдніе являются кредиторами государства. Государство экспроприруетъ тогда трудящіеся классы, чтобы обогатить классъ капиталистовъ, увеличиваетъ ихъ богатство и въ то же время ставитъ къ ихъ услугамъ все возрастающее число пролетаріевъ».

«Но въ Россіи не существовало класса капиталистовъ, который былъ бы въ силахъ покрыть государственныя потребности въ капиталѣ, а неизмѣнный податной гнетъ крайне препятствовалъ самому возникновенію такого класса въ сколько-нибудь достаточныхъ размѣрахъ. Такимъ образомъ, приходилось заимствоваться деньгами преимущественно у *иноземныхъ* капиталистовъ для наполненія государственныхъ кассъ, которые опустошались ненасытнымъ милитаризмъ. Эти капиталы получали не производительное употребленіе, а служили просто для игры въ солдаты и, рядомъ съ этимъ, для придворнаго великолѣпія. Проценты на нихъ утекали за-границу, и наряду съ милитаризмомъ они скоро образовали все расширяющуюся открытую рану, изъ которой истекали жизненные соки Россіи».

Крымская война показала, что военное могущество требуетъ технического и экономического базиса, прежде всего въ формѣ капиталистической индустріи. Чтобы нагнать упущенное, абсолютизмъ старался создать крупную капиталистическую индуст-

стрію посредствомъ энергичной государственной поддержки. Но такъ какъ государство жило на счетъ сельскаго хозяйства, то это означало не что иное, какъ поддержку индустріи посредствомъ сильнѣйшаго обремененія сельскохозяйственнаго населенія. Такимъ образомъ, и мирная индустріальная политика стала средствомъ грабежа и угнетенія сельскихъ хозяевъ и особенно крестьянъ.

«И эта мирная политика, какъ и завоевательная, вела къ возрастающей задолженности по отношенію къ заграницѣ. Ибо ростъ внутренняго капитала совершался слишкомъ медленно для русскаго правительства; оно особенно стремилось къ тому, чтобы сдѣлать независимымъ отъ заграницы тѣ отрасли индустріи, которыя важнѣ всего для военнаго дѣла, какъ предпріятія, изготовляющія пушки, ружья, суда, желѣзныя дороги и снабжающія ихъ матеріалами. Но такъ какъ туземный капиталъ для учрежденія необходимыхъ для этого колоссальныхъ предпріятій росъ слишкомъ медленно, то русское правительство въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій стремилось привлечь въ Россію во все возрастающемъ размѣрѣ иностранный капиталъ, особенно сильно представленный въ угольной, желѣзной и нефтяной промышленности юга. Но слѣдствіемъ такого тепличнаго воспитанія современной крупной индустріи была не увеличившаяся независимость, а, наоборотъ, возросшая зависимость отъ заграницы.

«Конечно, иностранный капиталъ миллиардами перетекалъ въ Россію для споспѣшествованія ея промышленности, но лишь въ незначительной части, какъ капиталъ, который былъ ссужаемъ русскимъ предпринимателямъ для устройства и расширенія крупнопромышленныхъ заведеній. Эти заведенія въ гораздо большемъ числѣ случаевъ учреждались непосредственно иностранными капиталистами и оставались въ ихъ владѣніи, такъ что къ нимъ притекала вся прибыль, а не только проценты на капиталъ, въ Россіи же оставалась одна заработная плата. Этотъ методъ привлеченія иностраннаго капитала былъ средствомъ, споспѣшествовавшимъ росту въ Россіи сильнаго пролетаріата, но отнюдь не сильнаго класса капиталистовъ. Обиднѣе Россіи такимъ путемъ не только не было задержано, но, наоборотъ, подвинуто впередъ.

«Эта тенденция, однако, отчетливѣе и рѣшительнѣе всего выступила въ сельскомъ хозяйствѣ, въ той изъ большихъ областей производства, которая вообще позже и слабѣе всѣхъ другихъ подчиняется воздѣйствію капиталистическаго способа производства, повышающаго производительность труда, и которая въ то же время больше, чѣмъ всякая другая, требуетъ интеллигентнаго населенія, чтобы имѣть возможность овладѣть современными приемами и методами производства. Не улучшенныя школы и не деньги для пріобрѣтенія искусственнаго удобрения, усовершенствованныхъ орудій и машинъ принесъ капитализмъ въ Россію крестьянамъ, а только увеличенную эксплуатацію. Если въ Западной Европѣ ростъ эксплуатаціи крестьянъ государствомъ и капиталомъ шель рука объ руку съ увеличеніемъ производительности сельскохозяйственнаго труда, то въ Россіи, наоборотъ, ростъ эксплуатаціи крестьянъ, вытекающей изъ возрастающей конкуренціи Россіи съ капиталистически развитыми націями, вызываетъ постоянное пониженіе производительности сельского хозяйства.

«Паденіе сельского хозяйства, это—рядомъ съ подъемомъ промышленнаго пролетаріата—главная причина нынѣшней русской революціи. Оно, это паденіе, привело государство на край финансоваго банкротства и создало для всѣхъ классовъ неудовлетворительныя, прямо мучительныя отношенія, въ которыхъ они не могутъ долѣе оставаться, изъ которыхъ они должны вырваться, послѣ того какъ они пришли въ движеніе».

«Ближайшее средство помочь крестьянину,—такъ начинается третья глава: «Рѣшеніе аграрнаго вопроса»,—состоитъ въ увеличеніи его земельного надѣла. На этотъ счетъ почти всѣ партіи единодушны. Но достаточно ли этого? Чѣмъ поможетъ крестьянину прирѣзка, если у него не хватаетъ скота и орудій для обработки его теперешняго надѣла? На короткое время она можетъ создать для него облегченіе, но скоро снова воцарится прежняя нужда. Если хотять крестьянину оказать длительную поддержку, тогда нужно создать учрежденія, которыя дали бы ему возможность перейти къ болѣе интенсивной и рациональной культурѣ. Ему нужно доставить скотъ, орудія, удобрения, нужно дать соответственную постановку народному образованію, короче, крестьянину нужно, какъ можно скорѣе и полнѣе, дать

то, въ чемъ ему отказывали или что у него отнимали въ теченіе десятилѣтій...

«Только такой режимъ, который будетъ въ состояннй совершить это, сможетъ снова поставить на здоровый экономическій базисъ крестьянское хозяйство Россіи, а вмѣстѣ съ нимъ и все государство,—и этимъ закончить революцію».

Въ состояннй ли это сдѣлать абсолютизмъ? спрашиваетъ Каутскій и отвѣчаетъ, конечно, отрицательно. Легенда о крестьянскомъ царѣ никогда не станетъ реальностью. Условія существованія дворянско-бюрократическаго абсолютизма сильнѣе индивидуальной воли, даже еслибъ она была направлена на осуществленіе старой легенды. Первая дѣйствительно сердечная попытка на этомъ пути внесла бы полное разложеніе въ правящій аппаратъ. А фальшивыя заигрыванія съ мужикомъ ни къ чему не приведутъ. Прошли времена, когда крестьянина можно было этимъ завлечь. Революція ужъ во всякомъ случаѣ достигла того, что крестьянинъ хочетъ видѣть дѣла и судить отдѣльныя партіи по дѣламъ ихъ. Дума, которую ему дали въ спасительницы, была распущена, а его избирательныя права во вторую Думу ограблены. Въ виду всего этого немудрено, говоритъ Каутскій, если нѣкоторые политическіе предразсудки (за которые, прибавимъ мы, такъ любятъ укрываться иные «демократы») безсѣдно вывѣтриваются, очищая мѣсто для настроеній, прямо противоположныхъ.

«Есть ли у либераловъ надежда овладѣть надолго крестьянствомъ?»

«Они предлагаютъ ему, правда, то, чего онъ прежде всего требуетъ: увеличеніе земельной площади. По крайней мѣрѣ, многіе изъ нихъ требуютъ экспроприаціи крупнаго землевладѣнія и распредѣленія земли между крестьянами. Но какой цѣною? Собственность должна быть пощажена, насколько возможно, это значитъ, что землевладѣльцы должны быть полностью вознаграждены. Но кто долженъ ихъ вознаградить? Кто же другой, если не крестьянинъ—либо прямо, въ формѣ погашенія продажной суммы съ уступленной ему земли, либо косвенно, путемъ вознагражденія землевладѣльцевъ государствомъ. Но въ такомъ случаѣ погашеніе продажной суммы падаетъ

косвенно, въ формѣ новыхъ налоговъ, опять-таки на крестьянъ рядомъ съ пролетаріатомъ. Что бы выиграли крестьяне при этомъ отъ увеличенія земельного надѣла? Ровно ничего, ибо увеличившійся чистый доходъ снова переходилъ бы, въ формѣ процентовъ или налоговъ, нынѣшнимъ владѣльцамъ большихъ имѣній. Во многихъ случаяхъ ничто не измѣнится даже и съ внѣшней стороны, ибо многие крестьяне и теперь обрабатываютъ на началахъ аренды куски крупныхъ владѣній въ дополненіе къ своимъ собственнымъ надѣламъ. Если они и станутъ собственниками арендуемой земли и, вмѣсто арендной платы, должны будутъ платить новые налоги, будетъ ли имъ отъ этого лучше? Лишь при *конфискаціи* крупнаго землевладѣнія возможно значительно увеличить земельный надѣлъ крестьянина, не налагая на него новыхъ повинностей. Безспорно, безвозмездная экспроприація одного слоя имущихъ классовъ—суровая мѣра. Но выбора нѣтъ. Обнищаніе крестьянъ шло слишкомъ далеко, чтобы было еще возможно возложить на нихъ «выкупную сумму».

«Конфискація крупнаго землевладѣнія необходима, если хотѣть помочь крестьянамъ. Противъ этого, однако, рѣшительно возстаютъ либералы. Только социалистическія партіи не пускаются такой мѣры.

«Однако, увеличеніемъ земельного надѣла крестьянъ русскій аграрный вопросъ еще далеко не разрѣшенъ. Мы ужъ видѣли, что крестьянинъ нуждается не только въ землѣ, но также въ знаніяхъ и въ деньгахъ. Паденіе русскаго сельскаго хозяйства ни малѣйшимъ образомъ не приостановится отъ того только, что земля будетъ нѣсколько иначе распределена. Напротивъ. Если разбить крупныя имѣнія, въ которыхъ нерѣдко ведется все-же болѣе рациональное хозяйство, и на ихъ мѣсто посадить невѣжественныхъ крестьянъ безъ всякихъ средствъ, то паденіе русскаго сельскаго хозяйства должно будетъ лишь ускориться, если только одновременно не будутъ приняты энергичныя мѣры для повышенія крестьянской интеллигентности и крестьянскаго производственнаго капитала.

«Это, однако, невозможно безъ коренного переворота всей прежней политической системы, которая въ теченіе двухъ столѣтій создавала во все возрастающемъ объемѣ нынѣшнюю ни-

щету; и чѣмъ глубже коренится эта нищета, которую абсолютизмъ нынѣ еще явно увеличиваетъ, тѣмъ болѣе необходимы энергичныя вторженія въ существующія учрежденія и отношенія собственности, чтобы въ нѣкоторой мѣрѣ помочь этому бѣдствію.

«Безъ уничтоженія постоянной арміи и военнаго флота, безъ конфискаціи всего достоянія и монастырей, безъ государственнаго банкротства, безъ конфискаціи большихъ монополій, поскольку онѣ еще эксплуатируются частнымъ образомъ—железныя дороги, нефтяные источники, рудники, и т. п.,—не смогутъ быть собраны тѣ колоссальныя суммы, которыя необходимы русскому сельскому хозяйству, если только имѣють въ виду вырвать его изъ его ужасающаго паденія.

«Что либералы, однако, отступаютъ въ страхѣ предъ такими исполнскими задачами, предъ такими рѣшительными переворотами въ существующихъ отношеніяхъ собственности, это ясно. Въ сущности, они не хотятъ ничего другого, какъ только вести дальше нынѣшнюю политику, не прикасаясь къ основамъ эксплуатаціи Россіи иноземнымъ капиталомъ. Они твердо держатся за постоянную армію, которая одна только въ ихъ глазахъ можетъ обезпечить порядокъ и охранить ихъ собственность, и хотятъ доставить Россіи новыя средства путемъ новыхъ займовъ, что немыслимо, если не производить аккуратно расплату по старымъ долгамъ.

«Въ два миллиарда марокъ обходятся нынѣ уплата долговъ и милитаризмъ Россіи. Эту чудовищную сумму либералы думаютъ и впредь изъ года въ годъ выкачивать изъ русскаго народа, и въ то же время они помышляютъ выполнить всѣ великія культурныя задачи, которыя царизмъ упустилъ и которыхъ не можъ не упустить, поскольку онъ долженъ былъ оплачивать милитаризмъ и государственныя долги. Они думаютъ, что достаточно учрежденія Думы, чтобы миллиарды путемъ волшебства появились изъ-подъ земли».

Изъ сказаннаго Каутскій дѣлаетъ выводъ: русскій либерализмъ такъ же мало, какъ и царизмъ, способенъ оздоровить деревню и тѣмъ разрѣшить колоссальную проблему революціи. «Онъ можетъ еще разъ на время всплыть наверхъ, но онъ не замедлитъ оказаться негоднымъ. Это тѣмъ скорѣе случится,

что ему недостает энергичных демократических элементов, так как единственный значительный класс, на который он мог бы опереться—это крупные землевладельцы, либерализм которых естественно тем более блекнет, чем более аграрный вопрос выступает на передний план».

«Либерализм России,—пишет Каутский в главѣ: «Либерализмъ и социалдемократія»,—совсѣмъ другого рода, чѣмъ либерализмъ Западной Европы, и ужъ по этому одному совершенно ошибочно выставлять великую французскую революцію въ качествѣ прямого образца нынѣшней русской революціи».

«Руководящимъ классомъ въ революціонномъ движеніи Западной Европы была мелкая буржуазія, главнымъ образомъ—большіе города». Благодаря своему столь часто указывавшемуся двойственному положенію, представительницы какъ собственности, такъ и труда, она сдѣлалась связующимъ звеномъ между пролетаріатомъ и классомъ капиталистовъ, объединяла ихъ обоихъ для общей борьбы въ буржуазной демократіи, вторая изъ этого объединенія почерпала свою побѣдоносную силу...

«При этомъ мелкая буржуазія была въ городахъ самымъ численнымъ, интеллигентнымъ и экономически важнымъ изъ всѣхъ классовъ, составлявшихъ народную массу. Сами же города были со времени средних вѣковъ мѣстомъ пребывания господствующихъ силъ. Городъ властвовалъ надъ деревней и эксплуатировалъ ее, причемъ въ этомъ властвованіи и въ эксплуатации мелкая буржуазія имѣла свою богатую долю, ибо ей удалось подавить сельское ремесло и въ то же время упрочиться, въ качествѣ вооруженной силы, по отношенію къ городской знати и князьямъ.

«Обо всемъ этомъ въ Россіи не было и рѣчи. Города, слабые и немногочисленные, въ большинствѣ поздно возникшіе, никогда не достигали тамъ того могущественнаго положенія, какъ въ Западной Европѣ, ихъ населеніе не способно было, какъ тамъ, отмежеваться отъ сельскаго и подняться надъ нимъ.

«Масса городскихъ ремесленниковъ состояла изъ крестьянъ, и многочисленныя ремесла существовали больше въ деревняхъ, чѣмъ въ городахъ. Крѣпостное право и порабощеніе, какъ и

политическая беспомощность и безучастность, были одинаковы в послѣднихъ, какъ и въ первыхъ.

«Только послѣ уничтоженія крѣпостного права начали въ городскихъ народныхъ массахъ развиваться зародыши политическихъ интересовъ, но это происходило въ послѣдніа десятилѣтія девятнадцатаго вѣка, въ то время, когда въ самой Западной Европѣ руководящая революціонная роль мелкой буржуазіи была окончательно сыграна. Съ одной стороны, пролетаріатъ сталъ самостоятельнымъ и могущественно окрѣпъ, съ другой стороны, образовалась огромная пропасть между мелкой буржуазіей и капиталомъ. Мелкій буржуа видитъ въ капиталистахъ уже не классъ, въ ряды котораго онъ самъ надѣется подняться, но классъ, который его притѣсняетъ и разоряетъ; что-же касается наемныхъ рабочихъ, то въ нихъ онъ видитъ тѣ элементы, которые своими требованіями ускоряютъ этотъ процессъ. Онъ является уже не вождемъ демократіи, который направляетъ капиталистовъ и рабочихъ въ общую политическую борьбу, но разочаровавшимся въ демократіи неустойчивымъ неудачникомъ, который ропщетъ въ равной мѣрѣ противъ пролетаріевъ, какъ и противъ капиталистовъ, и потому тянется за каждымъ реакціоннымъ шарлатаномъ, который дастъ ему прекрасныя обѣщанія.

«Такимъ образомъ, мелкая буржуазія Западной Европы становится все реакціоннѣе и ненадежнѣе, несмотря на свои революціонныя традиціи. *Мелкая буржуазія Россіи вступаетъ безъ всякой подобнаго рода традиціи въ политическое движеніе, подъ полнымъ влияніемъ этой экономической ситуаціи, дающей себя чувствовать и Восточной Европѣ.* Она склоняется поэтому еще сильнѣе, чѣмъ ея западно-европейскіе собратья по классу, къ антисемитизму и реакціи, къ безхарактерной неустойчивости, которую можно за мелкую подачку склонить къ чему угодно, словомъ, къ той роли, которую въ западноевропейской революціи игралъ лумпенпролетаріатъ, съ коимъ она теперь духовно все болѣе сродняется, при чемъ она и въ Россіи охотно выступаетъ съ нимъ рука объ руку. И мелкая буржуазія можетъ съ дальнѣйшимъ теченіемъ революціи втягиваться — чѣмъ дальше, тѣмъ больше — въ оппозиціонное движеніе, но надежной опоры для революціонныхъ партій она не представитъ.

• «Такимъ образомъ, въ Россіи нѣтъ прочнаго остова буржуазной демократіи, въ ней отсутствуетъ самый классъ, который, благодаря общности своихъ экономическихъ интересовъ, могъ побуждаться какъ буржуазію, такъ и пролетаріатъ къ общей борьбѣ за политическую свободу въ рядахъ демократической партіи.

«Капиталистическій классъ и пролетаріатъ рѣзко противостояли другъ другу уже до начала революціонной борьбы. Оба учились у Запада. Пролетаріатъ сразу вступилъ на политическую арену не какъ часть одной просто-демократической партіи, но какъ социал-демократія, а классъ капиталистовъ при малѣйшемъ самостоятельномъ движеніи пролетаріата готовъ позволить скрутить себя въ бараній рогъ; его главная забота—сильная власть.

«Ядро либеральной партіи составляли въ Россіи крупные землевладельцы—исключая владельцевъ латифундій,—то-есть тотъ именно классъ, противъ котораго на Западѣ либерализмъ въ первую голову направлялся. Но въ Россіи новѣйшій абсолютизмъ—въ противоположность Западной Европѣ—принесъ сельское хозяйство въ жертву капиталу. Тотъ самый процессъ, который въ Западной Европѣ совершался на исходѣ средневѣковья и при начаткахъ абсолютизма, эксплуатація деревни городомъ, въ девятнадцатомъ столѣтіи все больше практиковался абсолютистскимъ режимомъ Россіи, и онъ явно гналъ сельское дворянство въ оппозицію. Это оппозиціонное положеніе облегчалось послѣднему тѣмъ, что оно мѣняе, чѣмъ промышленный капиталъ городовъ, вступаетъ въ прямые конфликты съ пролетаріатомъ, т. е. съ другимъ оппозиціоннымъ классомъ. Доколѣ крестьянство оставалось спокойнымъ, русскій землевладелецъ могъ себѣ также доставлять роскошь либерализма, какъ тори Англии и нѣкоторые прусскіе юнкеры при началѣ индустриализма могли проявлять склонность къ ниму рабочелюбія.

«А крестьянство долго оставалось спокойнымъ. Сельское хозяйство могло явно гибнуть, крестьянинъ могъ погружаться въ нищету, одинъ голодный годъ за другимъ могъ разрѣзать его ряды и разрушать его хозяйство,—онъ оставался преданнымъ Богу и царю. Онъ могъ, правда, время отъ времени подниматься въ возмущеніи, но въ такихъ случаяхъ дѣло всегда шло объ отдѣльныхъ бѣдствіяхъ, а не обо всей господствующей

системъ, которая и не признавалась источникомъ этихъ бѣдствій.

«Постепенно готовилось во второй половинѣ девятнадцатаго столѣтія измѣненіе крестьянскаго мышленія и чувствованій, благодаря преобразованіямъ экономическихъ отношеній. Село вступило въ общеніе съ мировымъ оборотомъ, который привелъ его продукты на мировой рынокъ. Изолированное положеніе села все болѣе уничтожалось. Всеобщая воинская повинность ввела его сыновей въ большой городъ, гдѣ они получили новыя впечатлѣнія и научились новымъ потребностямъ. Наконецъ, многіе обезземелившіеся крестьяне или дѣти крестьянскія — направились на фабрики или въ горный промыселъ и вступили такимъ образомъ въ пролетарскую классовую борьбу, впечатлѣніями которой они дѣлились съ оставшимися дома односельчанами.

«Такъ постепенно подкапывалась основа, на которой покоился русскій абсолютизмъ, но нужень былъ еще могучій ударъ, чтобы эта основа обрушилась. Это произошло благодаря войнѣ въ Манчжуріи и связанному съ ней возмущенію городского пролетаріата. Эти событія, которыя дѣтъ тридцать тому назадъ прошли бы для русскаго крестьянина совершенно безслѣдно, пробудили теперь въ немъ живой откликъ. Онъ просыпается и видитъ, что пришелъ наконецъ, часъ положить конецъ своимъ бѣдствіямъ. Они уже не придавливаютъ его внизъ, наоборотъ, они выпрямляютъ его. И вдругъ онъ видитъ себя лицомъ къ лицу съ совершенно новыми отношеніями, и въ правительствѣ, руководству котораго онъ до сихъ поръ доврчиво отдавался, онъ видитъ врага, котораго необходимо низвергнуть. Онъ уже не можетъ позволить другимъ думать за себя, онъ самъ вынужденъ думать, вынужденъ напрягать всю свою сметку, всю свою энергію, все свое безстрашіе и отбрасывать все свои предрассудки, дабы чувствовать себя твердо въ томъ чудовищномъ водоворотѣ, въ который онъ вовлеченъ. Что по отношенію къ англосаксонскому крестьянину и мѣщанину отъ семнадцатаго и до девятнадцатаго столѣтія дѣлали переселенія, то самое производятъ по отношенію къ русскому крестьянину начала двадцатаго столѣтія — притомъ съ болѣею быстротой и силой — *революція*, именно превращеніе добродушнаго, соннаго, не раз-

мышляющего человека привычки в энергичного, неустанного, неутомимого борца, стремящегося к новому и лучшему.

«Это поразительное превращение создает прочную основу для нового русского сельского хозяйства, которое поднимется из развалин старого, но оно, это превращение, дает также наиболее надежное ручательство за конечный триумф революции.

«Между тем, чем революционнее становится крестьянин, тем реакционнее — крупный землевладелец; тем больше терять в нем либерализм опору, которой он владел досель, тем неустойчивее дѣлаются либеральные партии, тем больше отклоняются вправо также и либеральные профессора и адвокаты в городах, чтобы не потерять окончательно связь со своей прежней опорой.

«Этот процесс может временно повести к усилению реакции, но он не может надолго подавить революцию. Он только ускоряет банкротство либерализма. Он все больше должен гнать крестьян в руки тех партий, которые энергично и безгрешно оберегают его интересы и не дают либеральным сомнительным поколебать себя, т. е. социалистических партий. Он должен, чем дольше тянется революция, все больше усиливать влияние социалистических партий также и в деревне. Оно может, в конце концов, привести к тому, что *социал-демократия станет представительницей масс народонаселения и таким образом сдѣлается партией — победительницей*».

Наибольший интерес для нас представляет последняя глава статьи «Пролетариат и его союзники в революции», где Каутский дѣлает из своего анализа основные тактические выводы.

«Может быть, здѣсь будет уместно, — говорит он, — для заключения этого этюда, высказаться по поводу запроса, сдѣланнаго моимъ другомъ Плехановымъ ряду не-русскихъ товарищей относительно характера русской революции и тактики, которой должны бы придерживаться русские социалисты. Собственно говоря, я могъ бы только сдѣлать нѣкоторыя замѣчания в связи съ этими вопросами, но не отвѣтить на нихъ со всей точностью. Если я полагаю, что моя почти тридцатилѣтняя тѣсная связь съ выдающимися представителями рево-

люціоннаго движенія Россіи даетъ мнѣ возможность сообщить *нѣмецкимъ* товарищамъ нѣкоторые выводы относительно этого движенія, то предъ *русскими* товарищами я чувствую себя въ положеніи *учащаюся* (кур. Каутскаго), когда рѣчь идетъ о русскихъ дѣлахъ. Но, естественно, и намъ, западноевропейскимъ социалистамъ, настоятельно необходимо прійти къ опредѣленному воззрѣнію на русскую революцію, ибо *она представляетъ не мѣстное, а интернаціональное событіе, и отъ того, какъ мы на нее смотримъ, въ глубокой мѣрѣ зависитъ* (wird auf tiefste beeinflusst) *нашъ взглядъ на ближайшія тактическія задачи нашей собственной партіи.* Кромѣ того, у меня нѣтъ никакого основанія прятаться съ моимъ мнѣніемъ, разъ русскіе товарищи меня объ немъ спрашиваютъ.

«Вопросный листъ заключаетъ слѣдующіе три вопроса:

«1. Какимъ представляется общій характеръ русской революціи? Стоимъ ли мы здѣсь передъ буржуазной или передъ социалистической революціей?

«2. Какое положеніе должна занять—въ виду отчаянныхъ попытокъ русскаго правительства подавить революціонное движеніе—соціалдемократическая партія по отношенію къ буржуазной демократіи, которая по-своему борется за политическую свободу?

«3. Какой тактики должна придерживаться социалдемократическая партія при выборахъ въ Думу, чтобы, не нарушая амстердамской резолюціи, использовать силы буржуазныхъ оппозиціонныхъ партій для борьбы противъ нашего «ancien régime» (старого порядка)?

«Первый вопросъ не кажется мнѣ такимъ, чтобы на него можно было просто отвѣтить въ томъ или другомъ смыслѣ. Эпоха *буржуазныхъ* революцій, т. е. революцій, двигательную силу которыхъ составляла буржуазія, закончилась—также и для Россіи. И въ ней также пролетаріатъ образуетъ уже не привѣсокъ и орудіе буржуазіи, какъ это имѣло мѣсто въ буржуазныхъ революціяхъ, но самостоятельный классъ съ самостоятельными революціонными цѣлями. Но гдѣ пролетаріатъ выступаетъ такимъ образомъ, тамъ буржуазія перестаетъ быть революціоннымъ классомъ. Русская буржуазія, поскольку она

вообще преслѣдуетъ самостоятельную классовую политику и является либеральной, ненавидитъ, конечно, абсолютизмъ, но еще болѣе ненавидитъ революцію, и она ненавидитъ абсолютизмъ прежде всего потому, что она видитъ въ немъ основную причину революціи; и поскольку она добивается политической свободы, это происходитъ прежде всего потому, что она видитъ въ этомъ единственное средство положить конецъ революціи.

Буржуазія, слѣдовательно, не принадлежитъ къ движущимъ силамъ современнаго русскаго революціоннаго движенія, и постольку это послѣднее нельзя назвать буржуазнымъ.

Тѣмъ не менѣе, нельзя безъ дальнѣйшаго сказать, что оно является социалистическимъ. Оно ни въ коемъ случаѣ не можетъ привести пролетаріатъ къ самостоятельному господству (Alleinhegtschaft), къ диктатурѣ. Для этого пролетаріатъ Россіи слишкомъ слабъ и слишкомъ мало развитъ. Но во всякомъ случаѣ весьма возможно (sehr wohl möglich), что въ дальнѣйшемъ ходѣ революціи побѣда выпадетъ на долю социалдемократической партіи, и социалдемократія очень хорошо сдѣлаетъ, пропитывая своихъ приверженцевъ этой надеждой на побѣду, ибо нельзя плодотворно бороться, если заранее отказываешься отъ побѣды. Но для социалдемократіи будетъ невозможно достигнуть побѣды единственно черезъ пролетаріатъ безъ помощи другого класса, и поэтому, какъ побѣдоносная партія, она не сможетъ при проведеніи своей программы пойти дальше, чѣмъ ей это позволятъ интересы класса, поддерживающаго пролетаріатъ.

«На какой, однако, классъ можетъ опереться русскій пролетаріатъ въ своей революціонной борьбѣ? Если принять во вниманіе только политическую поверхность, тогда можно прийти къ воззрѣнію, что всѣ тѣ классы и партіи, которые стремятся къ политической свободѣ, должны были бы просто дѣйствовать совместно, чтобы достигнуть ея, и имѣли бы право вынести на свѣтъ свои разногласія лишь послѣ того, какъ политическая свобода будетъ завоевана.

«Но каждая политическая борьба въ основѣ своей есть классовая борьба, слѣдовательно, также и экономическая борьба. Политическіе интересы представляютъ собою результатъ

экономических интересов; народные массы поднимаются, чтобы обезпечить свои экономические интересы, а не для того, чтобы осуществить абстрактные политические идеи. Кто хочет воодушевить народные массы для политической борьбы, должен им показать, как тѣсно она связана съ ихъ экономическими интересами. Эти послѣдніе ни на одинъ моментъ (für keinen Moment) не должны отступать на задній планъ, если не хотятъ, чтобы приостановилась борьба за политическую свободу. Союзъ пролетаріата съ другими классами въ революціонной борьбѣ долженъ прежде всего опираться на общность экономических интересовъ (курс автора), для того, чтобы этотъ союзъ могъ быть длительнымъ и побѣдоноснымъ. На такого рода общности интересовъ должна быть построена и тактика русской социал-демократіи.

«Прочная общность интересовъ на все время революціонной борьбы существуетъ только между пролетаріатомъ и крестьянствомъ. Она и должна образовать основу всей революціонной тактики русской социал-демократіи. Совмѣстная дѣятельность съ либерализмомъ можетъ лишь тамъ и постольку вводить въ расчетъ, идѣ отъ этого не страдаетъ совмѣстная дѣятельность съ крестьянствомъ».

«Въ общности интересовъ промышленнаго пролетаріата и крестьянства коренится революціонная сила русской социал-демократіи и возможность ея побѣды, но вмѣстѣ съ тѣмъ также и граница возможнаго использования этой побѣды».

«Безъ крестьянъ мы въ Россіи не можемъ такъ скоро побѣдить. Предполагать же, что крестьяне станутъ социалистами, нельзя. Социализмъ можетъ быть построенъ только на основѣ крупнаго производства, онъ слишкомъ противорѣчитъ условіямъ мелкаго хозяйства, чтобы онъ могъ возникнуть и упрочиться въ средѣ населенія, подавляющее большинство котораго образуютъ крестьяне. Онъ могъ бы, можетъ быть, послѣ того, какъ онъ достигнетъ господства въ крупной индустріи и въ крупномъ сельскомъ хозяйствѣ, побудить къ подражанію также и мелкихъ крестьянъ, но онъ не можетъ исходить отъ этихъ послѣднихъ. А въ Россіи больше, чѣмъ гдѣ бы то ни

✓ было, отсутствуют необходимыя для этого интеллектуальныя и матеріальныя предпосылки. Коммунизмъ русскаго села окончательно палъ, и онъ никоимъ образомъ не означаетъ общинность производства. Невозможно также современное товарное производство преобразовать въ высшую форму производства на основѣ сельской общины. Для этого нужны, по крайней мѣрѣ, рамки государства; для производства же на національной основѣ производители русскаго сельскаго хозяйства никоимъ образомъ не приспособлены».

✓
11
«Нынѣшняя революція можетъ въ деревнѣ привести лишь къ созданію сильнаго крестьянства на основѣ частной собственности на землю и такимъ образомъ вскрыть пропасть между пролетариатомъ и имущей частью сельскаго населенія, пропасть, существующую въ Западной Европѣ. Такимъ образомъ, кажется невѣроятнымъ, чтобы нынѣшняя руссiйская революція привела уже къ созданію социалистическаго способа производства, также и въ томъ случаѣ, если она временно поставитъ социал-демократію у власти».

«Но, конечно, мы можемъ пережить многія неожиданности. Мы не знаемъ, сколько времени еще продлится русская революція, а если судить по формамъ, какія она приняла теперь, нужно думать, что она не скоро собирается прийти къ концу. Мы не знаемъ также, какое вліяніе она окажетъ на Западную Европу и какъ она оплодотворитъ тамъ пролетарское движеніе. Наконецъ, мы уже вовсе не знаемъ, какъ вырастающіе отсюда успѣхи европейскаго пролетариата въ свою очередь будутъ вѣдѣствовать на русскій пролетариатъ. *Мы хорошо отдаемъ, если приучимъ себя къ мысли, что мы здѣсь идемъ на встрѣчу совершенно новымъ положеніямъ и задачамъ, для которыхъ негоденъ ни одинъ изъ старыхъ шаблоновъ.*

•
У
«Мы наиболѣе правильно оцѣнимъ русскую революцію и задачи, которыя она намъ ставитъ въ томъ случаѣ, если будемъ на нее смотрѣть не какъ на буржуазную революцію въ традиціонномъ смыслѣ и не какъ на социалистическую, а какъ на совершенно своеобразный процессъ, совершающійся на рубежѣ между буржуазнымъ и социалистическимъ обществомъ, способствующая уничтоженію одного, подготавливая другое и во

всякомъ случаѣ подвигая впередъ развитіе всего человѣчества капиталистической цивилизаціи на огромное разстояніе».

* * *

Мы привели почти всю статью Каутскаго. Боимся, что многимъ товарищамъ она покажется совершенно неожиданной и необъяснимой, можетъ быть, даже чѣмъ-то въ родѣ временнаго наводненія. А, между тѣмъ, Каутскій не впервые высказываетъ эти мысли. Здѣсь онъ только свелъ ихъ во-едино, побужденный къ этому запросомъ Плеханова. Еще въ прошломъ году въ своей работѣ объ американскомъ пролетариатѣ Каутскій далъ краткій, но содержательный анализъ классовыхъ отношеній русской революціи, положенный имъ теперь въ основу приведеннаго выше этюда.

Выяснивъ въ общихъ чертахъ социально-историческія условія, предопредѣлившія, съ одной стороны, политическое ничтожество русской буржуазии и отсутствіе серьезной буржуазной демократіи, съ другой стороны, могущество революціоннаго пролетариата, Каутскій писалъ: «борьба за интересы цѣлой Россіи выпала на долю *единственнаго имѣющагося въ ней теперь сильнаго класса промышленнаго пролетариата*. Поэтому послѣдній имѣетъ тамъ громадное политическое значеніе; поэтому же въ Россіи борьба за освобожденіе ея отъ удушающаго ее полна абсолютизма превратила въ *единоборство послѣдняго съ промышленнымъ рабочимъ классомъ*, единоборство, въ которомъ крестьянство можетъ оказать значительную поддержку, но не способно играть руководящую роль» *).

Что касается перспективъ мировой революціи въ связи съ переворотомъ въ Россіи, то Каутскій писалъ по этому поводу въ 1904 г.: «Революція въ Россіи (тогда еще только ожидавшаяся) не могла бы немедленно установить социалистическій режимъ. Для этого экономическія условія страны еще далеко не зрѣлы». Но русская революція должна будетъ дать сильный толчекъ пролетарскому движению остальной Европы, и въ результатѣ

*) К. Каутскій. «Американскій и рус. (?) рабочий»; рус. пер., Спб., 1906, стр. 4 и 5.

разгорѣвшейся борьбы пролетаріатъ можетъ занять господствующее положеніе въ Германіи. «Такой исходъ, — продолжаетъ Каутскій, — долженъ будетъ оказать влияние на всю Европу, долженъ будетъ повлечь за собой политическое господство пролетаріата въ Западной Европѣ и создать восточно-европейскому пролетаріату возможность сократить стадии своего развитія и, подражая нѣмецкому примѣру, искусственно создать социалистическія учреждения. Общество въ цѣломъ не можетъ искусственно перескочить черезъ отдѣльныя стадии развитія, но это возможно для его отдѣльныхъ составныхъ частей, которыя могутъ ускорить свое отсталое развитіе подражаніемъ передовымъ странамъ и, благодаря этому, даже стать во главѣ развитія, потому что онѣ не обременены балластомъ традицій, который тащатъ съ собой старыя націи... Это можетъ случиться, — пишетъ далѣе Каутскій. — Но какъ уже сказано, мы здѣсь уже оставили область поддающейся изученію необходимости; здѣсь мы находимся уже въ области возможности. Поэтому все можетъ произойти и иначе» *).

Это писалось до начала русской революціи. Съ того времени прошло почти три года. И какъ ни осторожно выражается Каутскій въ заключительной части своей послѣдней статьи, но ясно, что и въ отношеніи интернаціональных перспективъ событія за эти годы развивались въ томъ направленіи, которое Каутскій характеризовалъ, какъ историческую «возможность». Но дѣло въ сущности не въ этомъ. Вызоветъ ли русская революція непосредственно социально-политическій переворотъ въ Европѣ, въ какой мѣрѣ этотъ послѣдній отразится на ходѣ и исходѣ русской революціи, эти вопросы — какъ они ни важны — допускаютъ сейчасъ только условное рѣшеніе. Центръ тяжести лежитъ сейчасъ въ вопросѣ о внутреннихъ отношеніяхъ и дальнѣйшемъ ходѣ русской революціи. И поскольку рѣчь идетъ объ этомъ, взгляды Каутскаго не оставляютъ ничего желать со стороны опредѣленности. Мы должны быть крайне благодарны г. Шаханову, который своимъ запросомъ понудилъ такъ категорически высказаться осторожнаго и глубокаго мыслителя-соціалиста; наша благодарность должна быть тѣмъ горячѣе,

*) «Allerhand revolutionäres. Революц. перспективы», рус. пер., Кіевъ, 1906.

что запросъ этотъ въ отношеніи Каутскаго имѣлъ идейно-безкорыстный характеръ, ибо Плехановъ не могъ не знать изъ всего написаннаго Каутскимъ раньше о русской революціи, что отвѣтъ послѣдняго очень мало способенъ будетъ послужить поддержкой нынѣшней позиціи самого Плеханова.

Каутскій, который очень рѣдко говоритъ о диалектическомъ материализмѣ, но превосходно примѣняетъ его методъ для анализа социальныхъ отношеній, въ отвѣтъ на первый вопросъ т. Плеханова, отказывается назвать русскую революцію буржуазной. Эпоха буржуазной революціи прошла—также и для Россіи. Самостоятельной революціонной буржуазной демократіи у насъ нѣтъ. И ея не будетъ, ибо для этого отсутствуетъ основная социально-экономическая предпосылка, въ видѣ мощнаго городского средняго сословія, мелкой буржуазіи съ историческимъ прошлымъ и съ историческимъ будущимъ. Крестьянство представляетъ огромный источникъ революціонной энергіи, но оно неспособно сыграть самостоятельную историческую роль. Пролетаріатъ долженъ будетъ вести крестьянство за собой, т. е. стать къ нему въ такія же, до известной степени, отношенія, въ какихъ стояла къ нему въ старыхъ революціяхъ мелкобуржуазная демократія городовъ. «Русская буржуазія сдастъ пролетаріату всѣ революціонныя позиціи. Ей придется сдать и революціонную гегемонію надъ крестьянствомъ» *). Каутскій доводитъ свой анализъ до того періода, когда между стоящимъ у власти пролетаріатомъ и между влиятельными слоями крестьянской массы, на которую опирается его господство, возникнетъ глубокой социальный антагонизмъ. Гдѣ-же выходъ изъ этого антагонизма?

И не совсѣмъ ясно представляю себѣ, что понимаютъ товарищи изъ большинства подѣ демократической диктатурой пролетаріата и крестьянства? Я не хотѣлъ бы имъ навязать неправильное представленіе о содержаніи этой коалиціонной «диктатуры», но если они рисуютъ себѣ дѣло такъ, что социалдемократія въ формальномъ союзѣ съ крестьянской партией, можетъ быть, даже при численномъ перевѣсѣ этой послѣдней, образуетъ правительство, которое учреждаетъ демокра-

*) «Наша революція».—«Итоги и перспективы», стр. 253.

не
уже
рано

10

тический режимъ, послѣ чего одинъ изъ союзниковъ, пролетаріатъ, мирно переходитъ въ оппозицію, то я могу по поводу такого возрѣнія лишь повторить то, что писалъ въ своихъ «Итогахъ и перспективахъ».

«Политическое господство пролетаріата несовмѣстимо съ его экономическимъ рабствомъ. Подъ какимъ бы политическимъ знаменемъ пролетаріатъ ни оказался у власти, онъ вынужденъ будетъ стать на путь социалистической политики. Величайшей утопией нужно признать мысль, будто пролетаріатъ, поднятый на высоту государственнаго господства внутренней механикой буржуазной революціи, сможетъ, если даже захочетъ, ограничить свою миссію созданіемъ республиканско-демократической обстановки для социальнаго господства буржуазіи. Политическое господство пролетаріата, хотя-бы и временное, крайне ослабитъ сопротивленіе капитала, всегда нуждающагося въ поддержкѣ государственной власти, и придастъ грандіозные размѣры экономической борьбѣ пролетаріата. Рабочіе не смогутъ не требовать отъ революціонной власти поддержки стачечниковъ, и правительство, опирающееся на пролетаріатъ, не сможетъ въ такой поддержкѣ отказать. Но это значитъ парализовать вліяніе резервной арміи труда, сдѣлать рабочихъ господами не только въ политической, но и въ экономической области, превратить частную собственность на средства производства въ фикцію. Эти неизбежныя социально-экономическія послѣдствія диктатуры пролетаріата *) проявятся немедленно—гораздо раньше, чѣмъ будетъ закончена демократизація политическаго строя»...

«Пролетаріату придется въ ближайшіе же моменты своего господства искать опоры въ противопоставленіи деревенской бѣдности деревенскимъ богачамъ, сельскохозяйственнаго пролетаріата—земледѣльской буржуазіи. Но если неоднородность крестьянства представить затрудненія, ибо сузить базисъ пролетарской политики, то недостаточная классовая дифференціація крестьянства будетъ создавать препятствія внесенію въ крестьянство развитой классовой борьбы, на которую могъ бы

*) Каутскій отказывается назвать это политическое господство пролетаріата *диктатурой*, я обыкновенно также избѣгаю этого слова; во всякомъ случаѣ, социальное содержаніе пролетарскаго господства у меня совершенно то же, что у Каутскаго.

10

опереться городской пролетариатъ. Примитивность крестьянства повернется къ пролетариату своей враждебной стороной.

«Но охлажденіе крестьянства, его политическая пассивность, а тѣмъ болѣе активное противодѣйствіе его верхнихъ слоевъ не смогутъ остаться безъ вліянія на часть интеллигенціи и на городское мѣщанство.

«Такимъ образомъ, чѣмъ опредѣленнѣе и рѣшительнѣе будетъ становиться политика пролетариата у власти, тѣмъ уже будетъ подъ нимъ базисъ, тѣмъ зыбче будетъ почва подъ его ногами».

«Но какъ далеко можетъ зайти социалистическая политика рабочаго класса въ хозяйственныхъ условіяхъ Россіи? Можно одно сказать съ увѣренностью: она натолкнется на политическія препятствія гораздо раньше, чѣмъ упрется въ техническую отсталость страны. *Безъ прямой государственной поддержки европейскаго пролетариата рабочій классъ Россіи не сможетъ удержаться у власти и превратить свое временное господство въ длительную социалистическую диктатуру*» *).

Каутскій говоритъ, что границы возможнаго использования побѣды пролетариата будутъ лежать въ социальныхъ интересахъ крестьянства, поддерживающаго революціонный режимъ. Этого не нужно, разумеется, понимать въ томъ смыслѣ, что пролетариатъ, въ силу опредѣленнаго договора съ своимъ союзникомъ, не будетъ переступать за извѣстныя границы; дѣло не въ договорѣ: «границы» будутъ стоять передъ пролетариатомъ, какъ чисто внѣшнія, объективныя препятствія, которыхъ онъ въ извѣстный моментъ своего господства не сможетъ преодолѣть. Разумеется, пролетариатъ у власти будетъ дѣлать все отъ него зависящее, чтобъ не вызвать преждевременнаго конфликта съ крестьянствомъ; но такъ какъ обладаніе властью не только не измѣнитъ его классовой природы, но, наоборотъ, заставитъ ее еще рѣшительнѣе проявиться; такъ какъ онъ не сможетъ не поддерживать сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ

*) «Наша революція». — «Итоги и перспективы», стр. 275, 255 и 277. Въ послѣднихъ словахъ очень рѣзко противопоставлено временное господство социалистической диктатурѣ.

ихъ борьбѣ за человѣческую жизнь, — то конфликтъ пролетаріата и «вѣрпикаго» крестьянства, въ концѣ концовъ, неизбеженъ. Но это будетъ начало конца. Чѣмъ завершится конфликтъ? Разумѣется, не тѣмъ, что представители пролетаріата пересядутъ съ министерскихъ скамей на скамьи оппозиціи. Положеніе будетъ гораздо серьезнѣе. Конфликтъ завершится гражданской войной и пораженіемъ пролетаріата. Другого «выхода» *въ рамкахъ національной революціи* нѣтъ изъ политическаго господства пролетаріата при нашихъ социальныхъ условіяхъ. Вотъ почему передъ пролетаріатомъ въ первый же періодъ его господства возникнетъ, какъ вопросъ его жизни и смерти, — колоссальная задача: разбить національныя рамки русской революціи, привести въ движеніе всѣ ресурсы временной власти для того, чтобы національный переворотъ сдѣлать эпизодомъ европейской революціи. Это путь, который вытекаетъ изъ всей революціонной ситуаціи, какъ она охарактеризована Каутскимъ. И послѣднія строки его статьи намекаютъ именно на этотъ путь.

* * *

Какъ отвѣчаетъ Каутскій на второй вопросъ Плеханова о правильномъ отношеніи и буржуазной демократіи, «которая по своему борется за политическую свободу?» Каутскій въ свою очередь спрашиваетъ: что понимать подъ демократіей? Той революціонной демократіи, которая вписала это имя въ исторію, у насъ въ Россіи нѣтъ. Остаются, съ одной стороны, буржуазный либерализмъ, антиреволюціонный до мозга костей, и народныя массы, прежде всего крестьянство. Это двѣ совершенно несоизмѣримыя величины. Т. Плехановъ ограничивается въ своемъ вопросѣ «алгебраической формулой» буржуазной демократіи. Въ сущности, онъ при этомъ мысленно ассимилируетъ кадетовъ съ народными массами. Но въ дѣйствительности эта ассимиляція еще не совершилась и, по мнѣнію Каутскаго, *не совершится* вовсе. Чтобы разрѣшить аграрный вопросъ, нужно отрѣшиться отъ всѣхъ либеральныхъ сомнѣній и предразсудковъ, нужно занять смѣлую революціонную позицію. Но для этого нужно опять-таки найти опору въ городахъ, въ центрахъ политической жизни. Въ пролетаріата такой опоры нѣтъ, а

опереться на пролетариатъ можетъ только социалистическая партия. Каутскій требуетъ, чтобъ въ центрѣ нашей тактики была поставлена борьба за прямое непосредственное вліяніе на крестьянство. Сможетъ ли либерализмъ конкурировать съ нами въ этой сферѣ? Первое общее политическое выступленіе крестьянства въ лицѣ трудовой группы должно его совершенно обезкуражить. У насъ много писали о расплывчивости, шаткости и нерѣшительности трудовиковъ, — и все это совершенно безспорно. Но развѣ это устраняетъ тотъ колоссальнаго значенія фактъ, что русское крестьянство, едва пробужденное громомъ революціи, впервые призванное формулировать свои требованія, лишено возможности услышать свободное агитаціонное слово, опутанное сѣтями сложной избирательной системы, отправило въ Думу депутатовъ, которые въ большинствѣ своемъ оказались *львѣ* патентованныхъ «демократовъ» отъ земства, отъ университета и отъ журналистики, — и въ какой періодъ? когда такъ называемая конституціонная демократія переживала медовый мѣсяцъ своего общенія съ народомъ. Разумѣется, трудовики — не идеалъ, но вѣдь они и не послѣднее слово въ политической эволюціи крестьянства. Презрительно отмахиваться отъ нихъ или валить ихъ въ одну кучу съ кадетами значить совершать серьезную ошибку. Конечно, лѣвое крыло кадетовъ кое-гдѣ связано съ крестьянствомъ, и въ практическомъ опредѣленіи нашей позиціи на мѣстахъ мы должны это учитывать. Но крестьянство въ цѣломъ не связано съ либерализмомъ въ цѣломъ. Въ какой мѣрѣ крестьянскіе депутаты во второй Думѣ будутъ дѣйствительно представителями крестьянства, и каковы они будутъ, это трудно предсказать. Но что крестьянство польвѣло, въ то время какъ кадеты поправѣли, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Каутскій говоритъ о социалдемократіи, какъ о революціонной руководительницѣ крестьянства. Онъ только рисуетъ то, что фактически существуетъ на Кавказѣ. *Гурія* — вотъ законченный образецъ революціонныхъ отношеній между крестьянствомъ и партией пролетариата.

На третій вопросъ — о тактикѣ при выборахъ въ Думу — Каутскій отвѣчаетъ: «Совмѣстная дѣятельность съ либерализмомъ можетъ лишь тамъ и постольку входить въ расчетъ, гдѣ отъ этого не пострадаетъ совмѣстная дѣятельность съ крестьян-

этомъ». Эта осторожная формула даетъ совершенно правильныя указанія. Она допускаетъ частичныя практическія соглашенія съ кадетами, но она не дѣлаетъ изъ этихъ соглашеній центра избирательной борьбы, а тѣмъ болѣе—отправнаго пункта коалиціонной кампаніи. Политическая мотивировка избирательныхъ сдѣлокъ дана мною въ другой статьѣ этого сборника. Здѣсь скажу только, что эта мотивировка соглашеній съ либералами цѣликомъ укладывается въ рамки нашей непосредственной борьбы съ либерализмомъ за влияние на народныя массы.

* * *

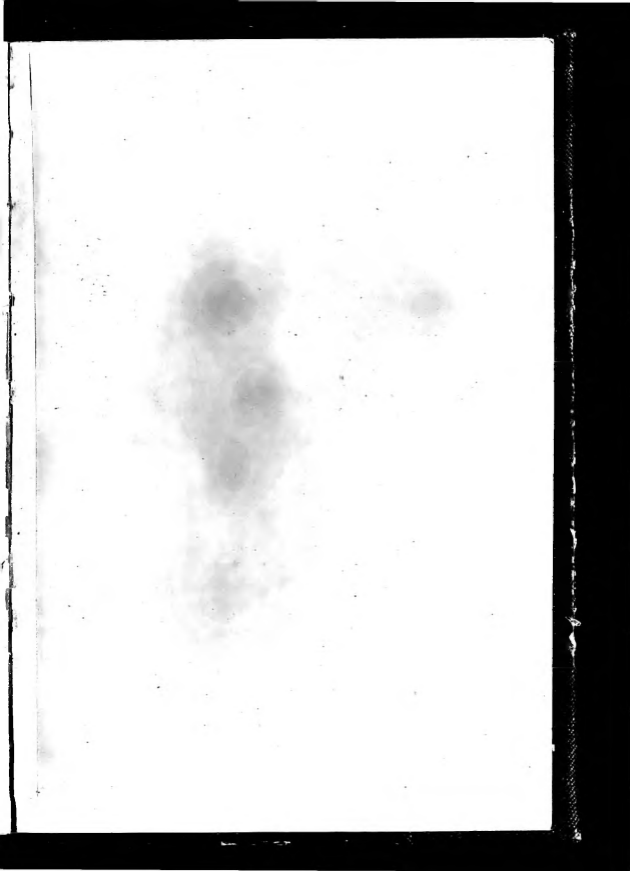
Повторяю. Вопросъ сейчасъ не въ томъ, на какомъ этапѣ остановится наша революція, а въ томъ, какимъ путемъ она пойдетъ. И ужь, конечно, не въ томъ вопросъ, какъ назвать нашу революцію: буржуазной или социалистической, а въ томъ, чтобы установить ея дѣйствительное направленіе путемъ анализа ея силъ. Между тѣмъ матеріалистическій анализъ у насъ слишкомъ часто замѣняли формалистической дедукціей: наша революція есть буржуазная революція; побѣдоносная буржуазная революція передаетъ власть буржуазіи; пролетаріатъ долженъ содѣйствовать побѣдѣ буржуазной революціи; следовательно, онъ долженъ содѣйствовать переходу власти въ руки буржуазіи; идея рабочаго правительства несомнѣнима поэтому съ тавтикой пролетаріата въ эпоху буржуазной революціи, и пр. и пр. Такой рядъ силлогизмовъ у схоластиковъ, кажется, назывался соритомъ. Это очень красивая конструкция, но нужно глядѣть въ оба, чтобы въ одну изъ посылокъ вамъ не подсунили того, «что требуется доказать». Каутскій отказывается назвать нашу революцію буржуазной, ибо буржуазія не является ея движущей силой,—но мы можемъ условно принять это названіе—въ томъ смыслѣ, что наша революція пока еще борется за созданіе «нормальныхъ» условій существованія буржуазнаго общества. Развѣ это, однако, рѣшаетъ вопросъ, какія силы и какъ именно борются за эти «нормальныя» условія? Мы знаемъ, что однажды условія господства капиталистической бур-

жуази были подготовлены «плебейскими» приемами побѣдоносныхъ санюлотовъ (Марксъ). Не имѣемъ ли мы основанія думать, что теперь они будутъ подготовлены классовыми приемами побѣдоноснаго пролетаріата? Но если санюлоты служили опорой для якобинцевъ, то пролетаріатъ, очевидно, поставить у власти социалдемократію. Общее опредѣленіе или, вѣрнѣе, наименованіе революціи этихъ вопросовъ не ставить и не разрушаетъ. Нуженъ анализъ. И этотъ анализъ долженъ отвѣтить: развивается ли наша революція? есть ли у нея шансы на побѣду, т. е. на переходъ власти въ руки оппозиціоннаго класса? какого именно класса? какая партія является или можетъ явиться его политической представительницей? Кто признаетъ за революціей всѣ шансы на рѣшительную побѣду и кто отрицаетъ при этомъ неизбѣжность или вѣроятность господства рабочаго класса, тотъ, очевидно, имѣетъ другого претендента на власть. Гдѣ онъ? кто онъ? Очевидно, буржуазная демократія. На какіе классы она опирается? гдѣ ея боевая армія? Армія, которая дала бы своему представительству совершенно независимое положеніе, ибо пролетаріатъ, до сихъ поръ главная сила революціи, будетъ неизбѣжно занимать оппозиціонное положеніе при буржуазно-демократическомъ правительствѣ. Основной вопросъ не въ томъ, закончила или не закончила у насъ буржуазная демократія свою историческую роль—конечно, не закончила,—а въ томъ, каковы вообще возможные размѣры этой роли. У насъ нѣтъ третьяго сословія, т. е. прежде всего сильнаго, культурнаго, революціоннаго мѣщанства. Это коренной фактъ. Въ составѣ нашего городского населенія промышленный пролетаріатъ занимаетъ мѣсто мелкобуржуазной демократіи. Кто-же замѣнитъ мелкобуржуазную демократію у власти? Я рѣшительно не слышалъ отвѣта на этотъ вопросъ. А между тѣмъ онъ стоитъ въ нашей партійной литературѣ около двухъ лѣтъ—со времени предисловія, написаннаго Парвусомъ къ моему брошюрѣ: «До 9-го января». Мнѣ лично пришлось не разъ возвращаться къ этому вопросу. Если читатель возьметъ на себя трудъ прочитатъ мою статью «Итоги и перспективы» («Наша революція», стр. 224—286), то онъ признаетъ, что у меня нѣтъ никакихъ основаній отказываться ни отъ одного изъ положеній, формулированныхъ въ переведенной мною статьѣ Каут-

скаго,—такъ какъ ходъ мыслей въ обѣихъ статьяхъ совершенно одинаковый. Я тѣмъ съ большимъ удовлетвореніемъ устанавливаю это обстоятельство, что только недавно одинъ рецензентъ, почтенный во всѣхъ отношеніяхъ марксистъ, въ сожалѣнію, слишкомъ склонный играть роль выразителя среднихъ предрасудковъ, съ сувереннымъ презрѣніемъ отозвался о моей работѣ, какъ о сплошной фантазіи, которую я создалъ, впрочемъ, изъ благороднѣйшихъ побужденій. Разумѣется, этого было совершенно достаточно, чтобъ почтенный рецензентъ ужъ не утруждалъ себя размышленіемъ надъ моимъ анализомъ. Статья Каутскаго, несмотря на то, что она почти не вноситъ новыхъ аргументовъ, явилась какъ нельзя болѣе кстати. Не потому, конечно, что выразители среднихъ предрасудковъ почувствуютъ себя нѣсколько скандализованнми, но потому, что авторитетъ автора статьи побудитъ товарищей, стоящихъ на иной точкѣ зрѣнія, высказаться болѣе опредѣленно и конкретно о социальныхъ отношеніяхъ революціи. Я съ нетерпѣніемъ жду этого. До сихъ поръ я, несмотря на все свое желаніе, въ этомъ вопросѣ ничему не могъ научиться отъ своихъ критиковъ.

23 декабря 1906 г.

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. РКП. (б.)

1р. 25к.

ЦЕНА 60 КОП.

9.

